

Дмитрий Леонидович Спивак

**Метафизика Петербурга.
Немецкий дух**

Дмитрий Леонидович Спивак

Метафизика Петербурга. Немецкий дух

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6538899

Аннотация

Книга посвящена участию российско-немецких культурных контактов в формировании духовности «петербургской цивилизации», от лютеранских влияний петровской эпохи или «петербургско-берлинского» масонства – до «философской интоксикации» идеями Шеллинга, Гегеля, а позже и Маркса, или антропософских увлечений младших символистов. Особое место уделено длительной истории отношений новгородцев с ливонскими рыцарями и ганзейскими купцами, которым довелось внести свой вклад в предысторию «мифа Петербурга». В книге подведены итоги многолетних историко-психологических исследований, проведенных автором – доктором филологических наук, научным сотрудником Российской Академии наук. Она основана на обширном материале, собранном трудами петербургских ученых и писателей-краеведов, равно как на привлечении оригинальных немецких источников, написана занимательно и предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Древности – готские и франкские	10
Готские древности	11
«Каролингские немцы»	17
Империя Оттонов	20
«Из немец в хазары»	22
«Немецкая вера»	24
Немецкая проповедь на Востоке	26
Глава 2. Средневековье – ливонское и ганзейское	29
«Натиск на Восток»	29
Завоевание Ливонии	31
Психология колонизации	33
Тевтонский орден	35
«Рыцарь Андреяш»	38
«Бург Копорье»	40
Ледовое побоище	44
Ливонские пленники	47
Возможность союза с Ливонией	48
«Повелитель вод»	50
Раковорская битва	53
Рыцари, епископы и бургомистры	55
Ганза – «окно в Европу»	57
«Колупание» и «наддача»	59
Ганзейский «Санкт-Петергоф»	61
Психологический облик ганзейца	63
О лестнице и печи	64
Негоции на Неве	66
Архитектурный текст Новгорода	69
«Новгородское предвозрождение»	71
Корсунские врата	72
Возможность новгородско-ливонского союза	73
Семиотика Ивангорода	75
Корела – Орешек – Копорье – Ямгород – Ивангород	78
Семиотика Ямгорода	79
Семиотика "Янилинна"	81
Ослабление Ливонии	83
Гербы "Великого герцога Московии"	86
Две империи	88
"Имперский" двуглавый орел	89
Психологический тип новгородского купца	91
Психологический тип московского купца	93
Конец "колупания"	95
Ослабление Ганзы	96
"Атлантиды" – нижненемецкая и новгородская	98
"Геннадиев" перевод Библии	100
Славянский первопечатник Швайпольт Фиоль	102

Календарная мистика	103
Николай Булев	104
Булев и теория "Москва – третий Рим"	105
"Петербургское летосчисление"	108
"Прение живота со смертью"	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Д.Л. Спивак

Метафизика Петербурга. Немецкий дух

Введение

Германским народам, не говоря уж о немцах, отнюдь не принадлежало историческое первенство в деле заселения приневского края. На него, как известно, могут претендовать народы прибалтийско-финского корня – ижора и водь, карелы и финны – в зависимости от того, о какой именно местности и эпохе мы говорим. Как помнит читатель, многие места в наших краях не раз подвергались запустению, а потом заселялись заново.

Не довелось немцам и участвовать в весьма раннем заселении этого края, предпринятом далекими предками современных русских. Обосновавшись здесь, они с давних пор упорно обороняли свои владения от посягательств соседей и неизменно включали приневские земли в состав своих важнейших государственных образований – от ранней «империи Рюриковичей» до Новгородской республики, и от московского царства до «петербургской империи».

В отличие от шведов, не довелось немцам до наступления двадцатого столетия и век за веком, настойчиво и изобретательно претендовать на приневские земли, биться за них, основывать здесь укрепления и города. Как мы помним, последний из таковых, основанный в начале века «шведского великодержавия», Ниен с крепостью Ниеншанц, непосредственно предшествовал Санкт-Петербургу во времени и пространстве.

Вот почему, посвятив предыдущую, выпускаемую в свет также издательством «Алетейя», книгу о предыстории и истории участия в деле формирования «мифа Петербурга» носителей трех упомянутых выше культурных традиций, исторически первенствовавших в освоении приневского края, мы не нашли уместным включить в нее очерк «немецких влияний и контактов».

Вместе с тем, нужно напомнить, что немецкие колонизаторы появились в Восточной Прибалтике очень давно. Точкой отсчета в их продвижении, безусловно, нужно считать основание Риги весной 1201 года (хотя первая немецкая экспедиция высадилась в устье Западной Двины за добрых полтора десятилетия прежде указанной даты). Быстро заняв основную территорию теперешних Латвии и южной Эстонии, немецкие рыцари предъявили претензию на новгородские земли – не исключая и Водской пятины, где они предприняли попытку основать настоящий «бург» на территории Копорского погоста. Только решительный отпор, который они встретили в Ледовом побоище и ряде других сражений, оставшихся менее известными, остановил в наших местах немецкий «дранг нах Остен» и установил на долгие века знаменитую «ливонскую границу», прошедшую по реке Нарове, Чудскому озеру и далее на юг.

Разделив великие христианские цивилизации Восточной и Западной Европы, эта граница не помешала ганзейским купцам наладить взаимовыгодные связи с их новгородскими контрагентами. Основной поток ганзейских товаров проходил транзитом через Неву, нередко перегружаясь прямо на островах ее дельты. Основав в этом месте свою столицу, Петр Великий продолжил как традицию противостояния немецкой угрозе, воплощенную в камне возведенных в разное время «на ливонском направлении» укреплений Ивангорода, Ямгорода и Копорья, так и линию деловых и культурных контактов, начатую новгородско-ганзейскими сношениями и продолженную Немецкой слободой в Москве.

Сразу же после основания нашего города, в него устремился поток немецких переселенцев как из соседних, только что приобретенных остзейских земель, так и из более

отдаленных германских государств. Они представляли практически все основные классы тогдашнего общества. С течением времени, «петербургские немцы» составили особую этническую группу, весьма выделявшуюся в числе жителей столицы Российской империи по своим численности, сплоченности и влиянию – и проявлявшую вполне выраженную тенденцию к перерастанию в «субэтнос». Ну, а «немецкому духу» суждено было оказать более чем заметное воздействие на культурную традицию всего «петербургского периода». Более того, говоря о первостепенных культурных влияниях этой эпохи, следует назвать только два – немецкое и французское – причем именно в такой исторической последовательности.

Нельзя умолчать о событиях обороны Петрограда – и, разумеется, блокады Ленинграда, когда героическое сопротивление не только защитников города, но и всех ленинградцев, предотвратило его занятие немецкими войсками, за которым последовало бы разрушение города и прекращение его уникальной культурной традиции. То было самое тяжелое испытание в истории нашего города, последствия которого явны до сей поры. В этом контексте представляется особенно важным, что церемония возложения венков, проведенная на Пискаревском мемориальном кладбище перед недавним открытием российско-германского форума «Петербургский диалог», рассматривалась немецкой стороной в качестве символического акта окончательного примирения обеих наций.

В силу указанных и многих других причин, обращение к истории российско-немецких духовных контактов также принадлежит к числу первоочередных задач исследователя петербургской культуры. Ну, а читатель или читательница, следуя за нами по страницам предыстории Петербурга или его истории, сможет в полной мере оценить, как многими мыслями, образами и чувствами он или она обязаны фактору немецкой культуры, претворенной в тигле петербургской традиции.

Употребление этого образа, принадлежащего не только технологии, но и алхимии, принципиально важно для нас. *Ведь, широко заимствуя многообразные ингредиенты из сокровищниц чужестранных культур, носители «петербургского духа» деформировали и переплавляли их настолько существенно и помещали потом в такие своеобразные культурные контексты, что итог этой «культурной рецепции» принадлежал уже безусловно петербургской традиции – и только ей.*

Разумеется, что таким свойством располагают отнюдь не все культурные традиции – но лишь, так сказать, наиболее сильные из них. Будучи упорядочены по своим собственным, качественно своеобразным законам, они обеспечивают решение в принципе всех задач, необходимых для полноценной материальной и духовной жизни членов соответствующего социума – а в первую очередь, само их осознание. В современной семиотической науке, такие традиции получили название «замкнутых целостных семиосфер». Говоря о них, мы примыкаем к высказанной уже около четверти века назад, однако отнюдь не утратившей актуальности, концепции Ю.М.Лотмана – кстати сказать, воспитанника ленинградской «Петришуле» – в свою очередь, продолжавшего линию мысли, намеченную его предшественниками, прежде всего – У.Эко¹.

Строя «культурные тексты» по ходу своей каждодневной деятельности, носители семиосферы следуют ее имманентным законам, задумываясь над ними обычно не в большей степени, чем над правилами грамматики родного языка. Впрочем, смутное чувство причастности к некой сверхличной – или, как сейчас стали говорить, трансперсональной – сфере время от времени посещает их сердца и умы. Оно достигает особой отчетливости «во дни торжеств и бед народных», когда продолжение традиции или отказ от нее переходит из импе-

---

¹ Лотман Ю.М. О семиосфере // Idem. Избранные статьи в трех томах. Т.1. Таллин, 1992, с. 11–24 (статья была впервые опубликована в 1984 году). Конструктивное обсуждение см.: Александров В.Е. "Семиосфера" Лотмана и разновидности человеческой личности // Звезда, 1998, N 10, с. 180–192. Ср.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию \ Пер. с итал. СПб, 1998, с.412 (основной текст трактата был написан в 1968 году).

ративов коллективного подсознания в область сознательного личного выбора, за который иной раз приходится отвечать жизнью.

Особую роль в этих условиях приобретают канонические тексты, последовательность которых может рассматриваться не только как результат творчества отдельных писателей, архитекторов или мистиков – но как самораскрытие «души города». Употребив последнее выражение, мы подчеркнули, что продолжаем традицию изучения Петербурга, начатую трудами выдающегося историка-урбаниста и теоретика-краеведа прошлого века Н.П. Анциферова. «Не следует задаваться совершенно непосильной задачей – дать определение духа Петербурга», – писал он, намечая в 1922 году одну из существенно важных доминант в психологическом строе петроградского интеллигента на закате «серебряного века», в предвидении эпохи «великих потрясений», – «Нужно поставить себе более скромное задание: постараться наметить основные пути, на которых можно обрести „чувство Петербурга“, вступить в проникновенное общение с гением его местности»².

Наградой за это общение служит обретение душевного мира, которое обычно сопровождается приобщением к сверхличностным знаниям и ценностям – и, сверх того, к тем поистине судьбоносным драмам, что разыгрываются в океане «большого» исторического времени, фактура которого качественно отлична от «малого» времени, на пространстве которого суждено протекать человеческим жизням. Что касается подразумеваемых, а иногда и высказываемых в связи с этим надежд на онтологическую трансформацию – продолжение своего земного существования в надличном бытии семиосферы – то мы признаем, что ее систематическое рассмотрение далеко выходит за пределы наших задач и познаний. Впрочем, мы с неизменным благоговением будем мысленно возвращаться к замечательным строкам классика петербургской литературы:

«Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит»...

Итак, под метафизикой Петербурга мы будем подразумевать его замкнутую целостную семиосферу, осуществляющую трансперсональную психологическую трансформацию. Едва поставив здесь точку, мы сразу должны оговорить, что приведенное определение останется у нас первой и единственной строго научной формулировкой. В дальнейшем изложении, мы обратимся к ее конкретным приложениям – в надежде на то, что они будут всего интереснее для той широкой аудитории, которой в первую очередь адресована эта книга.

Что же касается ученого, то ему не составит труда восстановить теоретическую канву наших размышлений, руководствуясь адресованными подготовленному читателю краткими пояснениями, систематически включаемыми в ткань повествования. В качестве вводного замечания, отметим, что *общий контекст для наших метафизических штудий составлен научной дисциплиной, которую мы предложили называть культурологией Петербурга. Предметная область ее разделяется на историю и идеологию «петербургской цивилизации», как способа приведения к общему знаменателю и упорядочения «форм жизни» на евразийском пространстве, последовавшего во времени за одним московским «затворенным царством» и предшествовавшего другому; а также культуры самого города на Неве, служившего, образно говоря, мозговым центром, лабораторией и витриной инноваций этого периода*³.

---

² Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Л., 1990, с.14 (репринтное воспроизведение издания 1922 года).

³ Связанная с этими категориями исследовательская стратегия была предложена вниманию научной общественности в докладах автора: Историко-психологические аспекты "петербургской цивилизации" // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. Материалы Российской научной конференции. СПб, 1999, с. 9–10; Культурология Петербурга // Феномен Петербурга. Труды Международной конференции. СПб, 2000, с. 125–127.

С представленной выше расстановкой приоритетов согласуется принятый нами порядок библиографических ссылок. Литература о «немцах на берегах Невы» весьма обширна – а если учесть и огромные архивные материалы, то практически необозрима. Разработке этой предметной области посвящен целый ряд интересно задуманных и тщательно проведенных исследований ученых нашего города, от В.М.Жирмунского, Л.В.Пумпянского, И.В.Шаскольского – до Ю.Н.Беспярых, Н.А.Казаковой, Т.А.Славиной, Т.Н.Таценко, Т.А.Шрадер, Н.В.Юхневой и многих других. Мы ограничились здесь упоминанием лишь имен нескольких исследователей последнего столетия – а ведь о «петербургских немцах» или о немцах в Петербурге, о петербуржцах в Германии и о рецепции немецких идей на русской почве много писали у нас и прежде того.

Глубокую разработку получили эти проблемы также в работе славящихся своей скрупулезностью ученых-гуманитариев и обществоведов Германии, Австрии, а в последнее время также Швейцарии⁴. Нельзя не упомянуть и о периодически выпускаемых с 1998 года петербургским издательским домом «Дмитрий Буланин» сборниках статей отечественных и зарубежных ученых, выходящих под общим названием «Немцы в России». В их числе выделяется выпущенный в 1999 году объемистый том, дающий обильную пищу для размышлений об исторических судьбах и особенностях менталитета «петербургских немцев».

Даже если учесть, что рассмотрение доминирующих черт немецкой метафизики Петербурга представляет собой задачу достаточно узкую по сравнению с обозрением всей совокупности петербургско-немецких культурных контактов – нужно признать, что маломальски подробное описание наших источников все равно приобрело бы черты с трудом выполнимого предприятия. В этих условиях, мы сочли оправданным ограничиться отсылками к выпущенным или переизданным в последнее время на русском языке книгам или статьям обзорного характера, снабженным ключевыми библиографическими указаниями. Само собой разумеется, что в случае упоминания концепций и фактов, менее известных отечественной аудитории – тем более, впервые вводимых в оборот современного «петербурговедения» – ссылки приводятся в полном объеме.

Оговорим также с чувством сожаления, что нам пришлось оставить вне рамок настоящей книги художественную литературу и изобразительное искусство Ленинграда 1970-1990-х годов. Близость во времени, обилие источников, а иногда – личное знакомство с авторами могут создать ощущение простоты и понятности закономерностей культурной динамики этого периода. Такое впечатление безусловно обманчиво, сама же тема настолько важна и своеобразна, что ее раскрытие следует отнести к особой работе.

* * *

Первой главе предпослано изображение так называемого «знака молнии». В числе других магических знаков, он был помещен на железном наконечнике готского копья, изготовленного в третьем веке. Копье было найдено археологами на Вольтыни, близ города Ковель. Как помнят историки, как раз в III столетии готам удалось создать на территории будущей Русской земли и при самом активном участии наших предков мощное, хотя и недолговечное «протогосударственное образование».

Вторая глава начинается с изображения двуглавого орла, утвердившегося в качестве герба Священной Римской империи к середине XV столетия и передававшего идею германского великодержавия. Согласно свидетельствам дипломатических архивов, знакомство с

---

⁴ Имеем в виду серию книг, изданных в последние годы цюрихским издательством Ганса Рора, которые существенно дополнили наши знания о "Schweizer im Dienst des Zarenreiches" – "швейцарцах на царской службе", и в первую очередь, в Санкт-Петербурге.

этим гербом укрепило Ивана III в решении положить изображение византийского двуглавого орла в основу своего нового государственного герба, на что он приобрел право после женитьбы на принцессе Софии Палеолог. Этот герб осенял победы московского царства, а потом и российской империи на всем протяжении их исторического бытия; нашлось ему место и на гербе Санкт-Петербурга.

Третью главу открывает изображение грифа – мифического существа с телом льва, но головою и крыльями орла. Передающая идею двойного прорыва в физическом и метафизическом пространстве, эта древняя эзотерическая эмблема была принята немецкими рыцарями в качестве герба средневековой Лифляндии. Во время Ливонской войны, она так полюбилась одному из русских военачальников, что он взял ее в качестве своей родовой эмблемы. Это решение оказалось на удивление дальновидным. Ведь сыну боярина, Феодору (в монашестве Филарету) довелось взойти на трон патриарха, а внуку, Михаилу Феодоровичу Романову – царя, то есть принять скипетры соответственно высшей духовной и светской власти.

Что же касалось грифа – или, как говорили у нас в старину, «птицы-львицы» – то его изображение было сохранено династией Романовых в составе своего родового герба вплоть до последнего дня существования «петербургской империи». С тем, чтобы отличить его от эмблемы Лифляндии, вместе с другими остзейскими землями вошедшей в состав Российского государства одновременно с Ингерманландией, был изменен цвет эмблемы и поля, грифу дан в левую лапу тарч с малым орлом, а весь герб окружен мрачной «романовской каймой», на черное поле которой были брошены восемь оторванных львиных голов.

Тексту *четвертой главы* предшествует изображение «железного креста», которое ассоциируется у нас с идеей германского милитаризма после событий как первой, так и второй мировой войны. Современные немцы продолжают относиться к этой эмблеме весьма позитивно, напоминая, что еще в 1813 году прусский король Фридрих-Вильгельм III положил ее очертания в основу ордена за участие в Освободительной войне против войск Наполеона. На основании аргументов этого рода, несколько измененный «железный крест» служит официальной эмблемой «нового бундесвера» по сей день.

* * *

Настоящая монография включает материалы работы, поддержанной Российским Фондом фундаментальных исследований, грант 00-06-80065. Автор сердечно признателен жене, Ирине Михайловне Спивак, принявшей посильное участие в редактировании рукописи и ее подготовке к печати.

* * *

Книга посвящена матери автора – блокаднице, прима-балерине Мариинского театра Нонне Ястребовой.

Глава 1. Древности – готские и франкские

Обратившись к тексту Повести временных лет, внимательный читатель сразу заметит, что немцам в ней особого внимания не уделено...

Едва дописав это предложение, автору приходится остановить свое перо, взявшее уже было разбег, и сделать необходимые оговорки. Прежде всего, *прародины* *обоих «племен-братьев одного индоевропейского происхождения»*, как их справедливо аттестовал замечательный наш историк С.М.Соловьев, *располагались поблизости друг от друга. Многочисленные, более или менее отчетливые следы первоначального соседства сохранились как в языках, так и в народной памяти восточных славян, равно как самих германцев.*

Кроме того, во времена, принадлежавшие седой древности уже с точки зрения древнерусского летописца, наши предки вошли в состав мощного племенного союза, сложившегося в причерноморских степях, и на землях, примыкающих к ним, от Днепра до Дуная, под верховенством германского племени готов.

Готские древности

Слова об «империи Германариха» или «державе готов», встречающиеся до настоящего времени в сочинениях историков германофильской ориентации, содержат вне всякого сомнения сильное преувеличение, питаемое в основном плодами геополитической фантазии старого готского хрониста Иордана, не обинуясь записавшего в состав подданных этой державы множество народов Восточной Европы, вплоть до древних пруссов, чуди и мери. Однако некое «протогосударственное» образование готам, несомненно, удалось создать, славянам же довелось сыграть самую активную роль как в его возвышении, так и упадке. Исторический контекст событий задан тем, что в первых веках нашей эры готы еще принадлежали балтийскому миру, занимая земли близ устья Вислы.

Любопытно, что к числу следов их пребывания на теперешних польских землях можно, повидимому, отнести и имя современного города Гданьска. Как это ни удивительно, в современной этимологии оно возводится к предположительно готскому топониму «*Gutiskandja», значившему ни больше ни меньше, чем «Готский берег»⁵. Если это действительно так, то получается, что польское название города сохранило большую близость к исходному германскому имени, чем его традиционный немецкий вариант, а именно Данциг.

В начале третьего столетия готы снялись с насиженных мест и переселились на юг, в причерноморские степи. Там им предстояло разделиться на готов восточных и западных – иначе остготовов и вестготовов, известных также под принятыми ими образными названиями грейтунгов («людей степи») и тервингов («людей леса»), войти в тесные отношения с местными племенами и, наконец, на равных вступить в круг народов «циркумпонтийской цивилизации». Отметим, что в ходе переселения готы разведали водные пути от Балтики до Черного моря, скорее всего вверх по Висле (а также, возможно, Неману), и далее вниз по Припяти, либо другим притокам Днепра.

Помимо того, историки определенно предполагают, что готским купцам или путешественникам был издревле, еще до переселения в южные степи, известен и путь по Неве к Ладожскому озеру, а после того вверх по рекам Ладожского бассейна, и далее после минимального по длине волока – по притокам Волги на юг, вплоть до Каспийского моря (или, выражаясь на старинный манер, «из Венедского моря в Гирканское»). Мы обращаем внимание на эти обстоятельства, поскольку *тут едва ли не впервые просматривается реальная возможность пути «из варяг в греки», сыгравшего позднее такую роль в русской истории.*

Остготы, поселившиеся к востоку от Днепра⁶, достигли наибольшего могущества на новых местах уже в следующем, четвертом веке, под предводительством короля Германариха⁷. Легенда о гибели Германариха была записана уже упомянутым выше готским хронистом Иорданом. Согласно его рассказу, в число союзников готов входило племя, носившее имя росомонов. После измены одного из их предводителей, готский король приказал казнить жену предателя, которую звали Сванильда. Мстя за сестру, братья Сванильды подстерегли самого Германариха и убили его, вслед за чем, в соответствии с эпическими нравами, произошли изрядная катавасия и всеобщее избиение.

После анализа готской легенды и ее непосредственного контекста, современные историки пришли к выводу, что под упомянутыми ней «вероломными росомонами» следует понимать славянское племя росов (или русов)⁸. Что же касается Сванильды, то есть осно-

---

⁵ Астериск здесь и далее маркирует формы, представляющие собой результат научной реконструкции.

⁶ Или же, по другим данным, Днестра, к западу от которого расположились, соответственно, вестготы.

⁷ В научной литературе встречается и транскрипция "Эрманарих".

⁸ С меньшей вероятностью – одно из племен северноиранского происхождения, члены которого были союзниками

вания предположить, что это имя представляет собой простой перевод на готский язык славянского имени, звучавшего приблизительно как Лыбедь, и известного нам по легенде об основании Киева.

На основании аргументов такого рода, историку остается заключить, что «первым свидетельством о росах можно условно считать рассказ Иордана...»⁹. Получается так, что, следуя за передвижениями древнегерманского племени, мы пришли к преданиям, составившим основание собственно русской истории.

К 375 году держава германцев разваливается под натиском гуннов, но сами остготы до времени вовсе не исчезают со сцены мировой истории. Напротив, ведя постоянные бои и сохраняя воинский дух, они уходят из причерноморских степей и перемещаются все дальше на юго-запад. Там-то в конце следующего столетия им и предстоит совершить самое славное из своих деяний. Мы говорим, разумеется, о завоевании Италии и основании на ее землях нового остготского государства под скипетром еще одного великого короля – Теодориха, оставшегося в истории также под именем Дитрих Бернский¹⁰.

След, оставленный остготами на новых местах, был очень глубок. Историк архитектуры вспомнит в этой связи о стоящем до наших дней на северо-восточной окраине древней Равенны монументальном, круглом в плане мавзолее Теодориха Великого. Ну, а этнограф расскажет, что доля остготской крови в жилах представителей знатных семейств Северной Италии, с тех пор была весьма значительной. Не должны были составлять в этом отношении исключения и юные жители «италийского Берна», то есть средневековой Вероны, которых звали Ромео Монтеки и Джульетта Капулетти, – если только они когда-нибудь существовали в действительности...

Участие остготов в русских делах на том пресекается, хотя этого нельзя сказать о связях обоих народов. Повидимому, определенное число русов, по преимуществу воинов, ушло вместе с готами, войдя в состав их боевых дружин. Еще какое-то количество, не только воинов, но также строителей и ремесленников могло присоединиться к гуннам, и позже прийти с ними на земли среднего Придунавья, где они снова встретились со старыми германскими союзниками¹¹. Во всяком случае, авантюра XXII Песни о Нибелунгах рисует картину блестящего шествия при гуннском дворе, в котором принимают участие воины всего окрестного мира – от русов до готов:

«То на дыбы вздымая своих коней лихих,
То снова с громким криком пришпоривая их,
Скакали русы, греки, валахи и поляки —
Бесстрашием и ловкостью блеснуть старался всякий»¹².

Многочисленные анахронизмы, характерные для Песни о Нибелунгах в том виде, который ей придал австрийский шпильман XIII века, просматриваются даже на материале нескольких процитированных нами строк. Однако историки литературы подчеркивают, что основное содержание событий пятого века, составивших ядро великого германского

славян-росов.

⁹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993, с.90. Следует добавить, что структурно сходную гипотезу высказал еще М.В.Ломоносов в главе IX своей "Древней Российской истории", при разборе предания о Сванильде и ее братьях.

¹⁰ Имеется в виду, конечно, Верона, имя которой превратилось в произношении германцев в "Берн", а вовсе не Берн в позднейшей Швейцарии.

¹¹ О славянских плотниках в гуннской державе см.: Рыбаков Б.А. Искусство древних славян \ История русского искусства. М., 1953, с.81.

¹² Строфа 1339, перевод Ю.Корнеева. В следующей строфе эта картина развивается дальше: "... Вослед за их шумливаю и дикою ордою \ Бойцы из Киевской земли неслись густой толпою".

эпоса, сохранено верно, и за спинами «новых Нибелунгов» – куртуазных рыцарей времен Гогенштауфенов маячат тяжелые, грузные очертания «Нибелунгов старых» – разумеется, в первую очередь бургундов, но во вторую – ближайших их родичей, остготов¹³.

Любопытно, что слово «немцы» употреблено в тексте старинной Песни всего один раз, а именно в строфе 1354 – притом, что старые названия всяких германских народов, таких, как бургунды или баварцы, упоминаются постоянно. Такое обстоятельство связано с замедленным сложением немецкой нации, уже нашедшим самое обстоятельное рассмотрение в научной литературе.

«В истории Германии мы постоянно встречаемся с саксонцами, турингами, франконцами, швабами, баварцами, и, в соответствие этому, мы знаем, что особенность, самостоятельность и сила племен были причинами того, что государственное единство Германии стало невозможно, о чем плачут теперь немецкие патриоты», – с некоторым высокомерием жителя сильного централизованного государства заметил в начале XIII тома своей знаменитой «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьев. По иронии истории, тринадцатый том писался в середине XIX века: плакать немецким патриотам оставалось совсем недолго – что же казалось плодов объединения Германии, то они оказали определяющее влияние на ход следующего, XX века...

Мы же отметим, что эпоха «готского величия», от Германариха до Теодориха, может вне всякого сомнения рассматриваться как «осевое время», существенно важное для формирования духовного склада немецкой нации – в первую очередь, через посредство ее героического эпоса. *Следует предположить, что в ходе культурных контактов остготов с русами, германцы ознакомили наших предков со своей мифологией.* Поэтому, когда через пять столетий после готов, другие германцы, и тоже потомки их близких родичей (скандинавов) – варяги – стали обосновываться на Руси, и разматывать сюжеты своего древнего баснословия о кладе двух братьев-нибелунгов и о герое Сигурде – убийце дракона, эти рассказы могли напоминать славянам нечто давно слышанное и сохраненное «на окраине» коллективного подсознания¹⁴.

Заметим, что ранние магические контакты между обоими народами были также вполне вероятны. Об их возможности говорит знаменитая находка 1858 года, сделанная на Волыни, близ города Ковель. Она представляла собой железный наконечник копья, покрытый древними рунами, передающими звуки какого-то восточногерманского (то есть родственного готскому), а возможно, на диалекте и самого готского языка, и инкрустированными серебром магическими знаками. Надпись, к сожалению, очень коротка. Она была сделана в III столетии, то есть как раз во время великого переселения готов в Причерноморье, читается как «TILARIDS» и расшифровывается примерно как «нападающий».

Что же касается знаков, то удивляет разнообразие их типов. На сохранившейся прорисовке мы различаем крестообразные структуры (одна в форме косоугольного «андреевского» креста и другая, близкая к левосторонней свастике), круг с точкой посередине (несомненно, солярный символ), знак треугольного вида, похожий на схематизированное изображение хлебного колоса, и, наконец, двусложный знак округлого вида, толкуемый в настоящее время как так называемый «знак молнии»¹⁵. Все вместе подразумевало, повидимому, заклятие сил неба и земли, долженствующее помочь в битве владельцу копья.

¹³ Гуревич А. Я. Песнь о Нибелунгах \\\ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975, с. 707–710, 731–734.

¹⁴ Напомним, что существование в далеком прошлом "когда-то единого гото-скандинавского ареала" не вызывает сомнения у ученых, находя себе подтверждение прежде всего в данных сравнительно-исторического языкознания (подробнее см.: Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. Введение в германскую филологию. М., 1980, с. 81–82).

¹⁵ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с.135, 264.

В конце XIX века ковельская находка исчезла, позже появилась снова, и, кажется, даже экспонировалась в 1939 году в Варшаве. Затем она попала в руки немцев, и была формально передана в Германский археологический институт «для дальнейшего изучения». Проводил ли кто-либо с ней магические манипуляции и какого именно рода, сказать трудно. Учитывая большой интерес нацистов к древним реликвиям (начиная со знаменитого венского «Копья судьбы»), вполне исключить этого мы не можем. Как бы то ни было, но в конце войны неизвестный любитель древностей озабочился тем, чтобы снова припрятать «Ковельское копье» в надежном месте...

Еще меньше известно о том, до какой степени древние готы знакомили славян со своей боевой магией. С одной стороны, оба народа (точнее, группы племен) держались настороже, почему о глубоком культурном симбиозе говорить в данном случае не приходится. Не случайно же современное русское слово «чужой» по прямой линии восходит к древнему готскому слову «*frīuda*» (народ). Ученые предполагают, что, встречаясь со славянами, готы могли для простоты называть себя именно так¹⁶.

С другой стороны, славяне с самых ранних времен вливались в состав готских дружин, активно перенимая у них типы вооружения и боевые приемы. Язык сохранил свидетельства и об этой области культурных контактов. Достаточно сказать, что такие наши современные слова, как «шлем» и «меч» восходят к древним заимствованиям из того же готского языка, в котором они звучали соответственно как «*hīlms*» (или «*helms*») и «*mēki*». Между тем, заклинание оружия и брони перед битвой, несомненно, входило в состав воинского искусства того времени.

Сохранившиеся исторические источники в принципе позволяют увеличить число примеров такого рода. Но было у готов одно культурное достижение, которое оказалось несравненно более важным для славян. Мы говорим о святом крещении, принятом ими по византийскому обряду, о составлении готской азбуки на основе греческого алфавита в его поразительно изящном унциальном начертании, и о переводе с ее помощью на готский язык богослужебного греческого канона.

Все эти события произошли очень быстро даже по современным меркам. Решающую роль в крещении и первоначальном просвещении готов в середине III столетия по рождестве Христовом сыграл один человек, ставший первым готским епископом – мудрый Вульфила (само это имя было языческим по происхождению, и означало просто «волчонок»).

Известие о крещении готов и изобретении ими оригинальной азбуки распространилось со временем среди славян. В главе XVI Жития Константина Философа, содержится рассказ о знаменитой «триязычной ереси». Речь в нем идет о трудном диспуте, который славянские первоучители Кирилл (Константин) и Мефодий с блеском провели в Венеции. Противники славянской письменности утверждали, что письменность следует иметь только на трех священных языках, а именно древнееврейском, греческом и латинском, использованных Пилатом для надписи на Кресте Господнем.

---

¹⁶ Заметим, что то же самое слово в древневерхненемецком языке звучало как "thiod(a)". От него и произошло прилагательное "tiutsche", которым примерно с XI столетия немцы стали все чаще себя называть, подразумевая весь свой народ, – в противоположность старым, восходящим еще к племенному делению, прозваниям типа "баварцы" или "саксы". От этого слова в свою очередь произошло хорошо нам известное современное слово "deutsch" (немецкий). И так, слова "чужак" и "Deutsche" восходят в конечном счете к одному общегерманскому корню, как в это сегодня ни трудно поверить... Любопытно, что семантическое поле этнонима "Deutscher" (немец) продолжает и для современного немецкого ума включать в себя древневерхненемецкую коннотацию. По крайней мере, так полагал писатель Герман Кант, довольно подробно описавший в одном из своих романов, вышедшего в 1977 году, ассоциации, вызываемые у современного немца словом "Deutscher" (текст соответствующего отрывка с переводом на русский язык и интересным лингвосомиотическим комментарием см. в кн.: Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб, 1999, с. 62–65.

В ответ Философ сослался на солнце, которое посылает свои лучи всем людям без изъятия, на дождь, который несет всем свою влагу, а также на пример древних народов, заведших собственную письменность. Это суть «Армени, Перси, Авазъги, Иверии, Сугди, Готьи», и так далее по порядку. Армяне и персы опознаются современным читателем сразу, под «авазгами» следует понимать современных абхазов, «иверии» – это грузины, «сугды» – иранское по происхождению племя сугдейских аланов. Что же касается готов, то, как мы видим, они занимают почетное шестое место в этом списке, включающем имена двенадцати славных народов.

Другой вопрос, дошли ли сведения о письменности готов до Константина Философа прямо от них, либо же через посредство славян, а если от этих последних, то от кого именно – то ли от южных, солунских славян, то ли от славян восточных, которые вполне могли сохранить какие-то связи со своими давними соседями и союзниками, либо воспоминания об их деяниях. Память такого рода могла оживляться сношениями русичей с теми остатками готского племени, которые никуда не ушли, а просто набрались духа, переждали нашествие гуннов, и стали заниматься более или менее успешной торговлей, опираясь на свои крымские базы.

Дело ведь в том, что Крым до недавнего времени был уникальным заповедником, на пространствах которого, в горных ущельях или в приморских городах, оседали и столетиями сохраняли свою культуру и обычаи остатки десятков народов, сам след которых давно изгладился в других местах земного шара. Именно это случилось и с готами.

На западе этот народ давно прошел пик могущества, уступил другим, был забыт и полностью растворился в составе других народов, таких, как позднейшие итальянцы, французы, испанцы. А здесь, в благословенном жарком Крыму, они продолжали тихо существовать, пересказывать старинные предания, молиться и говорить в быту на своем древнем северном языке.

Эти готы были русским очень хорошо знакомы. «Се бо готския красныя девы въспша на брезе синему морю, звоня руским златом; поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю», – нараспев говорил автор Слова о полку Игореве в XII веке. Современные комментаторы понимают эти слова так, что любое поражение русских сразу обогащало крымских готов рабами и добычей, почему «готские девы» и ликовали на своем берегу. Мы же отметим, что пели они на своем языке «время Бусово», то есть древнейшие времена, доступные этнической памяти русских¹⁷.

Еще через четыре столетия, фламандский путешественник О.Г. де Бусбек, добравшись до Крыма, долго не верил своим ушам, улавливая германские корни в речи своих местных собеседников, потом взял тетрадку и записал ее образцы. Запись сохранилась, а современные германисты с изумлением разобрали в ней 68 слов не особенно даже изменившегося за прошедшие почти полторы тысячи лет древнего готского языка, и именно в его восточном (остготском) варианте...

В наши дни уже трудно надеяться на встречу с носителями живой готской речи. Хотя кто знает – может быть, в то время, как пишутся эти строки, где-нибудь в Феодосии или в Судаче бабушка напевает внуку колыбельную на полузабытом крымско-готском наречии,

---

¹⁷ Оговоримся, что в этом фрагменте могли отразиться воспоминания и о более раннем "Готском берегу" на южном побережье Балтийского моря близ устья Вислы. Нельзя вполне исключить и того, что речь шла о жителях балтийского острова Готланд, поддерживавших весьма активные торговые связи с Русью времен написания Слова (во многих текстах, включая и Повесть временных лет, у нас их могли тоже звать "готами"). Некоторые авторитетные историки, кстати, предполагают, что до переселения готов на южный берег Балтики, они скорее всего и занимали этот самый остров Готланд, что в таком случае прямо отразилось в его названии (Гот-ланд – "земля готов"). Аналогично, название недалеко от него расположенного (и, как мы помним, воспетого Карамзиным) острова Борнхольм объясняется как происшедшее от древнедатского "Burghændæholm", что значит просто "остров бургундов" (бургунды – ближайшие родственники готов, тоже переселившиеся позднее к устью Вислы).

или же знахарь заговаривает рану, пользуясь его древними оборотами. Почему бы и нет – «Aufto!» (пожалуй)¹⁸, как сказали бы на своем звучном языке сами готы.

В любопытной статье 1925 года, посвященной культурным традициям Крыма, Максимилиан Волошин, вообще обладавший удивительной исторической интуицией, замечает: «Мне довелось однажды пробродить несколько дней по одной из „Сиерр“ Старой Кастилии, в таком глухом горном углу, куда никогда не проникали мориски и где охранился поэтому чистый кастильский, т. е. визиготский¹⁹ тип. И каково же было мое изумление, когда я увидел все элементы Крымской Яйлы на этой „Сиерра ди Панкорбо“, отделяющей Старо-Кастильское плоскогорье от долины Эбро, а в чертах ее населяющей расы и даже в некоторых подробностях костюма узнал крымских татар области Горной Готии»²⁰...

Возвращаясь к эпохе крещения готов, нам остается заключить, что пример их славянским первоучителям стал известен, – и даже не только известен, но включен в число образцов, которым грех было не следовать. Ситуация ускоренного, «догоняющего» освоения достижений передовой культуры с тех пор стала едва ли не архетипической для славянства, и повторялась периодически вплоть до эпохи реформ Петра Великого, а в некотором смысле и нашего времени. То, что к ее формированию приложили руку и готы – весьма поучительно.

Славяне Восточной Европы соприкоснулись, таким образом, с культурой восточных германцев достаточно рано. Скоро готы покидают пределы причерноморских степей и уходят на запад. Там, как мы уже говорили, они вполне растворяются в народах Западной Европы, оставив наиболее заметную память о себе разве что в названиях ломаного «готического» шрифта, знаменитого «готического» стиля²¹ – и в курсе готского языка, составляющего весомую часть образования любого серьезного германиста.

*Haban – habaida – habaiþs,
bindan – band – bundans,
slahan – slōh – slahans...*

Даже читатель, совсем немного знакомый с немецким языком, легко опознает в этих словах древнего готского языка корни, знакомые ему по современным немецким глаголам «haben» (иметь), «binden» (связывать), «schlagen» (бить). Действительно, приведенные выше, выделенные курсивом готские глаголы и значили приблизительно то же самое. Что же касается приведенных через тире после каждого готского глагола слова, то вместе с ним они составляют те самые канонические «три формы», к заучиванию которых привыкли студенты, изучающие любой из важнейших германских языков²².

Такое положение неудивительно, поскольку практически все германские языки так же близки друг к другу, как и славянские – в пределах своей языковой группы. При всей этой близости, готам довелось принять лишь самое небольшое участие в сложении немецкой народности, которая исторически принадлежит миру западных германцев.

¹⁸ Произносилось примерно как "офто".

¹⁹ То есть вестготский – Д.С.

²⁰ Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма \ Idem. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи. Симферополь, 1990, с.218. Под Готией в краеведении Крыма традиционно понимается юго-западная часть полуострова, а также его южное побережье.

²¹ Употребляем кавычки, поскольку к историческим готам оба этих явления, как известно, ни малейшего отношения не имели. "Готический" шрифт был разработан не ранее середины XI века на основе так называемого каролингского минускула. Что же касается "прекрасной готики", то этот второй "большой стиль" в истории средневековой Европы был выработан и доведен до высокого совершенства – в первую очередь в архитектуре – к XII веку, прежде всего во Франции.

²² Как помнит читатель, это: инфинитив – немецкий имперфект (английское Past Indefinite) – и "партицип-цвай", он же причастие II... Оговоримся, что в курсах готского языка к ним добавляется еще и так называемая "четвертая форма", а именно множественное число прошедшего времени. Для приведенных глаголов она звучала соответственно как "habaidēdum" (имели), "bundum" (связывали) и "slōhum" (били).

«Каролингские немцы»

Ингвеоны, иствеоны, герминоны²³, – названия этих трех групп западногерманских племен двухтысячелетней давности похожи на звук боевой трубы... С перечисления этих этнонимов начинается по сей день один из центральных разделов курса «Введение в германскую филологию» в большинстве университетов мира. Автору довелось слушать этот курс у нашего замечательного филолога и теоретика мифа, профессора Ленинградского университета Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. Громко и выразительно артикулировав эти прославленные имена, прославленный лектор выдержал паузу, а затем сразу перешел к описанию их исторических судеб, без всякого преувеличения сформировавших основное русло средневековой истории Западной Европы.

Действительно, ингвеоны – это в первую очередь англосаксы. Именно они дали начало «англо-саксонской цивилизации», процветающей и по сей день на территории Англии. Значительная часть франков (исторически иствеонов) обосновалась на территории позднейших Франции и Бельгии, где слилась с галло-римлянами, и вошла в состав формирующейся французской народности. Наконец, основная часть франков вместе с эрминонами (прежде всего швабо-алеманнами и баварами) составила немецкую народность, ставшую с ходом времени немецкой нацией. Вот об этих-то немцах и идет речь в знаменитом перечне народов, открывающем Повесть временных лет.

Как мы помним, земля в этом списке разделяется на уделы Сима, Хама и Иафета. О первых двух говорить здесь не будем; что же касается последнего, то в этом уделе «сесть русь, чудь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва», с рядом других народов Восточной Европы. Перечень продолжают ляхи и пруссы, тяготеющие к «морю Варяжскому»; и, соответственно, давшие ему свое имя скандинавы-варяги, которые по сему морю сидят вплоть до «земли Агнянской» (то есть Английской). В заключение списка назван еще ряд народов, теперь уже исключительно Западной Европы, в число которых включены и «немци, корлязи».

Здесь нужно заметить, что немцами у нас исстари могли называть представителей любого чужого народа, говоривших «не по-нашему». Однако же постепенно это имя закрепилось лишь за одним германским народом, и именно тем, который мы называем немцами по сей день. В науке даже было высказано смелое предположение, что в самом слове славянских языков сохранилось исконное противопоставление «немцы – славяне», и именно по тому признаку, что первые-де не обладают даром слова (они, так сказать, «немы»), вторые же им обладают вполне (то есть «владеют словом»), и потому называют себя «слов-ене, славяне»).

Симметричность и простота этой гипотезы весьма привлекательны, она опирается на ряд источников, восходящих к XIV веку. Известно также, что ее придерживались некоторые видные слависты XIX века, включая самого Павла Шафарика. Том его «Славянских древностей» по сей день используется в славистике, служа многим исследователям как настольная книга. Однако же большинство современных ученых, по ряду достаточно весомых причин, не находят возможным принять высказанную гипотезу. Главнейшая из них состоит в том, что «славянский суффикс „-ĕn, – ěnĭn, – janĭn“ всегда указывает на принадлежность к определенной местности, и что, следовательно, наименование словенин должно было быть образовано от названия местности (Слово?), названия, которое, к сожалению, нигде не встречается»²⁴...

²³ Возможна и форма "эрминоны".

²⁴ Нидерле Л. [О жизни славян в древности] // Супрун А.Е., Калюта А.М. Введение в славянскую филологию. М., 1981, с.171.

Наше внимание привлекает то, что в части, касающейся народов Прибалтики и северной Руси, летописец весьма обстоятелен. От его внимания не ускользают ни латгалы, ни ямь, ни «чудь заволочская». Что же касается немецкого народа, то здесь летописец, напротив, более чем краток: немцы входят в число народов, живущих на юг от Балтийского моря, и более ничем не примечательны.

Такое впечатление подтверждается помещенным несколько ниже по тексту описанием пути «из греков в варяги» (и обратно). Маршрут начинается путешествием по Днепру, дальше по Ловоти, «великому озеру Ылмерь», оттуда по Волхову в другое «великое озеро» – Нево²⁵, и, наконец, в «море Варяжское». Казалось бы, дальше должно было следовать описание балтийского отрезка пути, земель в устье Вислы и Эльбы, Саксонии, а с нею, возможно, и иных немецких земель. Однако добравшись до «моря Варяжского» наш летописец теряет всякий интерес к детальному описанию маршрута, и ограничивает себя сухим замечанием, что-де по тому морю идут до Рима, а потом «ко Царюгороду».

Совершенно аналогично еще ниже по тексту Повести, в описании знаменитого путешествия апостола Андрея, читаем о том, как герой проповедует в Синопе и посещает Корсунь, плывет вверх по Днепру, осматривает местности, где позже будут поставлены города Киев и Новгород. После этого достаточно подробного описания с интересными отступлениями опять-таки сказано только, что апостол отправился «в Варяги», оттуда же прямо на Рим. Как видим, сам текст подводит нас к тому заключению, что *немцы на Киевской Руси были известны, однако представлялись ее идеологам и политикам принадлежащими скорее периферии, нежели центру культурного мира.*

Если с немцами в списке народов в общем все ясно, то имя «корлязи» произвело у исследователей некоторое замешательство. Разобрав ряд возможных вариантов, современная историческая наука пришла к той конъектуре, что в оригинальном тексте между словами «немцы» и «корлязи» никакого знака препинания скорее всего не стояло. Соответственно, летописец имел в виду просто «немцев каролингских», решив так для точности назвать немцев, являвшихся подданными королей из династии Каролингов²⁶. Для полного понимания этой ремарки нам придется совершить краткий экскурс в историю империи Каролингов и их преемников.

Начала франкской державы теряются во тьме веков, а их история читается как глава из Толкиена... Кто, кто кроме узких специалистов, помнит сейчас о стране Австразия, где в старину располагались племена франков²⁷, о сказочном короле Мервее²⁸, основавшем первую династию франкских королей, или о подвигах третьего представителя этой династии, вполне уже исторического Хлодвига. Он подчинил власти франков большую часть тогдашней Галлии, и крестил свою молодую державу в 496 году по рождестве Христовом²⁹.

Следующая важная дата во франкской истории – 800 год. На севере франки владеют обширными землями от Ламанша до Эльбы, на юге – от Бискайского залива до Адриатики, то есть распоряжаются на большей части территории бывшей Западной Римской империи. На троне франкского государства сидит уже новая династия – Каролинги, названная так не по ее фактическому основателю – хитрому австразийскому майордому³⁰ Пипину Геристаль-

---

²⁵ Под "Ылмерем" следует понимать озеро Ильмень, а "Нево" – это, конечно, Ладожское озеро.

²⁶ Лихачев Д.С... Комментарии \\\ Повесть временных лет. СПб, 1996, с.384.

²⁷ Теперь эта территория лежит в основном в пределах Бельгии и Северной Франции.

²⁸ Это имя на франкском языке буквально значило "рожденный морем". Отсюда и название основанной им династии – Мервинги.

²⁹ Любопытно, что в своем продвижении на юг франки столкнулись с уже знакомыми нам готами, занимавшими к тому времени Аквитанию и Прованс, и разгромили их в пух и прах.

³⁰ Так звучал титул вельможи при дворе Мервингов, примерно соответствовавший нашему премьер-министру. Пипин был последним из череды майордомов, постепенно избавивших своих королей от бремени государственных дел, вплоть

скому, а по самому блестящему представителю – Карлу Великому. Заметим впрочем, что «Каролинги», пожалуй, звучит благозвучнее, чем «Пипининги».

Простой в обращении, не отличавшийся по одежде от простых франкских дружинников, Карл очень серьезно относился к блеску «римского наследия». Он сделал все для того, чтобы заставить папу возложить на себя корону «императора римлян» – или, как говорили тогда, «Отца мира» (*Patris mundi*), – что было трудно, поскольку вне всякого сомнения подразумевало претензию на «всемирную монархию» и первенство в масштабе тогдашнего мира.

Именно это и произошло в Латеранской церкви, в Риме, на Рождество 800 года. Естественно, что коронавание вызвало во «Втором Риме» – Константинополе, столице державы, непосредственно и законно продолжавшей традицию настоящих римских императоров, немалое удивление, и даже беспокойство. Более чем бережливый по натуре, Карл Великий тогда пошел на то, чтобы уступить византийцам часть своих земель, и притом далеко не худших, лишь бы добиться от них признания своего императорского титула. Будучи сам неграмотным, Карл уделил немалые силы заботам если не о процветании наук и искусств, то об их хотя бы частичном восстановлении.

Не прошло и полувека после римской коронации, как империя Карла распалась. Императорский титул передавался его преемниками от одного к другому, как признание силы – или как компенсация слабости. К началу X века он утратил значение и практически исчез. Как бы то ни было, но предпринятая франками эпохи Карла Великого попытка возрождения величия «Первого Рима» стала с тех пор образцом для действий честолюбивых потомков. Даже в наши дни премия Карла Великого принадлежит в числе самых престижных международных отличий. Она присуждается Европейским сообществом политикам, более других способствовавшим процветанию «объединенной Европы».

Напомним, что, выделяя в истории мировой культуры шесть «больших, эпохальных обращений к античности», Д.С.Лихачев на первом по времени месте поместил именно «Каролингский ренессанс». Высказаны и другие периодизации «возрождений» (или, точнее говоря, «относительного усиления культурных процессов»). К примеру, В.И.Уколова объединяет «каролингское и оттоново возрождения», противопоставляя оба двум более ранним германским, «остготскому и вестготскому возрождениям» VI – начала VII столетий³¹. Однако эпохе Карла Великого отводится в таких схемах, как правило, почетное место.

Вот почему киевский летописец, писавший уже в иной культурно-политической ситуации³², был в сущности прав, припомнив о первостепенной важности «каролингского наследия» именно для немецкого народа. Примерно так российский политический деятель эпохи Николая I мог с чистой совестью относить к себе имя «петровец», подтверждая тем верность своего поколения делу основателя и «Отца Отечества»³³.

до сидения на троне. История помнит немало таких майордомов. "Урок царям"!

³¹ Уколова В.И... Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М., 1989, с.6.

³² Тексту Повести временных лет был придан известный нам в настоящее время заверченный вид в начале XII столетия. Что же касалось династии Каролингов, то она окончательно потеряла власть задолго до того, еще в первой четверти X столетия.

³³ Пример с более близкими нам по времени "верными ленинцами" 1970-х годов так и просится на бумагу; дадим ему место хотя бы в примечании.

Империя Оттонов

Границы раздела империи Каролингов следовали в общих чертах складывавшейся в те времена новой этнической карте Европы. Основным населением Западно-Франкского государства были потомки франков и галло-римлян, в массе своей перешедшие уже на романский, а именно старофранцузский язык³⁴. Напротив, Восточно-Франкская держава объединяла потомков чисто германских племен, большинство из которых говорило на диалектах формировавшегося в то время единого немецкого, точнее – древневерхненемецкого³⁵ языка (das Althochdeutsche).

Есть все основания утверждать, что сложнейший и играющий по сей день исключительно важную роль в судьбах Западной Европы историко-психологический комплекс взаимного притяжения и отталкивания французов и немцев по сути восходит ко временам распада каролингской державы. Само же Германское³⁶ государство ведет свою родословную в строгом смысле слова от Восточно-Франкской державы, образованной как следствие Верденского договора 843 года.

Уже в ходе следующего, десятого столетия германские короли достигли впечатляющих успехов. Собственно, общий курс их действий был уже задан и опробован на практике во времена Карла Великого³⁷. Он подразумевал организацию сильного войска, обуздание власти герцогов (чаще всего стоявших во главе старых племенных областей), централизацию управления страной – и, разумеется, принятие из рук римского понтифика императорской короны (неизменно сопровождавшееся более или менее принудительным опустошением казны богатеньких итальянских городов). Действительно, именно названные задачи определили основные направления внутренней и внешней политики Оттонов – трех великих королей новой, Саксонской династии.

Оттон I восстановил на апостольском престоле папу римского, и был в знак признательности на следующий год (962) коронован им в Риме как император. Соответственно, с этого времени мы уже можем говорить о Германской империи. Оттону II сосватали племянницу императора Византии. Таким образом, новая, варварская империя получила признание от древней империи византийской, вступив в прямую династическую связь с повелителями «Второго Рима».

Наполовину ромей (византиец) по крови, Оттон III совершенно всерьез именовал себя на ромейский манер «царем царей», и вообще деятельно вводил при своем дворе византийские титулы и ритуалы. Но его мечты шли значительно дальше простой имитации. Третий Оттон мечтал о создании «всекатолической империи» под скипетрами германского императора, и, разумеется, покорного ему римского папы. Тут нужно видеть программу воссоздания на берегах Рейна и верхнего Дуная системы равновесия («симфонии») духовной и светской власти, в том виде, какой она приняла на берегах Босфора.

В стране развивается правовое сознание, формируется свод законов, устанавливается система сбора налогов, защиты имущества, судопроизводства. Существующие города разрастаются и частично перепланируются, основываются новые. В них выделяются кварталы ремесленников и купцов, работают византийские зодчие, применяющие передовые приемы

---

³⁴ Любопытно, что Франция до сих пор называется по-немецки "Frankreich", что, означает, собственно, "Рейх Франков".

³⁵ "Верхне-" в противоположность группе нижненемецких диалектов, восходящих к племенным языкам ингвеонов, и распространенных на севере Германии.

³⁶ Имя "германский" восходит к латинскому слову "germanicus", произведенному в свою очередь от корня, заимствованного древними римлянами из одного из кельтских языков.

³⁷ Заметим кстати, что и русское слово "король" восходит прямо к имени Карла Великого – по всей вероятности, при посредстве древневерхненемецкого языка.

архитектуры и градостроительного искусства. Под присмотром церкви развивается письменность, в том числе переводы классических сочинений на национальный язык.

Мы говорим, разумеется, о германских землях. Однако практически в тех же словах смогли бы мы рассказать и о другой великой державе, вошедшей в пору расцвета почти одновременно с оттоновой империей. Это, конечно, Киевская Русь. Оговоримся, что есть и различия. К примеру, Владимир был и крестителем своей страны (как Хлодвиг за пять столетий до него), и ее объединителем (как Карл Великий), и дипломатом, добившимся ее признания «великими державами» своего времени, в первую очередь византийцами (как Оттоны). У нас история идет быстрее, время как будто сжимается. Заметим, что и феодальная раздробленность, практически развалившая Германию только к XIII веку, у нас началась уже при внуках князя Владимира Святославича.

И все же сходство между «новыми» державами неоспоримо. В обеих идут одинаково направленные социально-политические процессы. Одна занимает доминирующее положение в Западной Европе, другая – в Восточной. Близки даже их размеры, да и «меридиональное» положение на географической карте, вдоль великих водных путей, примерно по оси «север-юг».

Две этих северных, «варварских» империи, вместе с южной империей – древней Византией – и стали «определять погоду» на европейском континенте. Как справедливо заметил историк, в эту эпоху «в Европе стало три монарха самого высшего ранга: цесарь Византии, император „Священной Римской империи“ (Германия) и цесарь (царь) Руси, великий князь Киевский»³⁸.

---

³⁸ Рыбаков Б.А... Язычество Древней Руси. М., 1987, с.456. Заметим только, что имя Священной Римской империи вошло в употребление не при Оттонах, а позже, начиная со времени Фридриха Барбароссы.

«Из немец в хазары»

Особенность сосуществования Германской империи и Киевской Руси – в том, что между ними простиралась обширная «буферная зона», они не соприкасались непосредственно (в отличие от Византии, земли которой граничили с владениями германского императора в Южной Италии). Между нами и немцами, как и сейчас, лежали земли западных славян, на части которых в ту же эпоху интенсивно формировались собственные национальные государства – Польша и Чехия; еще южнее шли земли воинственных венгров и южных славян.

А севернее располагались просторы Балтики. Однако в ту пору немцы еще не были так сильны, чтобы мериться на ней силами с норманнами... Нельзя забывать и того, что практически до XII столетия немцы к востоку от Эльбы не жили, и появлялись только эпизодически, в качестве купцов или миссионеров. Там пока жили многочисленные и весьма воинственные племена полабских и поморских славян³⁹. Вот почему немцы так долго оставались для русских народом, живущим «далече», «за синим морем»⁴⁰. Потому-то и Повесть временных лет говорит о немцах как о народе известном, но живущем неблизко.

Вместе с тем, «буферная зона» редко когда разделяет народы герметически. Гораздо чаще она служит как среда, допускающая ограниченные влияния и контакты, и даже способствующая их развитию. Именно так и произошло, причем среди контактов специалисты ставят на первое место торговый транзит, как это происходило на пути «из варяг в греки». Спору нет, историческое первенство этого великого пути для организации геополитического пространства Древней Руси неоспоримо. И все же историки подчеркивают исключительную важность того, что «в первом приближении» можно назвать *путем «из немец в хазары»*.

Аргументы в пользу такой инновации включают многочисленные свидетельства о постоянном перемещении караванов по маршруту «Киев – Краков – Прага – немецкие земли», и далее по всей Западной Европе, вплоть до Кордовы. К ним добавляются данные исторической географии, в число которых входит тот факт, что ряд однонаправленных водных путей обычно дополнялся по меньшей мере одним-двумя сухопутными, пересекающими их «под углом девяносто градусов»⁴¹. В итоге получалась сеть связей, весьма облегчающая сообщение между соседними, и даже далеко отстоящими друг от друга ландшафтными зонами.

Повидимому, именно это и произошло в средней Европе, причем достаточно рано, не позже девятого века. Следовательно, в распоряжении обеих «новых империй» должен был быть уже обустроенный ко времени их сложения, достаточно надежный «канал связи», следы использования которого и имеет смысл искать в ранней истории наших государств. Такая работа уже началась, и дала достаточно явные плоды. Как резюмировал историк А.В.Назаренко, посвятивший специальную обзорно-аналитическую работу интересующей нас проблеме, «древнейшие русско-германские в собственном смысле связи ограничиваются южнонемецкими землями»⁴².

---

³⁹ Любопытно, что предки части из них пришли в древности на южный берег Балтийского моря, чтобы занять земли, оставленные восточными германцами ради переселения на юг (об эпизоде этого переселения, связанном с появлением готов в Причерноморье, мы коротко говорили выше).

⁴⁰ Оговоримся, что цитированные слова взяты из текста XIII века, повествующего об исторической катастрофе Киевской Руси (а именно, из Слова о погибели Рускыя земли).

⁴¹ Примерно так радиальная структура современного метрополитена рано или поздно дополняется хотя бы одной "круговой линией".

⁴² Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. \ \ Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994, с.15.

Учитывая аргументы этого рода, приходится говорить о возможности того, что *«империя Рюриковичей»* сложилась не просто вокруг пути *«из варяг в греки»*, но и на его пересечении с путем *«из немец в хазары»*. Вопрос теперь состоит не в том, можно ли сравнивать влияние обоих путей, а в том, будет ли корректно продлевать такое сравнение в сферу религиозной, метафизической мысли. Нельзя же сомневаться в том, что именно по первому из этих путей пришло на Русь христианство, бесспорно составившее духовную ось древнерусской цивилизации.

Не ставя под сомнение верность этого общепринятого утверждения, мы обратим внимание на слова одного из ведущих отечественных русистов, отнюдь не склонного к преувеличению роли западных влияний. По мнению О.Н.Трубачева, *«знакомство с христианством дошло до Руси с Запада, но крещение пришло на Русь с Юга»*⁴³. В поисках сведений, современных крещению Руси, или более близких к нему по времени, мы снова обратимся к Повести временных лет – и обнаружим, что древний наш летописец, вообще молчаливый относительно немцев по любым другим поводам, на этот раз становится словоохотливым.

---

⁴³ Трубачев О.Н. В поисках единства. Мысли по случаю тысячелетия русской культуры \ Прометей. Историко-биографический альманах серии "Жизнь замечательных людей". Том 16: Тысячелетие русской книжности. М., 1990, с.25. Авторская разрядка заменена нами в цитате курсивом.

«Немецкая вера»

Предание о крещении Руси распространяет его предысторию на несколько лет. Под «летом 6494» (то есть 986 годом по нашему летосчислению) помещен рассказ о том, как к князю Владимиру пришли представители разных религий и убеждали его принять свою веру. Это – магометане, «немьци от Рима», иудеи, и, наконец, посланный православными греками Философ, представленный коим довольно скучный – по крайней мере, с точки зрения обрабатываемого язычника – синопсис Священного Писания занимает основное пространство рассказа.

Заметим, однако, что, прежде чем пересказывать священную историю, Философ дает короткую характеристику каждой из вер. В частности, о вере «немцев от Рима» сказано так: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить вас к вере своей, *ихъ же вера маломъ с нами разъвращена...*». Иными словами, различия «греческой» и «римской» веры рассматриваются Философом как незначительные. Ввиду важности фразы, выделенной нами курсивом, приведем и ее дословный перевод, выполненный Д.С.Лихачевым: «Вера же их немного от нашей отличается...».

Там, где мы завершили цитирование оригинального текста многоточием, добавлено краткое описание основного различия («служения на опресноках», с отсылкой к евангельскому тексту). С точки зрения средневекового читателя, это, конечно, не малозначительная деталь. Однако сразу видно, что догматические различия и политические расхождения между христианским Западом и Востоком, накопившиеся ко времени написания Повести – тем более в эпоху крещения Руси – пока отнюдь не достигли «критической массы».

Мы ведь привыкли отсчитывать решительное разделение церквей от 1054 года, совсем забывая о том, что для современников дело выглядело совсем по-другому. Психологический разрыв произошел гораздо позже, через добрых два века, когда крестоносцы взяли Константинополь, и повели себя там как в столице басурманского царства, занимаясь грабежом и осквернением православных святынь...

Пока же отношения были более или менее прохладными, однако совсем враждебными их назвать было нельзя. Во всяком случае, западное христианство было включено древнерусским летописцем в список важнейших религий, а из них – наиболее близкая к православии, и представлял ее немец. Что же касалось до «испытания вер», то в 986 году оно завершилось не выбором, но вздохом Владимира Святославича, и его замечательной репликой «Подожду-ка я еще немного» (в оригинале стоит выразительный фразеологизм «Пожду и еще мало»).

Неспешность и рассудительность в выборе веры понятны. Однако и в следующем, 987 году, колебания продолжались. Призвав к себе «бояр своих и старцев своих градских», Владимир посоветовался с ними, и решил послать в разные страны «славных и умных мужей», снова для «испытания вер». Для наблюдения католической веры (названной в тексте «немецким законом»⁴⁴) были избраны немецкие земли. Отчет об их посещении краток, но очень интересен. Вот он: «И придохом в Немци, и видехом в храмах многи службы творяща, а красоты не видехом никоеяже». Иными словами, в богослужении у немцев царит примерный порядок, ведутся «многие службы», но с точки зрения жителя Древней Руси, некой высшей красоты во всем этом нет.

У этого вывода есть свой контекст. Чуть выше представлена вера магометан, и коротко сказано, что «нет в них веселия». Ниже по тексту идет знаменитая характеристика византийского богослужения. Послы не могут забыть его красоты и великолепия, и положительно

⁴⁴ "Посемь же приходиша немци, и ти хваляху закон свой".

утверждают, что там-то Бог ходит к человеку. Иными словами, захватывает послов именно эстетика культа – и в некоторой степени онтология литургии. Читатель легко припомнит многочисленные высказывания, и даже трактаты российских философов и богословов, развивающих этот аспект отечественного религиозного сознания.

Однако, помимо того, в цитированном фрагменте едва ли не впервые у нас была сформулирована одна идея, часто повторяемая потом русскими писателями, и касающаяся притом не столько католицизма в целом, сколько именно немецкого народа. В самом схематичном изложении она сводится к тому, что-де у немцев все есть, и порядок примерный, но все же нет у них чего-то высшего, по чему горит и томится русская душа.

Выслушав своих послов, Владимир решается принять крещение от византийцев – и снова медлит. Лишь в следующем году он отправляется со своим войском «на Корсунь, город греческий», навеки присоединяя свое государство к восточному, православному миру (Рах Orthodоха), который следовал курсом, все более расходящимся с миром западного христианства. Такой выбор впоследствии неизменно подтверждался русскими князьями, от Александра Невского – до Ивана Грозного. Решение Петра Великого, решительно пересмотревшего выбор в пользу «западного порядка» (что явственно прослеживается в тексте хотя бы Духовного регламента) совершило подлинный переворот – и открыло новую, петербургскую эпоху российской истории.

Переходя к «курсунской легенде», фокус внимания летописца сдвигается, причем немцы снова покидают его пределы. Нам же остается сделать вывод, что *знакомство с немецкой верой сыграло важную роль при выборе религии, да и определении судьбы своего народа правителем первого русского государства.*

Немецкая проповедь на Востоке

Перечитывая текст легенды об «испытании вер», мы замечаем еще одно любопытное упоминание о немцах. Известие о встрече князя Владимира с немецкими послами, поставленное под 986 годом, завершается его энергичной репликой: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть». Слово «опять» в данном контексте следует понимать как «обратно, вспять». В итоге получается, что беседы о вере велись с немцами и ранее того, но учение их не было принято. Заметим, что последний глагол поставлен в оригинале во времени перфект. Оно в основном применялось для передачи действия, произошедшего в прошлом, результат которого был, тем не менее, явствен и на момент речи. Иначе говоря, выбор предков оставался действителен и для князя Владимира.

Что же касается отцов, упомянутых в легенде об «испытании вер», то тут летописца можно понять как в узком смысле, так и в широком. В узком смысле, речь могла идти, собственно, об отце крестителя Руси, князе Святославе Игоревиче, который действительно был язычником, хотя каких-то миссионеров при своем дворе терпел, и креститься «в индивидуальном порядке» своим людям не запрещал.

В широком смысле, летописец мог говорить о попытках духовной колонизации славян, неоднократно предпринимавшихся немецкими государями. Приведем только два примера. Первый из них связан с «восточной политикой» Людовика Немецкого, бывшего основателем Восточно-Франкского государства (843). Усиление граничившей с ним на востоке Велико-моравской державы – славянской по основному населению и правящей династии – вызывало беспокойство немецкого короля. Среди предпринятых им политических шагов был союз с ханом (после крещения – князем) Болгарским, который должен был отсечь моравских славян от Византии (вот где берет начало историческое притяжение болгарских правителей к Германии, принесшее столько испытаний южным славянам в середине XX века, – заметим мы в скобках).

Религиозные меры включали активную проповедь латино-немецкого духовенства на землях Моравии. Обеспокоенный ее усилением, князь Ростислав в 862 (или 863) году послал за помощью в Византию, в качестве неперемного условия выставив знакомство проповедников со славянским языком. Такие нашлись, а имена их читатель назовет сразу. Конечно же, это – «первоучители славян» Кирилл и Мефодий. Получается, что само появление славянской письменности обязано таким образом историческому соперничеству немецкой и греческой проповеди среди славян.

Второй пример связан с попыткой крещения Руси, предпринятой немецким духовенством во времена основателя Германской империи (962), Оттона I. Сохранившиеся источники, в основном немецкие, позволяют восстановить следующую последовательность событий. В 959 году ко двору немецкого короля прибыло русское посольство. Его хорошо приняли, а во время переговоров была достигнута договоренность о прибытии германских миссионеров на Русь. Через два года произошел ответный визит, причем ко двору княгини Ольги, бабушки Владимира Святого, прибыли представители латино-немецкого духовенства во главе с бенедиктинцем по имени Адальберт.

Вслед за этим произошло нечто непонятное. Результат тем не менее ясен: немецкие послы быстро собрались и уехали восвояси. Провожали их не самым лучшим образом: на обратном пути кто-то из состава посольства пострадал – может быть, даже был убит. Немецкие современники поминали несчастное посольство сквозь зубы, с заметным раздражением. По сути, единственное объяснение его неудачи, которое удастся восстановить по источникам, сводится к тому, что начальное посольство княгини Ольги было «притворным». Ско-

рее всего, это надо понимать в том смысле, что русские послы превысили свои полномочия, предварительно договорившись о том, что пока обсуждению не подлежало.

Так ли разворачивались события, или же в Киеве просто передумали за то время, пока немцы собирались в дорогу, чтобы «крестить Русь», и какую роль здесь сыграла византийская дипломатия – дело неясное. Во всяком случае, в Германии Адальберта после того без всякой иронии могли называть «русским епископом». Ну, а князю Владимиру через четверть века после посольства Адальберта было о чем напомнить новым немецким миссионерам.

Одним словом, немецкая проповедь на Востоке велась очень активно в течение более чем ста лет, предшествовавших крещению Руси. Она оказала заметное влияние на духовность восточных славян. Свидетелями той далекой поры служат такие привычные нам, и обозначающие самые базовые понятия христианского культа слова, как «церковь» и «крест». Как это ни удивительно, но оба из них уверенно возводятся этимологами не просто к одному из германских, но именно к древневерхненемецкому языку (и, следовательно, родственны современным немецким Kirche и Kreuz). Поспешим оговориться, что первоисточником обоих лексем был, разумеется, греческий язык. Однако тот путь, который они прошли, прежде чем попасть в славянские языки, весьма показателен.

Принятие христианства от византийцев отнюдь не прервало немецкой проповеди на русских землях. Вскоре после крещения Руси, скорее всего в 1006 (или 1007) году, в Киев прибыл новый немецкий легат, архиепископ Бруно. Распространившиеся у немцев легенды о его удалых подвигах при дворе князя Владимира несомненно вымышлены. Мы говорим прежде всего о «прохождении через огонь», и обращении пораженного этим чудом князя⁴⁵. Однако сам факт приезда на Русь бесспорен, равно как и теплый прием, который немецкие гости нашли при киевском дворе. Повидимому, вслед за пирами и отдыхом, их проводили к порубежным оборонительным валам, обняли и пожелали больших успехов в крещении половцев, что было наиболее вероятной причиной вполне безуспешного «восточного посольства» Бруно.

Прямые контакты с немецким духовенством прослеживаются в истории Киевской Руси и далее, вплоть до самого монголо-татарского нашествия. К ним следует прибавить и более опосредованные связи. К примеру, историкам прикладного искусства известен ряд изготовленных в древнем Киеве крестов, в форме и облике которых странным образом сказываются приметы такой далекой традиции, как ирландская. Откуда взялись у нас ее носители – не секрет. Как мы знаем, вплоть до 1242 года в Киеве была небольшая ирландская колония, спокойно жили и работали заморские ученые монахи и ремесленники. Значительно менее известно, что эта колония возникла и развивалась по сути дела на правах подворья ирландского монастыря в Регенсбурге⁴⁶. А Регенсбург – это германский город на реке Дунай, в пределах теперешней Баварии. Следовательно, ирландская миссия в Киеве стала возможна благодаря продолжению русско-немецких церковных связей⁴⁷.

Киевские князья в принципе покровительствовали таким связям и в силу общей направленности своей внешней политики. Дело было в том, что на пространстве, названном нами «буферной зоной», в течение IX–X века возникли и укрепились такие сильные государства, как Чехия и Польша. Как это часто случается в политике, «сосед моего соседа – мой друг» (в силу того понятного факта, что территориальные претензии между ближайшими

---

⁴⁵ Речь шла об обращении, поскольку в немецком предании рассказ об "огненном чуде" был приурочен к 986 году, то есть ко времени, предшествовавшему "корсунскому крещению" князя Владимира.

⁴⁶ Рыбаков Б.А. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XI веков и южнорусских княжеств XII–XIII веков // История русского искусства. Т.1. М., 1953, с.291.

⁴⁷ Во время недавнего посещения Петербургской Духовной академии. автору довелось узнать, что едва ли не самые прочные связи по части теологического образования установились у нашего города с Регенсбургом. Вот, таким образом, продолжение давней, еще киевской традиции русско-немецких духовных связей.

соседями почти неизбежны). Вот и основа для временных союзов, заключавшихся немцами и русскими «через голову» Пржемыслидов и Пястов для совместных действий против их «буферных государств».

Опасность немецкого «натиска на Восток», уже вполне явная западным славянам, на Руси тогда практически не ощущалась. Иначе историки не отмечали бы того, что с течением времени, а именно начиная с XI столетия, русские князья стали все активнее вовлекать немцев и в свои междоусобные раздоры⁴⁸. ... А между тем за Эльбой уже создавались пограничные марки – области «ускоренной колонизации», ставились бурги, и немецкие рыцари, сверкая глазами, передавали друг другу рассказы о веселом маркграфе Героне, который позвал к себе на пир тридцать могучих славянских князей, разоружил их, и изрубил всех в клочки. Чехи к концу первого «миллениума» признали свою зависимость от Германского королевства; поляки точили мечи – им пока удавалось отбиваться от немцев.

С началом татарского нашествия, связи Руси с землями южной Германии, наследовавшие древнему торговому пути «из хазар в немцы», угасли. Но история русско-немецких связей еще только начиналась. Новое «окно в Европу» – и, в первую очередь, в немецкие земли – было открыто уже новгородцами.

---

⁴⁸ Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. \ \ Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994, с.15.

Глава 2. Средневековье – ливонское и ганзейское

«Натиск на Восток»

Силовой «натиск на Восток» – или подсознательное «влечение» к нему (в зависимости от того, как переводить немецкое «Drang») – вот ключевое слово для понимания немецкой политики на Балтике в XII–XIII столетиях. Поводов к экспансии на Восток историки насчитали немало – от алчности ряда северогерманских князей – до общей неудовлетворенности немецкого рыцарства итогами крестовых походов на мусульманский Восток.

Действительно, германские императоры со времен первых Штауфенов (то есть с сороковых годов того же, XII столетия) обращали преимущественное внимание на итальянские походы, предоставляя своим северогерманским вассалам почти полную свободу действий на бедных прибалтийских землях.

Что же касалось немецких рыцарей, то они горько завидовали своим английским и французским союзникам, считали, что недобрали добычи на средиземноморском Востоке, и мечтали о реванше на Востоке балтийском. В этом смысле такие действия, как основание Риги (1201) вполне можно считать немецким ответом на завоевание «латинским воинством» Иерусалима (1099) и – несколькими годами позже – Константинополя (1204).

Более глубокой, психологической доминантой было подспудное ощущение тесноты «европейского дома» и стремление расширить его, разрушив и перенеся как можно дальше на восток ближайшую его стену. Не случайно понятие «жизненного пространства» было выдвинуто много веков спустя именно в германской геополитике. Как известно, его разработал идеолог «третьего рейха» К.Гаусгофер (он развивал, в первую очередь, идеи своего соотечественника Ф.Ратцеля, выдвинутые в период бисмаркова объединения Германии)⁴⁹. Следует признать, что германские теоретики осмысливали в данном случае одну из действительных констант исторической психологии немецкого народа.

Обратившись к географической карте, мы увидим, что к востоку от устья Эльбы плавными дугами простиралось пологое южное побережье Балтийского – или, как по сию пору его называют немцы, «Восточного моря» (Ostsee). В те времена его население было славянским, и разделялось на полабские, то есть живущие «по реке Эльбе» (славянской Лаббе) – точнее, между Лабой и Одрой (Одером) – племена ободритов и лютичей; и на поморских славян (поморян), занимавших территорию примерно между Одером и Вислой.

За Вислой начинались земли древних пруссов, принадлежавших уже миру родственных славянам балтийских народов. От Пруссии уходило на север восточное побережье Балтики. Примерно до широты Рижского залива его занимали балтийские племена – такие, как жмудь и курши. Дальше шли земли народов прибалтийско-финского корня, прежде всего ливов и эстов. Наконец, побережье поворачивало на восток, и открывало путь в теперешний Финский залив и в устье Невы, то есть на Русь. Такова была сцена, начинавшаяся сразу же за северо-восточной границей «немецкого мира».

Нужно сказать, что действующие лица, занимавшие эту сцену до прихода немцев, были многочисленны, предприимчивы и недружны. Междоусобные войны, без устали ведшиеся их вождями, были тогда притчей во языцех. Рассказы о них не встречали более внимательной аудитории, чем феодалы Северной Германии... Помимо того, что восточные соседи не были дружны, они еще не были просвещены истинами христианской веры. Вот это было еще более

---

⁴⁹ Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? \ \ Вопросы философии, 1994, N 7–8, с.60.

интересным, поскольку позволяло просить папу римского о благословении на настоящий крестовый поход – а может быть, и на серию таковых.

Направления основных ударов, удобные проходы и гавани, подходящие места для основания крепостей были давно все выяснены. За добрые сто лет до того, немецкий хронист с полным знанием дела писал, что «от Гамбурга и Эльбы по суше можно за семь дней достичь города Юмны [Волина]. Для морского путешествия необходимо в Слизвиге [Хедебю] или Ольденбурге сесть на корабль, чтобы добраться до Юмны. От этого города за 14 дней под парусом приходят в Новгород на Руси»⁵⁰; не редкость и более подробные описания и итинерарии. На некоторых важных пунктах побережья уже были основаны небольшие торговые дворы немецких купцов; датские и шведские феодалы были совсем не против координации действий.

Не было ничего, что помешало бы немецким рыцарям вступить на эту обширную сцену и исполнить свою партию. Отдавая должное исторической точности, оговоримся, что партий было несколько, задумывались они независимо друг от друга, а исполнялись отнюдь не в унисон. Более того, историки посвятили и посвящают до сих пор немало сил точному выяснению того, каким конкретно образом наследники какого-нибудь персонажа, выступавшего под выразительным именем Альбрехта Медведя, обидели сыновей некоего Генриха Льва, и какой именно передел карты германских владений в Прибалтике за этим последовал...

Все это происходило так, и даже гораздо жестче: земли у нас скудны, а урожаи скромны, что к особому великодушию не располагает; нечасто оно встречалось и на берегах южных морей. Однако в конечном итоге немцам удалось практически полностью овладеть политической сценой восточной и южной Прибалтики, переведя на третьи роли, или вообще удалив со сцены всех остальных действующих лиц.

Нужно признать, что *«натиск на Восток» увенчался безусловным успехом, создав условия для образования нескольких сильных государственных образований – достаточно назвать новую, немецкую Пруссию или Лифляндию. Окончательное крушение политической системы, образовавшейся как следствие этого натиска, и изгнание немцев из Прибалтики произошли совсем недавно, фактически на глазах наших отцов и дедов. Они знаменовали подлинную катастрофу в германской истории, и наступление нового цикла в развитии европейской цивилизации.*

---

⁵⁰ Адам Бременский (около 1070 г.), цит. по: Херрман Й. Купец и воин в балтийской торговле \ Idem. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона \ Как была крещена Русь. М., 1990, с.249.

Завоевание Ливонии

В 1184 году в устье Западной Двины высадилась первая военная экспедиция, организованная немецкими феодалами. Ее возглавлял монах Мейнард, который и стал первым епископом Ливонии⁵¹. Так была названа новая страна, получившая свое имя от прибалтийско-финского племени ливов, занимавшего тогда эти места.

Даже полабские славяне, земли которых непосредственно примыкали на востоке к германской границе, были в то время отнюдь еще не окончательно замиренены. В 1180 году с немалым трудом удалось уговорить поморских князей признать над собой власть германского императора. Поэтому экспедиция Мейнарда была настоящим «прыжком в неизвестное», неясной виделась и будущность крепостей Икскуль и Гольм, основанных Мейнардом на Западной Двине, на известном отдалении от побережья. Восстания ливов начались почти сразу, сражения шли с переменным успехом. Во всяком случае, известно, что Бертольд, второй епископ Ливонии, был захвачен врасплох и зарублен аборигенами (1198). Однако уже через два года в устье Двины прибыла новая экспедиция, и с тех пор приток рыцарей, торговцев и монахов уже не ослабевал.

Весной 1201 года, новый епископ, по имени Альберт, из рода Буксгевден, заложил Ригу – великий немецкий форпост на Балтике. Буквально на следующий год, он дал благословение на создание церковно-рыцарской организации, вошедшей в историю под именем Ордена меченосцев⁵². Еще через несколько лет, третий епископ Ливонии, получивший при жизни прозвание «Апостола ливов», заключил с Орденом договор, формально разграничивший зоны их ответственности и границы владений в Прибалтике.

Пределы этих владений быстро расширились. Поднимаясь вверх по Двине, немецкие войска вскоре вышли на юго-восточном направлении к небольшим местным княжествам Герцька (Герцике) и Кукенойс (Кокенойс), и уже к 1210 году завоевали их. Примерно в те годы началось и покорение эстов (теперешних эстонцев), бывших северными соседями ливов. Следуя руслу северного притока Двины (теперешней Айвиексте), а также и Гауи, впадающей в Рижский залив немного севернее Двины, немецкие войска еще через несколько лет вышли на северо-востоке в бассейн Чудского озера. Таким образом, логика «натиска на Восток» и рельеф местности сами вывели немцев в традиционную область влияния княжеств древней Руси.

Уже в давние времена, за добрых двести лет до описываемых событий, при сыне Владимира Святого, киевском князе Ярославе Мудром, недалеко от западного берега Чудского озера, на реке Амовже, в земле древних эстов, русскими был поставлен город Юрьев. Город был задуман как несомненный форпост русского влияния в восточной Прибалтике, и в этом качестве предшествовал Ивангороду, а потом и Петербургу, поставленным в свой черед на северо-западных рубежах русских земель.

Любопытно, что все три города получили свои названия по имени великого князя (или царя), при котором были основаны (христианское имя Ярослава было Юрий). *Так сложилась своеобразная традиция, не находящая себе прямого соответствия вне нашего региона.* Новгородцы ценили свой западный форпост, постоянно держали в Юрьеве небольшой гарнизон, и придавали большое значение освоению окружавших его земель эстов. Вот почему, празднуя взятие Дерпта в начале Северной войны, летом 1704 года, Петр I с полным на то правом назвал его «славным отечественным градом».

---

⁵¹ Общее руководство христианской миссией в Ливонии принадлежало архиепископу северонемецкого города Бремен.

⁵² Чаще всего говорили "Орден братьев-меченосцев" ("Schwertbrüderorden"), хотя формальное латинское название звучало проще – "Братья воинства Христова" ("Fratres militiae Christi").

Нельзя забывать и том, что в давние времена, испытав первый натиск немецкой колонизации, известная часть западных славян снялась со своих мест и переселилась подальше, а именно на северо-запад Руси, где и вошла в состав ильменских словен, а также, повидимому, кривичей. В пользу такого переселения говорят убедительные данные, накопленные в последние десятилетия рядом наук, прежде всего – языкознанием, археологией, историей.

В недавнем докладе на годичном Общем собрании Российской Академии наук, известный наш археолог В.Л.Янин счел нужным подчеркнуть тот факт, что «исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. *Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами*»⁵³. Воспоминания о старых бедах должны были сохраниться в народной памяти, обретя новую силу при виде все тех же немцев, добравшихся теперь уже до новгородских земель.

Что касалось территории теперешней восточной Латвии, то тут преобладающим влиянием пользовалось княжество Полоцкое. В течение некоторого времени, Герцыка и Кукенойс признавали себя вассальными по отношению к Полоцку. Контролировать Западную Двину было тем более важно, что по ней с давних пор был проложен торговый путь, который соединял западнорусские земли с европейскими рынками. В этом смысле, *освоение пути по Двине предшествовало проложению более северного и трудного пути по Неве*.

---

⁵³ Янин В.Л. Археология и исследование русского средневековья // Вестник РАН, 2000, N 10, с.923 (курсив наш).

Психология колонизации

Разумеется, что та деятельность, для проведения которой немцы пришли в Прибалтику с запада, а русские с востока, носит одно общее название, а именно колонизация. Однако способы ее проведения были настолько несхожими, что подводить обе под общий термин перо не подымается. Историки давно уже составили список важнейших различий; рассмотрим его в самом конспективном виде.

Немедленно вслед за захватом новых земель, немцы отменяли старый племенной строй, поголовно, а при необходимости – насильно крестили туземцев, вводили свою администрацию и судебную систему. Лучшие земли отбирались у местных жителей и передавались немецким феодалам или церковникам. Во всех стратегически важных пунктах ставились города или замки с немецкими гарнизонами. На местное население налагались многочисленные подати и повинности, в ряде случаев оно превращалось в феодально-зависимых крестьян.

Новгородцы, насколько нам известно, практически никогда не боролись со старыми обычаями и порядками, а иногда их поддерживали. Даже против языческой религии особой борьбы также не велось – во всяком случае, насильно никого не крестили. Основное внимание уделялось сбору дани. Однако никакой системы опорных пунктов и практики карательных экспедиций за двести лет налажено не было. В сложных случаях новгородцы старались найти понимание у местной племенной знати, и обирать население с ее помощью, ко взаимной выгоде. Конечно, русским князьям доводилось периодически бряцать оружием и устраивать иной раз даже довольно дальние военные походы – однако то были скорей эпизоды, нежели система.

Опираясь на примеры такого рода, историки приходят к выводу, что там, где у немцев была жесткая организация, у русских были размытые во времени и пространстве, почти стихийные действия. При первом серьезном столкновении, победила, естественно, первая, что объясняет быстрый успех немцев в вытеснении русских из Прибалтики⁵⁴. В таком утверждении есть своя правда – однако нельзя исключать влияния более глубоких, психологических установок.

В ливонских источниках практически с самого начала прослеживается четкое противопоставление немцев местному населению, которое рассматривалось если не как нелюди, то всяком случае как «недочеловеки», которых нужно пороть и учить уму-разуму. Прежние порядки не рассматривались как культура вообще. Ее надо было налаживать путем простого перенесения немецких образцов на новую почву во всех областях жизни.

Напротив того, новгородцы отнюдь не считали себя выше местных племен. Всегда помня свою выгоду и умея ее отстаивать, они и не думали о том, чтобы разрушать местные порядки, освященные древностью. В этом смысле новгородская колонизация соответствовала поведенческим нормам и психологическому строю, сложившимся у обитателей наших мест – эстов и ливов, леттов и словен, летголы и кривичей – безотносительно к родному языку и вере.

Жить редкими поселениями среди бескрайних лесов и болот, ловить рыбу в холодных озерах, собирать скудные урожаи на каменистых полях, не давать спуску соседям, но и не навязывать им своих правил, держаться древних суеверий, подолгу не видеть ничего дальше околицы своей деревни или усадьбы – «вот счастье, вот права», вот и психологические доминанты жителей наших мест...

---

⁵⁴ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. М., 1978, с. 18–20.

Разница между двумя типами колонизации не укрылась от внимания современников. «Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться *не об обращении его в христианскую веру*, а о сборе [с него] дани и денег», – подчеркнул в 1220-х годах в своей «Хронике Ливонии» Генрих Латвийский (курсив наш). Приняв во внимание, что религия оформляла, определяла и сводила воедино все стороны жизни и роды деятельности средневекового человека, мы можем понять, в чем обвинял противников ливонский хронист. По мысли Генриха и его покровителей, «русские короли» действовали вне рамок культуры, занимаясь простым грабежом – а с такой публикой церемониться нечего.

В свою очередь, составитель Жития Александра Невского, писавший в 1280-х годах, уже твердо знал, как следует относиться к рыцарям-меченосцам. Во-первых, они – «иноплеменники», во-вторых, «иностранцы», но, самое важное, они – «немцы *безбожные*» (курсив наш). Разумеется, мы слышим в этих словах не столько «глас народа», сколько учительный голос церкви (составитель Жития был, по всей вероятности, насельником монастыря Рождества Богородицы во Владимире).

Однако ощущение не частичного, при благоприятных условиях преодолемого – языкового или национального – но полного культурно-психологического отчуждения здесь передано очень верно. В соответствии с литературным этикетом эпохи, оно возводится агиографом к религии, то есть, в конечном счете, к той базовой ценности, на которую ссылался и немецкий хронист.

К нашему времени аргументы и ценности изменились – но *граница между двумя мирами, двумя психологическими типами, проведенная в Восточной Прибалтике в старые времена, отнюдь не упразднена, и даже, как будто, упрочивается*. Пора и нам припомнить, как она устанавливалась.

Тевтонский орден

Рыцарям-меченосцам понадобилось всего полтора десятилетия, чтобы укрепить Ригу, завершить покорение ливов и повести успешные действия уже не в «зоне влияния», а на границах собственно новгородских земель. В 1224 году Юрьев был завоеван немецким войском, при этом весь новгородский гарнизон до последнего человека погиб в бою.

После того, уже несмотря ни на какие походы и временные успехи русских князей, прежний Юрьев стал для нас «Юрьевом Немецким» (так стоит уже в некоторых списках Жития Александра Невского), а потом просто Дорпатом, Дерптом, Тартто, Тарту – одним словом, «отрезанным ломтем». Где пройдет граница – было решено в ряде последовавших за этим сражений и переговоров, занявших всю середину XIII века.

Историки называют прежде всего сражение 1234 года, когда новгородский князь Ярослав Всеволодович, собрав дружину из русских и присоединившихся к ним дружественных эстов, встретился с отрядом немецких рыцарей у реки Амовжи, на которой и был поставлен город Юрьев. В этой первой серьезной битве немецкие войска потерпели безусловное поражение. Оно произвело тем большее впечатление на руководство Ордена, что вскоре после того, независимо от новгородцев и эстов, литовцы с земгалами нанесли рыцарям еще одно серьезное поражение в битве, произошедшей на их землях, при Сауле (Шавлях, позднейшем Шяуляе).

Поняв, что судьба немецкой колонизации Прибалтики висит на волоске, рыцари-меченосцы приняли еще одно решение, имевшее далеко идущие последствия для ее судеб. В 1237 году, они объединили свои силы с Тевтонским орденом, обосновавшимся к тому времени на прусских землях. *Теперь новгородцам предстояло иметь дело не с «ограниченным контингентом» авантюристов в рясах и латах, но с вооруженными силами гораздо более сильного «орденского государства», протянувшегося с небольшими разрывами во всю длину прибалтийских земель.*

Тевтонские рыцари располагали прекрасной организацией и большим боевым опытом. Орден был образован на Ближнем Востоке в конце XII века, во время крестовых походов, и сохранял память о том великом воодушевлении, на гребне которого поднялись духовно-рыцарские ордена тамплиеров, иоаннитов – а позже тевтонцев, членами коего состояли по преимуществу немцы. Вот почему его нередко называли еще и просто Немецким орденом.

Внешние различия между одежаниями рыцарей разных орденов были намеренно сглажены – красный крест на белом плаще у тамплиеров, белый крест на красном плаще – у госпитальеров (иоаннитов), черный крест на белом плаще – у тевтонцев⁵⁵. Близка была и организация орденов, основанная на четкой иерархии и строгом соблюдении дисциплины, и их идеология, ставившая высшей духовной целью вооруженную брань с неверными – точнее, сочетание брани внутренней и внешней, и их тяжелая мистика, напитанная эзотеризмом древних восточных культур.

Спору нет, история взлета и падения рыцарей-храмовников (тамплиеров) затмила в глазах Европы деяния всех остальных орденов. Невиданные богатства Ордена и казнь на костре его Великого магистра Жака де Молэ, обвинения в отправлении «тайнства пепла» или поклонении идолу Бафомета, возможное сохранение ядра Ордена после разгрома 1310-х годов и своя не вполне вероятная преемственность по отношению к нему, о которой заявили деятели уже раннего французского масонства, давно описаны в научной литературе – и в общих чертах знакомы любому читателю, хотя бы по популярным историческим романам Мориса Дрюона. И все же магистры Тевтонского ордена принесли на наши северные земли

---

⁵⁵ Рыцари-меченосцы избрали своей эмблемой красные меч и крест на белом поле.

идеи и ценности, выработанные в той же накаленной среде легендарных крестовых походов, что и воззрения рыцарей-храмовников.

Замок Великого магистра Ордена в Мариенбурге (теперь это – Мальборк на севере Польши), основанный в 1272 году ландмейстером Конрадом фон Тирбергом, приобрел значение сакрального центра нового теократического государства, ведшего одну из главных партий в балтийской политике вплоть до XVI века. В дальнейшем он неизменно служил целью паломничества немецких националистов, желавших приобщиться к истокам «тевтонского духа».

«Я хотел бы открыть вам одну тайну. Я основываю орден», – передает слова А. Гитлера такой серьезный мемуарист – к тому же, писавший по свежим следам событий – как бывший данцигский сенатор Герман Раушнинг. Сперва он входил в «ближний круг» единомышленников фюрера, но, всего через несколько лет после прихода нацистов к власти, бежал в Англию и написал там свою знаменитую «книгу-предупреждение».

«Эта мысль не была для меня новостью», – продолжает Раушнинг, – «Очевидно, она восходила еще к Розенбергу. По крайней мере, Розенберг первым сказал мне об этом. В залах старого замка Мариенбург, принадлежавшего Тевтонскому рыцарскому ордену, он сделал доклад перед нбольшой группой посвященных. Очевидно, историческая память об ордене и его влиянии в Пруссии была истинной причиной того, что национал-социализм тяготел к превращению в подобный орден. Могучие рыцари, мудрые правители – все они имели духовный сан и учение со своими „тайнствами“, знания, скрытые от непосвященных и иерархию; особый способ руководства... Все это, вероятно, должно было служить ценным примером и сегодня»⁵⁶.

От Мариенбурга наподобие паутины расходилась целая сеть менее значительных замков, распространявших сакральную власть Великого магистра по всем прибалтийским землям. Новгородцы с естественным беспокойством следили за ее разрастанием, думая, впрочем, в первую очередь не о таинственных ритуалах рыцарей, но о том реальном геноциде, который они устроили на землях древних пруссов.

Действительно, если эстонский и латышский языки дожили до наших дней, если даже на ливском языке говорили до недавнего времени несколько десятков рыбацких семей на побережье Балтийского моря к северу от Виндавы (Windau, теперешнего Вентспилса) – то прусский язык, как в своем помезанском, так и самбийском диалекте, уже через несколько десятков лет после прихода тевтонских рыцарей принадлежал вымиравшему народу, а к XVIII столетию вышел из употребления даже в самых отдаленных прусских деревнях.

Так полагают современные этнографы. Заметим, впрочем, что работавший над своей «Древней Российской историей» в пятидесятых годах XVIII века М.В. Ломоносов писал о «старожилах прусских, которые еще и поныне живут рассеяны по некоторым селам в Пруссии и тем же языком говорят, который употребляют литва, жмудь, курландцы, ибо в городах живущие дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия завладели по несправедному папскому благословению». Мы только что процитировали начало главы VIII; надеемся, что читатель внес в текст отца нашей историографии поправку, состоящую в том очевидном факте, что языки пруссов, литовцев и латышей были родственны, однако, конечно, не идентичны.

На одной из конференций, проводившихся в Тартуском университете под председательством видного нашего специалиста по реликтовым славянским языкам, профессора А.Д. Дуличенко, автору довелось однажды услышать небольшое выступление на прусском

---

⁵⁶ Раушнинг Г. Говорит Гитлер \ Idem. Говорит Гитлер. Зверь из бездны \ Пер. с нем. М., 1993, с.189.

– точнее, на древнепрусском языке⁵⁷, с которым выступил литовский лингвист Миккель Клоссе.

Помнится, он рассказывал также, что в Литве, Польше и Германии возникло в последнее время несколько обществ людей, возводящих свой род к древним пруссам, и пытающихся возродить язык и традиционные ремесла своего народа под сенью старинного черно-красно-черного флага. Как ни грустно, но речь шла не более чем об освоении результатов научных реконструкций – живая традиция давно прервалась.

Новгородцев ждала бы не лучшая участь, чем пруссов, если бы им не удалось остановить продвижения Ордена на восток.

---

⁵⁷ Так принято называть язык балтийских племен пруссов, чтобы отличить его от позднее распространенных в том же ареале прусских говоров немецкого языка.

«Рыцарь Андреяш»

План «восточной кампании» 1240 года был намечен рукой опытного стратега. Ее ударную силу составлял Ливонский орден (это название приняли остатки рыцарей-меченосцев после объединения с Тевтонским орденом). Помимо орденских формирований, в деле согласились принять участие датчане, занявшие (точнее, вернувшие себе) к тому времени основную территорию Эстляндии, то есть северную часть эстонских земель, а также шведы, все более активно действовавшие на финских землях к востоку от Ботнического залива. Германский император и папа римский были ознакомлены с общим замыслом действий коалиции и сообщили о своем одобрении.

Со своей стороны, нараставшая угроза с запада ощущалась и на Руси. В 1238 году, самые близкие к Ливонии княжества – Новгородское, Полоцкое, а также Смоленское – заключили союз и озаботились укреплением старым крепостей, равно как закладкой новых. Как видим, обе стороны предвидели войну и готовились к ней каждая на свой лад.

Житие Александра Невского выносит эту военно-дипломатическую прозу за скобки. После небольшого вступления, где говорится о родителях князя и богоугодности его княжения, мы читаем, что в то время «от Западных страны, иже нарицаются слугы божия»⁵⁸ на Русь пришел именитый муж, по имени Андреяш (или Андрейаш), и пожелал видеть князя Александра Ярославича. Встретившись с князем, Андреяш вернулся обратно, где рассказал своим, что до той поры «не видех такового ни в царех царя, ни в князех князя». Услышав такие слова, «король части Римския от Полунощныя страны» возгорелся духом, и принял решение пойти поплнить «землю Александрову», с чего и начался шведский поход на Неву.

Как видим, летописец отличает Швецию (называя ее «Полунощной», то есть северной, страной) от Ливонии («Западной страны»). Первой правит король, и она входит в число держав римско-католического мира (поскольку ее повелитель – не просто король, но «король части Римския»). Второй правит не король, а лицо, облеченное властью (в Житии он характеризуется как «некто силен»), который имеет отношение к латинской вере, поскольку в его стране обретаются рыцари-монахи («слуги божия»).

Оба правителя состоят в общении, касающегося, в частности, и отношений с новгородцами. Таким образом, *предшествовавшие битве на Неве события, в которых наш взгляд привык выделять агрессию шведов, для русского агиографа начались с русско-немецких (точнее сказать, новгородско-ливонских) контактов.*

Заметим, что полная картина событий еще подлежит восстановлению. К примеру, в примечаниях к своему изданию Жития Александра Невского, В.И.Охотникова находит возможным утверждать, что под именем рыцаря Андреяша составитель подразумевал некоего Андрея (то есть, надо думать, Андреаса) фон Фельвена, занимавшего в 1240–1241 годах пост магистра Ливонского ордена. Соответственно, речь в Житии действительно могла идти о ранних дипломатических сношениях ливонцев с новгородцами, притом на высоком уровне.

Напротив, рассматривая привлечший наше внимание фрагмент Жития, И.П.Шаскольский пришел к выводу, что рассказ о рыцаре Андреяше, скорее всего, не вполне достоверен. По мнению нашего замечательного историка, кругозор ливонского рыцаря, пусть даже магистра, был недостаточно широк для того, чтобы оценить таланты русского князя, тем более чтобы составить сильную западную коалицию. На это был способен скорее деятель масштаба папского представителя Вильгельма, в легатскую область которого в то время как

---

⁵⁸ Житие Александра Невского здесь и ниже цитируется по изданию В.И.Охотниковой, см.: Воинские повести Древней Руси. Л., 1985, с. 120–127.

раз входили и Ливония, и Дания, и Швеция, и которому по должности полагалось заботиться о крещении «восточных схизматиков и язычников».

Высказаны и другие мнения. Признавая, что детали событий нуждаются в дальнейшем исследовании, нужно помнить о том, что житие не есть летопись, тем более – не концепт истории дипломатии. Поэтому, учитывая искажения, вносимые следованием агиографа житийному канону, мы все же не ошибемся, предположив, что общая направленность мысли его составителя соответствовала действительному ходу событий. Вряд ли можно сомневаться в том, что о походе на русские земли подумывали тогда и при шведском дворе, и в орденских замках, и в кабинете посланца папы римского.

«Бург Копорье»

Оперативность орденской дипломатии привлекает наше внимание и еще в одном отношении. Дело в том, что шведы выступили на Русь примерно на два месяца раньше, чем это было договорено с ливонцами и датчанами. Поэтому, собственно, войска ярла Биргера и прибыли в Землю Ижорскую в одиночку, чтобы уже 15 июля 1240 года сойтись в Невской битве с новгородско-ижорской дружиной. Заинтересовавшись таким опережением, историки занялись его предысторией, и пришли к выводу, что, скорее всего, у ливонцев мог быть план одним пройти от Наровы – прямо до Невы, захватить ее устье, а если удастся – и среднее течение, и укрепиться таким образом в Ингерманландии еще до подхода своих шведских союзников⁵⁹.

Такое предположение находит себе опору в дальнейшем тексте Жития. Обстоятельно поведав благочестивому читателю о чудесном видении Пелгусия, подвиге шести храбрецов и поражении шведов, составитель немедленно переносит свой взгляд на запад. В первом же предложении нового периода подчеркнуто, что «въ второе же лето по возвращении с победы князя Александра приидоша паки от Западныхъ страны и возградиша град в отечестве Александрове». Второе лето после победы на Неве – это 1241 год, а «паки» переводится как «снова».

Итак, недруги пришли снова, причем не из Швеции, но из «Западной страны». Выше по тексту эта страна упомянута только один раз, и, как мы помним, именно в качестве местопребывания впечатлительного рыцаря Андреяша с его «слугами Божиими». Эта страна определяется как Ливония. Что же касается немецкого имени «града», поставленного ливонцами «в отечестве Александровом», то в тексте Жития оно, к сожалению, оставлено без упоминания. Несмотря на это, контуры исторических событий вновь проступают сквозь строки старинного повествования.

Как мы знаем, в 1241 году ливонский отряд перешел восточную границу, углубился на русскую территорию и основал на массивной известняковой скале, дополнительно защищенной с юга глубоким, местами достигающим тридцатиметровой глубины, каньоном реки Копорки, крепость, соответственно этому гидрониму приобретающую известность в дальнейшем ходе истории северо-западной Руси под гордым именем Копорья.

Стратегическая выгода места, выбранного ливонцами, не вызывает сомнения. Стоя на северной оконечности Ижорского плато, крепость царит над берегами Копорского залива и Лужской губы (географические названия, естественно, нынешние) – что обеспечивает ее господину обладание морским побережьем и прилегающей к нему полосой земли западной Ингерманландии.

За прошедшее время уровень Балтийского моря несколько понизился, а его берег отступил. Сейчас линия побережья отстоит от подножия крепостной скалы более, чем на двенадцать километров. Это, конечно, дистанция порядочной протяженности. Однако в ту эпоху, о которой идет наш рассказ, море подходило к Копорью гораздо ближе. До наших дней дошли неоднократные и заслуживающие доверия упоминания о том, что крепость использовалась жителями прибрежных поселений как сторожевой пункт, и даже как ориентир, а после наступления сумерек – своеобразный маяк, в старые времена хорошо видный с моря.

Учитывая особенности места, избранного ливонцами для новой крепости, можно в общих чертах реконструировать и их геополитический замысел. Восточные берега Балтийского моря – от Пруссии до Ливонии – были уже по большей части покорены. Во всяком случае, у рыцарей были все шансы если не расширить свои приобретения, то удержать их.

---

⁵⁹ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. М., 1978, с. 155–157.

Эстляндия ранее уже входила в состав земель Ордена. Как известно, сначала ее завоевали датчане, затем их изгнали ливонцы, и, наконец, в 1238 году, после длительных увещаний, а потом и прямого давления папского легата, магистр Тевтонского ордена нехотя согласился вернуть Эстляндию прежним хозяевам (о племенных начальниках эстов, естественно, и речи не было). Статус-кво удалось таким образом, с грехом пополам, восстановить к началу решительных боевых действий против Новгорода. Но разве это могло помешать Ордену выбрать в дальнейшем удобный момент и предлог, двинуть войска на север, и захватить Ревель (теперешний Таллин), а с ним и Эстляндию.

Заметим, что «дружба-вражда» датчан и немцев прошла красной нитью в истории покорения прибалтийских земель. За добрых сто лет до основания Копорской крепости, оба колониальных хищника порознь, однако примерно в одно время накинлись на полабских, а потом и поморских славян, иногда мешая, но чаще помогая друг другу – на манер егерей, загоняющих дикого зверя под выстрел. Потом схожие события произошли и на землях эстонских племен. Повидимому, в силу такого положения составитель Жития Александра Невского не счел необходимым особо выделять участия датского отряда в боевых действиях.

Итак, присоединение (или возвращение) Эстляндии скорее всего рассматривалось в Ливонии как вполне выполнимая задача, решение которой было просто отложено до удобного времени. Как мы знаем, оно наступило только через столетие. Вооруженные силы Ордена явились тогда под Ревель – сначала, чтобы помочь датским соседям подавить восстание эстонцев, а позже – чтобы прибрать к рукам владения самих датчан. За них были, впрочем, заплачены приличные отступные, а именно, четыре с лишним тонны серебра. В датской печати можно встретить исторические lamentации на сей счет, иногда проявляющие черты близости статьям в российских газетах, в которых оплакивается продажа американцам Аляски.

Побережье Балтийского моря само указывало рыцарям-крестоносцам направление следующего захвата. Продолжая уже выработанную, привычную стратегию, надобно было одним ударом занять полосу прибрежных земель к востоку от Наровы, без промедления поставить там на возвышенном месте крепость-«бург» и укрепить ее по законам фортификационного искусства. Вслед за этим оставалось бы только провозгласить образование новой провинции Орденского государства, и озаботиться приисканием ей приличного герба.

При сильном сопротивлении новгородских войск, границу немецкой Ингерманландии пришлось бы в таком случае до поры до времени провести по северной оконечности великого Ижорского плато, примерно по широте Копорья, и заняться первоочередным освоением полосы земли между новым бургом и побережьем залива. В случае же удачного для ливонцев хода событий, рельеф местности сам подсказывал, куда двигаться дальше. Любой серьезный аналитик того времени сказал бы, что нужно взять под контроль все пространство плато, и использовать его как плацдарм для захвата приневских земель – либо уже поворачивать на юг и идти «воевать Новгород».

Примерно такими нам видятся доминанты «Восточной программы», продуманной ливонскими стратегами в предвидении кампании 1241 года, и связанной с основанием Копорской крепости. Заметим, что контуры такого плана просматриваются в событиях и более поздних времен. К примеру, рассматривая обстоятельства подписания Салинского договора, заключенного между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским гораздо позже, через добрых полтора века (а именно, в 1398 году), историки отмечают, что некоторые особенности его формулировок объясняются скрытым стремлением немецких рыцарей обеспечить себе свободу действий на русском Востоке. В первую очередь, эти действия подразумевали передвижение ливонской границы с Наровы – на Неву, что сразу сни-

мало бы естественные рубежи, затруднявшие до того времени продолжение «натиска на восток»⁶⁰.

Вполне исключить такого развития событий нельзя – *и была бы в наших краях «немецкая Ингерманландия», если бы не моментальная реакция князя Александра со товарищи новгородцы*. Выступив со всей возможной поспешностью, новгородское войско захватило ливонский «бург» и разметало его до основания. Последнее обстоятельство в Житии Александра Невского отмечено особо. Что же касалось неудачливых фортификаторов, то одни из них были повешены на деревьях, другие уведены в плен, третьих же князь отпустил, ибо был «милостив паче меры», как с искренним умилением добавляет составитель Жития.

Отгнав ливонских агрессоров, новгородцы приметили исключительно удобное место. При сыне Александра Невского, князе Дмитрие, здесь была возведена по всем правилам искусства фортификации просторная каменная крепость. Поскольку формально она числилась на правах частного владения князя, не будет ошибкой предположить, что он планировал расположить здесь свою княжескую резиденцию – может быть, в противоположность самому Новгороду. Как бы то ни было, но уже к 1297 году Копорская крепость перешла в государственную собственность, и новгородцы установили здесь «важнейший военно-стратегический форпост северо-западной окраины Северной Руси»⁶¹.

Как видим, Копорской крепости придавалось большое значение в противодействии «Восточной программе» орденских стратегов. С течением времени, это значение несколько снизилось, но только потому, что на ливонском направлении были поставлены новые русские крепости – сначала Ям (позже – Ямгород), а потом и Ивангород – мощная северная «контр-Нарва».

Ну, а еще через два с лишним столетия, в 1703 году, в тех же местах, но уже на восток от Копорья, был поставлен «Бург св. Петера», навсегда закрепивший присутствие России на восточных берегах Балтийского моря. Таким образом, проясняется рисунок той *небольшой, но существенной роли, которая принадлежит Копорью в предыстории Санкт-Петербурга*.

Копорская крепость так долго и верно служила государству российскому, что многие авторы находят возможным не упоминать вовсе о первоначальном, немецком эпизоде ее истории. Такая забывчивость извинительна: уж слишком коротко он продолжался. Народная память, напротив, сохранила смутное воспоминание о том, что «Копорье-де строили шведы». С одной стороны, его объяснением может служить своеобразный облик входа в крепость, с подъемным мостом, опускающимися решетками и парой пушечных башен, фланкирующих проход. У нас тогда так не строили (хотя дошедшие до нашего времени въездные сооружения Копорской крепости поставлены несомненно московскими мастерами в XVI веке). Зато для немецких и шведских фортификаторов такие сооружения были делом обычным.

С другой стороны, в фольклорной традиции северной Руси, немцев вполне могли называть шведами; обратное тоже случалось. Память народная не различает второстепенных деталей, о главном же судит неложно. Глядя на крепость, строго присматривающую со своего возвышения за порядком на низменных, далеко видных пространствах Ижорской земли, местные жители вполне могли вспоминать рассказы прадедов о том, как в старину немецкие рыцари поставили тут свое укрепление, и не щадя сил бились за него.

С тех пор прошло много столетий. Устья Невы и Наровы давно застроены современными домами. Уже, кажется, пробил час и устья Луги. Что же касается до пейзажа окрестностей Копорской крепости, то он почти не изменился. Для жителя Петербурга будет совсем нетрудно взять билет на пригородный автобус, доехать до Бегуниц, а там свернуть в сторону

---

⁶⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. М.-Л., 1975, с. 36–38.

⁶¹ Кирпичников А.Н. Копорье \ Архитектурное наследие Ленинградской земли. Л., 1983, с.64.

от большой дороги, но поехать не на юг, к романтическим курганам Волосова и Извары, а на север, к берегу Финского залива.

Довольно скоро перед его взглядом встанут изглоданные ветрами и непогодами башни древней твердыни. С одной стороны он увидит стену мрачного, чаще всего мокрого леса, вплотную подступающую к ним с напольной, северной стороны, и линию мелкого моря, еле виднеющуюся за ним на горизонте, с другой – глубокий провал речки Копорки.

То же самое видели и ливонские рыцари семь столетий тому назад, когда в первый раз заявляли свою претензию на приневские земли, ставя здесь свой город. Те же окрестности видели и новгородские воины, давая ливонской претензии свой первый, твердый отпор. Все то же видит и современный семиолог, восстанавливающий в давно прошедшем, скоротечном, жестоком «диалоге культур» мотив, вполне актуальный и даже архетипический для «немецкой метафизики» Петербурга.

Ледовое побоище

Потерпев неудачу в сражении за Копорский «бург», ливонцы отнюдь не проиграли всю «русскую кампанию». Совсем напротив: на севере их отряды продолжали успешные действия практически по всей территории Ижорской возвышенности, на востоке они постепенно приблизились к Новгороду. Что же касалось Пскова, то орденские войска почти сразу его захватили, и поставили в нем новую, колониальную администрацию.

Последнее обстоятельство было для новгородцев особенно неприятно. Пойти поплечить землю соседа, пограбить в свое удовольствие, дать поразмяться дружине, вернуться «со многим полоном и с великою корыстью» – это еще куда ни шло, так поступали многие. Но ливонцы не просто взяли большой город: в тексте Жития Александра Невского было подчеркнуто, что и «град Псков взят», «и тиуни у них посажени» (в другой сохранившейся рукописи Жития, стоит не менее определенное «и наместники от немец посажени»). Здесь мы вполне можем видеть письменное закрепление популярного тогда оборота речи. «Круто же немцы взялись – у них и тиуны уже посажены!» – так или почти так, но наверняка с немалым раздражением говорили новгородцы, упирая «руки в боки», а то и бросая шапки оземь.

Посмотрев на карту, мы увидим, что русская территория, оккупированная немцами к 1242 году, была довольно обширной – во всяком случае, вполне сравнимой по площади с самой Ливонией. Копорье было, правда, разрушено – зато немцы заняли такой крупный, сопоставимый по своему населению и торговым связям с самой Ригой центр, как Псков. Делала первые шаги и немецкая администрация, вводившая свой строгий «орднунг» на новгородских землях, не исключая и территорий, непосредственно прилегавших к приневской низменности.

Одним словом, в наших краях крепко запахло немецким духом. В такой нервной обстановке пребывание князя в Новгороде было оправдано лишь подготовкой к скорому походу. Автор Жития делит дальнейшее течение военной кампании против ливонцев на три эпизода.

Сначала князь Александр одним ударом освободил Псков, оборонявших же его немцев одних «изсече», других «повяза», третьих же «взя без числа» в полон, не исключая, по всей видимости, и новопоставленных тиунов. Однако такой решительный успех немцев не напугал. Напротив, они собрали новое, еще большее войско, и снова пошли на Русь, договорившись на этот раз еще и пленить самого князя Александра.

Военные действия развернулись «в зимнее время». Это упоминание поставлено в рукописи скорее всего с той целью, чтобы напомнить читателю, что в тот год стояли сильные морозы. Поэтому оба войска смогли сойтись на льду Чудского озера и сражаться на нем, хотя было уже начало апреля.

Надо заметить, что в основных дошедших до нас списках Жития ничего не сказано о том памятном нам по замечательному фильму С.М.Эйзенштейна эпизоде, когда лед подламывается и затягивает на дно озера цвет немецкого воинства. Образ, использованный в Житии, гораздо более сдержан. Мы узнаем только, что бойцы ломали копья и рубились мечами, причем сотрясение льда и звук сечи были так страшны, что могло *показаться*, что лед лопается: «И бысть сеча зла, и трус копий ломления, и звук от сечения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию».

Впрочем, нельзя отрицать, что сцена, столь скупо обрисованная агиографом, подверглась в умах потомства несомненной амплификации. Так, намечая «Идеи для живописных картин из Российской истории», к ней обратился и М.В.Ломоносов. Представляя сюжет картины VIII, названной «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере», наш славный ученый подчеркнул, что «при сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду. Где пристойно, изобразить бегущих, как они, стеснясь и

проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льду тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит» (курсив наш)...

Итак, русское войско билось на льду. Одновременно на помощь ему пришло и небесное воинство, «полк Божий», гнавший врагов «на въздусе». Последнее выражение очень интересно: буквально в следующем предложении сказано, что немцы не устояли, и русские воины погнали их, «аки по иаеру». Слова «воздух» и «иаер» – синонимы, причем последнее происходит из греческого языка, где оно обозначало по преимуществу нижний, плотный слой атмосферы, в отличие от верхнего, называвшегося у греков «эфиром».

Слова греческого происхождения всегда принадлежали у нас более высокому стилю, нежели славянская лексика. Поэтому с точки зрения древнего читателя, было бы корректнее, если бы ангелы гнали врагов по «иаеру», а люди – [как] по воздуху. То, что слова переставлены, передает идею полного единодушия обоих полков, ни один из которых, строго говоря, не сражался на земле. Ведь земная битва разыгрывалась не на земле, но на тонком слое льда, буквально между небом и водой. Над ней же, над головами сражавшихся, шли в бой ангелы Божии.

Упоминание о «полке Божиим» придает необычайно высокую значимость Ледовому побоищу. Не случайно составитель оставляет здесь обычное для житийной традиции смирение, подчеркивая, что о чуде он слышал непосредственно от участника сражения, «само-видца», который в свою очередь сам видел «небесное чудо», и лишь сообщил о нем агиографу. Заметим, что несколько выше по тексту, рассказывая о Невской битве, сочинитель также подчеркнул, что сам он в сражении не был, но слышал о нем из уст «господина своего великого князя Олександра» и от его сподвижников. Сразу же после этого помещен рассказ об ангеле Божиим, который незримо сошел на берег реки Ижоры во время Невской битвы, и побил там множество шведов.

Сходство между рассказами об обеих победах укрепляется еще и упоминанием о небесном заступничестве святых мучеников Бориса и Глеба. В случае Невской битвы, речь идет о знаменитом «видении Пелгусия». Как мы помним, в ночь на битву, этот старейшина, а возможно, и креститель земли Ижорской вышел на Неву, и увидел движущийся по воде насад (корабль) с обоими братьями, которые стояли, «словно мглюю одетые».

На Чудском озере дивного насада никто не видел. Однако же в Житии помещена молитва князя перед битвой, в которой он просил Господа рассудить его спор с «языком непреподобным» (то есть с неблаголепным, неправедным народом) и помочь – как древле он пособил «прадеду нашему Ярославу на окаянного Святополка». Здесь Александр, несомненно, припомнил сражение на реке Альте, где Ярослав Мудрый разбил Святополка, отомстив, таким образом, за убийство Бориса и Глеба.

Упоминание о славном пращуре⁶² было тем более уместно, что князь Ярослав Владимирович в свое время основал и обустроил поблизости от западного берега того же Чудского озера город Юрьев (теперешний Тарту). Произошло это за добрых два столетия до Ледовой битвы, что, безусловно, напоминало читателю о неосновательности, или, говоря современным языком, нелегитимности притязаний ливонцев на земли Причудья.

Как видим, составитель Жития Александра Невского приложил немалые усилия для того, чтобы соположить ливонскую угрозу с опасностью нападения шведов, и утвердить «равночестность» победы над немцами на льду Чудского озера – разгрому шведов в Невской битве. Приняв во внимание концентрацию метафизических образов вокруг этих сражений, мы можем утверждать даже большее: *обе битвы маркировали сакральную границу,*

---

⁶² Прадедом Александра Невского был, собственно, князь Юрий Владимирович Долгорукий.

положенную в наших краях Руси распространению не только немецкой, но и западноевропейской культуры в целом.

Ливонские пленники

Рассказ о Чудской битве завершён описанием триумфального входа Александра Невского во Псков. Вышедшие навстречу ему «игумени ... и попове и весь народ» увидели князя Александра во главе дружины. «И бяше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именують себе божии риторы», – не забывает добавить автор. Последнее выражение не может вызвать у нас никакого сомнения: босыми, у стремени князя шли, разумеется, не риторы (в смысле знатоки риторики), а взятые в плен самые настоящие немецкие рыцари.

Что касается слова «ритор», то оно произведено от немецкого слова, которое в наши дни пишется «Ritter», а означает, как и в старые времена, рыцаря. Нужно оговориться, что у нас нет достаточных оснований, чтобы рассматривать это заимствование как свидетельство прямых связей новгородцев с ливонцами. Как выяснили языковеды, его можно найти в списках Слова Даниила Заточника, составленных ещё до появления немцев в наших краях, а именно в конце XII века⁶³. Что же касается сочетания слов «божиы риторы», то для того, чтобы употребить его, как раз уже надобно было иметь хотя бы самое общее представление о ливонских рыцарях, и даже знать, как они предпочитали себя именовать.

Заметим, что близкое соседство в цитированном тексте выражений «множество пленных (полоненых)» и «Божьи рыцари» дало некоторым неосмотрительным комментаторам основание утверждать, что в Чудской битве сражалось немало ливонских рыцарей, и многие из них были взяты в плен. С таким утверждением нельзя согласиться.

Немецкий рыцарь ведь был в наших краях редкая птица, avis rara. Во всей Ливонии в те времена было не более сотни рыцарей, и были они наперечет, притом что явились на лед Чудского озера наверняка не все до единого. Вот почему пленить рыцаря, тем более нескольких рыцарей, с их отборным вооружением и важным видом, было удачей настолько яркой, что известие о ней заслуживало особого упоминания в тексте Жития.

По мнению ряда историков, наша страна не знала тогда рыцарства как социального института и как психологического типа, сложившихся в Западной Европе. Знакомство с источниками, не исключая и Жития Александра Невского, свидетельствует в пользу того, что по крайней мере *с немецким рыцарством наши предки ознакомились своевременно. Вернее будет сказать, что неторопливость в его перенесении на русскую почву была следствием не недостаточной осведомленности, а сознательного выбора.*

---

⁶³ В других рукописях Жития Александра Невского в этом месте говорится о "рыделях"; это слово тоже было известно у нас издревле. Что же касается формы "рыцарь", то она вошла в русский язык не ранее XIV столетия, при посредстве польского языка.

Возможность союза с Ливонией

Рассказ о Чудской битве завершён предупреждением «невегласам псковичам», чтобы они не забывали доблести Александровой, – и известием о том, что имя князя прославилось «по всем странам ... и об ону страну моря Варяжского, и до великого Риму». Под «той стороной» Варяжского моря автор подразумевал королевство шведов, а также, возможно, вошедших тогда в силу датчан. Что же касалось «великого Рима», то здесь имелся в виду, разумеется, папа римский, оказывавший покровительство всем западным силам, но в первую очередь – своему церковно-рыцарскому Ливонскому ордену.

Последнее предположение подтверждается известием о более позднем контакте между Святым престолом и Александром Невским, которое помещено ближе к концу Жития. Автор рассказывает, что князя посетили послы «от папы из великого Рима», и предложили ему послушать «учения их о законе божии». После совета «с мудреци своими», князь ответил, что он хорошо знаком со священной историей от Адама до потопа, от потопа до Вавилонского столпотворения, и далее вплоть до семи церковных соборов, а от посланцев папы учения не примет. Послам оставалось возвратиться восвояси.

Что же касается историков, то они выяснили, что в конце 1240-х годов папа действительно посылал к Александру послов, однако инструкции их включали в первую очередь не обращение князя в «латинскую веру», но обсуждение «монгольской угрозы» и предложение сотрудничества с Ливонским орденом в ее отражении. В своем послании, папа просил для начала извещать рыцарей о приближении монголо-татарских войск, «дабы как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать»⁶⁴.

Задачи посольства указывают на то, что папа римский признал право «русского короля» на свою землю, и не помышлял более о ее передаче немецким рыцарям. Речь шла о вовлечении новгородских земель в систему западных государств, под угрозой их разграбления татарами-монголами. В первую очередь, это включало обмен стратегической информацией, однако в свой черед подразумевало совместные русско-немецкие военные операции, а с течением времени – и предоставление «режима наибольшего благоприятствования» католической вере.

Русским князьям был вполне ясен сценарий этого сотрудничества, и они серьезно задумывались над его достоинствами и недостатками. Отец Александра Невского встречался и беседовал с послом римского папы, знаменитым Плано Карпини, еще в Каракоруме, и в общем склонялся к союзу с западными странами. Сам князь Александр долго раздумывал, колебался, даже планировал построить во Пскове католический собор, однако в конце концов принял сторону Орды.

Надо думать, что на решение князя повлияли в первую очередь практические соображения. Немецких рыцарей ему доводилось бывать в достаточно молодом возрасте 19–20 лет, без особых затруднений побеждал их и его отец. О том же, чтобы бывать монголов, тогда и речи не было. Как споры рыцари сгоняли аборигенов с их наследственных земель, и какими великими податями их потом облагали, у нас было тоже известно. Монголы требовали общей покорности, в целом же ограничивали свои требования регулярной посылкой дани. И, наконец, монголы тогда в дела церкви вообще не вмешивались, немцы же крестили в «латинскую веру», как мы уже говорили выше, насильно и поголовно.

---

⁶⁴ Цит. по: Горский А. Александр Невский \ \ Родина, 1993, N 11, с.29.

Таким образом, *впечатления от внутренней политики Ливонского ордена и от его внешних предприятий оказались настолько невыгодными, что сыграли весомую роль в решении Александра Невского пойти под руку «царя Восточной страны», великого Батыея*. Монгольская ночь опустилась на Русскую землю. Что же касалось Ливонии, то она стала граничить ... с Монголией. Здесь мы, конечно, немного преувеличиваем – однако факт общей зависимости большинства русских земель, включая и Новгородскую, от Золотой Орды (сложившейся в 1243 году) нельзя отрицать. Психологическое ощущение этой границы – или, как стали говорить в последнее время, «цивилизационного разлома» – ощущается в наших краях по сию пору.

«Повелитель вод»

Итак, граница в наших краях была установлена трудами Александра Невского и его современников. На долю следующего поколения выпало ее утвердить. Как сообщается под конец Жития, сын князя Александра, Димитрий, ходил на Юрьев «в силе велице», и возвратился с богатой добычей. Судя по всему, речь в этом месте идет о действительно вполне удачном походе 1262 года, задуманном в общих чертах самим Александром, и проведенном за год до его кончины.

Торжественная интонация рассказа омрачена единственно тем обстоятельством, что окрестности Юрьева, бывшие главным объектом похода, безо всяких оговорок названы в тексте «немецкой землей». Получается так, что еще при жизни Александра Невского земли на запад от Чудского озера стали рассматриваться как потерянные для Руси.

Нет никакого сомнения, что такая линия границы отражала реальное соотношение сил, сложившееся между Новгородской Русью и Ливонией с ее западными союзниками в середине XIII века. И все же за четкими контурами политических реалий здесь можно различить очертания тени более древнего, темного мифологического конструкта. Достаточно обратить внимание на тот факт, что немцы (а на севере – шведы) виделись как обитатели иного, чуждого мира, лежавшего только по видимости близко, на самом же деле – психологически, или духовно – где-то там, по ту сторону «вод многих».

Такое наблюдение находит себе опору в том факте, что обе великие битвы, описанные в Житии Александра, произошли на водных рубежах Новгородской земли. Более того, именно на воде произошли самые яркие эпизоды, знаменовавшие победу русских войск. Если говорить о битве на Неве, то можно вспомнить о видении чудного корабля с князьями Борисом и Глебом, явившемся благочестивому Пелгусию перед битвой, о падении Гаврилы Олексича в воду вместе с конем, об ангеле, побивавшем врагов на другом берегу реки Ижоры. Что же касалось битвы с немцами, то ее главные события разыгрались на льду, то есть замерзшей поверхности Чудского озера.

Можно сказать, что вода как бы придавала силы Александру Невскому, помогала ему. Так в образе прагматичного и культурного князя начинают просматриваться черты, принадлежащие гораздо более архаичной мифологической системе. Они слагаются в древний образ полубога – «повелителя вод», охраняющего свои владения на их берегах.

Весьма важной в этом отношении представляется молитва князя перед Ледовым побоищем. Здесь мы читаем как бы запись прямой речи героя. Разумеется, перед нами памятник житийной литературы, по тексту которого не один раз прошло перо церковного редактора. И все же «знаки воды» буквально переполняют эту короткую речь. Как мы помним, немцы приблизились, стражи о них сообщили, войско пошло навстречу врагам. Тут Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка неприподобна и помози ми, господи, яко же древле Моисю на Амалика и прадеду нашему Ярославу на *окааннаго Святополка*» (курсив, естественно, наш).

Образы из Священного Писания, вообще говоря, наименее информативны, когда речь идет о реконструкции местных архаических верований. Однако в данном случае упоминание «прения Моисея с Амаликом» весьма показательно. Речь идет, несомненно, о главе семнадцатой библейской книги Исход. В описании самой битвы мало что соотносится с ходом Ледового побоища. Как мы помним, войско израильское сражалось с амаликитянами у подножия холма. На нем стоял сам Моисей – и, когда он поднимал руки, Израиль держал верх. Когда же пророк опускал руки – удача изменяла Израилю.

В тексте Жития можно найти формальные отсылки к библейскому рассказу. К примеру, там сказано, что перед молитвой русский военачальник воздел руки к небу. После же описа-

ния битвы узнаем, что Бог отдал в руки Александра того, кто сам хотел захватить его в руки. Однако значительно более интересно описание «источения воды», помещенное в тексте той же главы 17, непосредственно перед описанием битвы с Амаликом. В библейском тексте рассказано, как Моисей взял в руки свой жезл, помолился Господу своему, ударил в скалу, и источил из нее воду, чтобы напоить сынов Израилевых. Как видим, тут перед нами встает архаичнейший образ древнего пророка, источавшего воды с помощью Божией.

Далее в молитве Александра назван «прадед наш Ярослав», победивший своего недостойного брата, «окаянного Святополка». Базовый текст для разбора этого места – разумеется, Повесть Временных лет, под годами 1015–1019. Сперва там рассказано о злодейском убийстве братьев Бориса и Глеба. Первый был зарезан на берегу реки Альты, второй – в корабле на реке Смядынь. Тела обоих после того были перенесены от воды на Вышгород, и положены в церкви святого Василия.

Далее в летописи помещен рассказ о походе Ярослава на Святополка, и о трехмесячном стоянии их войск на Днепре. Ярослав пришел с новгородцами; в рассказе это обыграно очень ярко, переданы насмешки воинов Святополка над северянами, умеющими работать с деревом и любящими его. «Вы ведь плотники», – слышат от них новгородцы, – «Поставим вас хоромы наши рубить!» (пер. Д.С.Лихачева).

Между тем, наступили заморозки, у берега образовался лед. На следующее же утро, новгородцы переправились на другой берег Днепра, загнали часть воинов Святополка на лед, который под ними подломился, и одержали убедительную победу. Сам Святополк бежал на Запад, Ярослав же сел на столе Киевском. В этом рассказе, подчеркивающем молодечество новгородцев, положительно следует видеть прообраз легенды о сражении на льду Чудского озера.

Наконец, «в лето 6527», то есть в 1019 году по Рождестве Христовом, противники снова встретились на реке Альте. Ярослав стал на месте, где был убит Борис, воздел руки к небу и горячо помолился. В последовавшем сражении Святополк был окончательно разгромлен.

Как видим, злодейства, совершенные по приказу Святополка, произошли на воде, и вода потом все время как будто мстила ему. Ярослав же, напротив, при каждом приближении к воде приобретает новые силы. Единственное исключение в походах против Святополка – неудачная стычка на Буге. Впрочем, сразу после нее Ярослав бежал на Волхов, собирать силы новгородцев. Летописный рассказ вообще построен так, что новгородцы играют в нем едва ли не решающую роль. Они верно служат князю, но помимо того – дружат с водой, даже, как мы уже отметили, устраивают на ней небольшое «ледовое побоище». Все это возвращает наше внимание к славному потомку Ярослава Мудрого, князю Александру, отстаивавшему с новгородцами неприкосновенность их водных рубежей.

Разумеется, мы и не думаем утверждать что в тексте такого авторитетного памятника нашей церковной литературы, как Житие Александра Невского, закодирован некий языческий миф. Вернее будет предположить, что современники князя осмыслили его деятельность в категориях той картины мира, которая была им знакома с детства, и в некоторых частях была весьма архаична. Между тем, едва ли не наиболее архаичным в наших местах был образ «повелителя вод, рыбы и водных путей»⁶⁵. Перенесение его черт на личность великого защитника новгородских земель можно считать вполне возможным, равно как и отражение в тексте житийной литературы.

Приняв во внимание этот образ, мы можем заметить, что «знаки воды» перестают появляться в тексте Жития, как только автор отводит взгляд от двух великих битв, утвердивших сакральную, западную границу новгородских земель. Не осеняют они похода князя Димит-

---

⁶⁵ Для южнорусского земледельческого населения, напротив, более важен был образ "повелителя неба" (или дождя); подробнее см.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987, с.265.

рия Александровича на Юрьев, нет их и в описании отношений самого Александра Невского с монголами.

Вернее, повествование в последнем случае идет следующим образом. Сначала автор рассказывает о «сильном царе», вставшем в «Восточной стране», которому Бог покорил многие народы, «от востока даже и до запада». Услышав о доблести Александра, царь монголов послал к нему своих людей, с предложением приехать и принять покровительство. Отец князя Александра был между тем был умерщвлен в Орде. Несмотря на то, князь решил ехать, прибыл во Владимир, «и бысть грозен приезд его, и промчесь весть его и до устья Волгы».

Вот здесь-то в последний раз вспенивается и дает блик поверхность воды, ослепляя на минуту читателя, а с ним и «жен моавитских», бегущих к своим детям, чтобы напугать их приездом князя, страшного для недругов. После этого в тексте говорится о домах, городах, землях – но только не водах. А между тем, болота и реки лежат не только на запад от Новгорода (как, впрочем, на север и юг), но также и на восток, и это обстоятельство сыграло отнюдь не последнюю роль в судьбе города – причем именно в те годы, о которых рассказано в Житии.

Действительно, ведь тот самый «царь Восточной страны», внук Чингисхана, жестокий Батый, разбив владимирского князя Юрия Всеволодовича на реке Сити в начале марта 1238 года, поскакал было на Новгород со своей ордой, однако даже не дошел до него. Батый просто завяз по самое седло в наших холодных хлябях, после чего проклял весеннюю распутицу на чистом монгольском языке (возможно, с добавлением крепких половецких выражений) – и дал приказ повернуть коней на сухие южные пастбища, в милые своему сердцу степи. На первый взгляд, вот просто идеальное «время и место» для того, чтобы помянуть добрым словом водные рубежи Новгорода. Однако наш агиограф пропустил эту возможность и здесь.

И, наконец, в заключительной части Жития мы встречаем знаменитое, поразившее воображение современников, сравнение усопшего князя с «солнцем земли Суздальской», утверждающее его светоносный образ.

Остается признать, что *«знаки воды» расставлены в тексте Жития Александра Невского, следуя не случайным обстоятельствам, но логике разворачивания архаичнейшего по сути своей сюжета... Черты образа «повелителя вод» встретятся нам в письменности северной Руси еще не раз. Заметны они, в частности, и в сложившемся много столетий спустя образе Медного всадника, покорившего «в начале времен» стихию воды.*

Раковорская битва

Черeda великих сражений, утвердивших северо-западные границы русских земель, завершилась Раковорской битвой 1268 года. Соединенные силы новгородцев и псковичей, усиленные, по некоторым данным, также тверским отрядом, встретились с «погаными немцами» в чистом поле на северо-западе от Чудского озера, в сыропустную субботу восемнадцатого февраля, успешно их «победили и избили», после чего прошли огнем и мечом через всю «землю вируян», повоевали Поморье, и, наконец, паки вернулись домой с великою честью и славой.

Раковор – это русское название теперешнего эстонского города Раквере (его немецкое имя было Везенберг). Под «землей вируян» следует понимать северо-восточную часть теперешней Эстонии. По-немецки она называлась, Вирляндией⁶⁶. Что же касалось Поморья, то тут имелось в виду, несомненно, эстонское побережье Финского залива, скорее всего в его восточной части, между теперешним мысом Пурикари и устьем реки Нарва.

Справившись с географической картой, читатель сразу заметит, что речь, таким образом, шла не только об одной удачной битве, но о широко задуманной войсковой операции, подвергшей санации практически весь северо-восток эстонских земель. Более того, современники событий полагали, что *Раковорская битва и непосредственно примыкавшие к ней, меньшие по масштабам сражения окончательно отстояли земли новгородцев и псковичей от немецких захватчиков.*

Для подтверждения последнего вывода достаточно будет обратиться к такому авторитетному памятнику той эпохи, как Сказание о благоверном князе Довмонте. Говоря о славной битве 1268 года в начале этого раздела, нам уже довелось привести в кавычках отдельные выражения из его текста. Оформившееся вполне не позднее конца следующего, XIV столетия, и дошедшее до нас в составе трех псковских летописей, Сказание вполне соответствует историческим фактам, и притом верно передает их восприятие современниками битвы и их ближайшими потомками. Современная историческая наука в целом согласна и с завершающим памятник общим выводом, гласящим, что «великим князем Александром, и сыном его Дмитреем, и зятем его Домонтом спасен бысть град Новгород и Псков от нападения *поганных немец*» (курсив наш).

Заметим, что уже во второй раз с начала настоящего раздела нам доводится цитировать выражение «поганные немцы», и это не случайно. Текст Сказания о Довмонте буквально пестрит его повторениями, употребляемыми едва ли не каждый раз, практически на правах устойчивого словосочетания, когда речь заходит о новых, воинственных соседях земли Новгородской. «И бысть сеча велика с погаными немци», «не стерпе ... нападения поганных немец», «погании немци оступиша град Псков», и так далее – цитирование легко продолжить (в одном месте автор, впрочем, разнообразил свой лексикон, употребив красочный гапак «поганая латына»).

Поспешим подчеркнуть, что прилагательное «поганый» не несет в данном случае отрицательной оценки – точнее, передает ее лишь косвенно. Прямое значение слова «поганый» – иноверный, может быть, даже безбожный. Соответственно этому, в современных переводах Сказания о Довмонте привлекающее наше внимание выражение передается чаще всего просто как «безбожные немцы», и это вполне оправданно⁶⁷.

---

⁶⁶ Интересно, что финны до сих пор называют Эстонию на своем языке "Vigo", откуда и нередкая в наших местах фамилия Виролайнен, что значит поэтому просто "эстонец" (или "эстонка"). Напомним, что сами эстонцы называют северо-восточную часть своей страны, примыкающую с запада к реке Нарве, Virumaa.

⁶⁷ С некоторыми колебаниями, такого перевода придерживается и В.И.Охотникова, изданию которой мы следовали в приведенных выше цитатах из древнего памятника, см.: Сказание о Довмонте \ Пер. В.И.Охотниковой \ Воинские повести

Заметим, что политическая и военная организация ливонцев была хорошо известна новгородцам. В тексте Сказания без особых комментариев, как явно знакомые читателю, употреблены такие титулы, как «местер земля Ризския» (то есть «магистр земли Рижской»), или «мендерь» (надо понимать, «командор»). Не вызывают они уже и боязни: составитель Сказания с гордостью замечает, что первый из названных знатных людей (оставшийся, кстати, в истории под славным именем магистра Ливонского ордена Оттона фон Луттерберга) получил рану в лицо при осаде Пскова весной-летом 1269 года, второму же значительно позже, однако при сходных обстоятельствах раскроили голову.

При всем том, немцы остаются совершенно чужими по главному признаку, определявшему для человека того времени буквально все грани его или ее мировосприятия – по вере. Соответственно, составитель Сказания о Довмонте всегда помнит и не упускает случая подчеркнуть, что его герои боголюбивы, и бьются не только за жен, «малых деток» и землю родную, но прежде всего за «Дом святой Троицы» (в данном случае имелся в виду Троицкий собор в центре псковского детинца).

Совершенно аналогично, и жители средневековой Ливонии смотрели на восточную границу своего государства с подозрением и опаской, видя за ней в лучшем случае вредных схизматиков, если не прямых идолопоклонников. Так в наших краях постепенно установилась граница не столько между двумя государственными образованиями, сколько между двумя цивилизациями, следующими расходящимися историческими курсами, иными словами – граница не только политическая, но и религиозно-психологическая, в конечном счете – сакральная.

Ну, а германские стратеги очень хорошо запомнили об остановке в своем движении на восток, последовавшей за успешным завоеванием прибалтийских земель. Когда подошло время нового «натиска на Восток», А. Гитлер, в двадцатые годы XX века более пересказывавший идеи великогерманского реваншизма, нежели предлагавший читателям собственные мысли, курсивом выделил в своей программной книге следующие строки:

«Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»⁶⁸.... Впрочем вернемся пока к событиям средних веков.

Древней Руси. Л., 1985, с. 141–145.

⁶⁸ Гитлер А. Моя борьба \ Пер. с нем. М., 2000, с.556 (оригинал был закончен в 1926 году).

Рыцари, епископы и бургомистры

По нашу сторону осваивались, закреплялись в правовых документах, меняли хозяев угодья, пригодные для земледелия, рыболовства или соледобычи, ставились хоромы, тынились монастырские дворы, наряжались церкви, кипели страсти на вече, сменяли друг друга посадники, епископы и князья. С XII века шло упорнейшее освоение огромных пространств севера – Терской земли, Заволочья, Пермской и прочих земель, отделился в 1348 году Псков, происходили мириады других мелких и крупных событий, сформировавших в конечном счете психологические типы новгородца и псковича.

В пределах Ливонии тоже кипела жизнь. Разграничивались владения, строились родовые замки и монастыри, к 1347 году была присоединена Эстляндия с жемчужиной Восточной Прибалтики – Ревелем. Формально земли теперешней северной Эстонии были приобретены Тевтонским орденом у датчан за 19 тысяч серебряных марок (по теперешнему счету, это примерно четыре с половиной тонны чистого серебра). На деле же датское войско, ослабленное длительными боями с эстонскими повстанцами, почло за благо при первой возможности уйти подобру-поздорову.

Эстонский народ сохранил до наших дней память о датском владычестве в самом названии города Таллин. Как известно, оно восходит к словам «Таани лinn», в дословном переводе с эстонского означающим «Датский город». Русские же еще долго звали Таллин Колыванью, скорее всего по древнему имени города – Kaleveni, в свою очередь сохранившему имя Калева – героя эстонского эпоса⁶⁹.

Что же касалось принятого у немцев названия «Ревель», то его происхождение остается не вполне ясным. Местные жители, впрочем, утверждали, что во время охоты некоего древнего рыцаря, на месте будущего города произошло падение (Fall) некоей косули или серны (Reh), откуда якобы и произошло имя «Reval». Подлинность легенды куда как сомнительна, что не мешало местным рыцарям в торжественных случаях поднимать кубки, изготовленные в форме копыта или же нижней части ноги дикой козы.

Одни земли вошли в юрисдикцию магистра Ливонского ордена, другие попали под руку архиепископа Рижского, третьи признали власть Эзельского, Дерптского или Курляндского епископа. Все эти владетельные персоны жили немирно, не упуская малейшего случая перебежать дорогу сопернику, тем более упрочить свое положение.

В спорных случаях четыре «князя церкви» не упускали случая порознь или коллегиально пожаловаться на обидчиков своему патрону, которым был, разумеется, римский папа. Однако магистр Ливонского ордена тоже подчинялся ему, по крайней мере формально, и имел обыкновение более чем активно пользоваться своим правом просить помощи и поддержки понтифика. В то же время, рижские архиепископы считались по давней традиции князьями Священной Римской империи, и, соответственно, не упускали случая привлечь к ливонским делам внимания германского императора. Помогая им, император не забывал того, что сам он был рыцарь, и потому согласовывал по мере сил свои шаги с интересами Ордена.

Если добавить к сказанному, что крупные города Ливонии пользовались самоуправлением, а их бургомистры, как правило, проводили каждый свою политическую линию, соотносясь при этом с интересами не рыцарей или епископов, но зажиточных горожан, то мы получим *первоначальное представление о той напряженной атмосфере, в которой был выкован психологический тип предков остзейских немцев, впоследствии принявших самое активное участие в построении и развитии Санкт-Петербурга.*

---

⁶⁹ См.: Брунс Д.В., Кангрополь Р.Р. Таллин. Л., 1980, с. 7–8.

Впрочем, мы снова забежали вперед. В ту же эпоху, о которой идет наш рассказ, главной заботой «мужей новгородских», а с ними и «мужей псковских», было отнюдь не допускать немцев к администрации и хозяйственным делам своего государства, но, напротив, оттеснить за ближайший естественный рубеж, и удерживать за ним, елико будет возможно. Так и установилась граница, ставшая привычной для поколений обитателей наших мест.

Кто же у нас не знал, что сначала, от самого «Соленого моря» и «прямо по стержню Норовы-реки» – то есть от Финского залива и по фарватеру реки Нарвы – мы держим границу против рыцарей Ливонского ордена. Далее, примерно от средней части «Чючкого» (Чудского) озера и вплоть до озера Теплого, а потом по суше на юго-запад от Псковского озера, продолжается граница все с той же Ливонией, однако уже с владениями епископа Дерптского. Южнее этого участка начинается участок границы также входящей в состав ливонских земель орденской области Мариенбург, в свой черед переходящей в рубеж архиепископской области Пурнау, и так далее⁷⁰.

И все же, памятуя о значении старинного рубежа, мы совершили бы серьезную ошибку, предположив, что контакты между немцами и русскими со времен его установления ограничились приграничными сношениями, а также нечастыми посольствами друг к другу.

Напротив, достаточно рано на Западе объявилось сообщество энергичных людей, проторивших путь в самое сердце северо-западной Руси – в Господин Великий Новгород, поставивших прямо на его территории свое подворье, и нашедших способы прекрасно ладить с великим восточным соседом. Мы говорим, конечно, о торговом союзе балтийских купцов, в течение нескольких столетий с честью несшем громкое имя Ганзы.

---

⁷⁰ Речь здесь идет о положении, сложившемся примерно на конец XIV столетия. Впрочем, намеченная выше линия на удивление точно соответствует трассе теперешней российско-эстонской, а также российско-латвийской границы.

Ганза – «окно в Европу»

«Новгород был практически членом Ганзы. Через нее русские люди знакомились с достижениями европейской цивилизации, при ее же посредстве они получили выход на Запад. В средние века Ганза стала для нас подлинным „окном в Европу“»...

Так или примерно так начинают рассказ о Ганзе некоторые наши даже довольно известные популяризаторы науки, а то и преподаватели истории или культурологии. Почти любой читатель наверняка припомнит что-либо читанное или слышанное в таком духе. Несмотря на распространенность таких взглядов, нужно прямо сказать, что они в общем не соответствуют историческим фактам, отражая скорее желаемое, нежели произошедшее в действительности.

Ганза на самом деле довольно рано наладила постоянные деловые сношения с Новгородом. Самые ранние известные историкам новгородско-ганзейские договоры, установившие самые необходимые двусторонние обязательства и привилегии, были подписаны в 1262–1263 годах, в то время как самый расцвет Ганзы – ее, так сказать, акме – принято относить на время после Штральзундского мира, то есть последнюю треть XIV – начало XV века. Однако, формально предусматривая выгоды и права для обеих сторон, на деле как эти, так и более поздние договоры и правовые акты отражали *магистральную линию Ганзы на монопольное посредничество в обмене товарами между русскими землями и Западной Европой – линию, проводившуюся с исключительной жесткостью, и даже жестокостью.*

Как следствие, на всем протяжении своих отношений с Новгородом, ганзейцы упорно стремились отеснить от русского рынка своих европейских конкурентов, и им это, в общем, удалось. Мы говорим в первую очередь о фламандцах и англичанах, но даже купцам такого исключительно удобно расположенного для сношений с востоком города, как Нарва – своим же по языку и культуре – Ганза, несмотря на их неоднократные просьбы и lamentации, так никогда и не позволила спокойно торговать с соседними новгородцами. О принятии Нарвы в Ганзейский союз его члены и слышать не хотели, поскольку это могло бы снизить прибыли купцов Ревеля и Риги, принадлежавших этому союзу.

Ганза сделала практически все, что было в ее силах, и чтобы удержать русских купцов от поездок на запад – или, по крайней мере, всемерно их затруднить. Новгородцы ведь были очень подвижны и предприимчивы, и, скажем, в XII–XIII веке появлялись со своими товарами и на Готланде, и в Стокгольме, и в самом Любеке – колыбели Ганзейского сообщества. Только почувствовав свою силу, ливонские члены Ганзы стали направлять в ее главные центры послания, требовавшие буквально выставлять русских купцов за дверь.

«Мы слышали, что русские ради своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не было», – писали представители этих городов в Данциг в 1398 году, – «Мы настоятельно просим, чтобы вы с уважаемым господином великим магистром говорили и просили его в милость, чтобы было постановлено так, чтобы русских и их товар в ваших гаванях никто не брал на суда и не возил»... Нужно ли говорить о том, что просьба достойных собратьев по Ганзе была принята в Данциге с пониманием, и уважена в меру сил.

«Ладно, Бог с вами», – говорили новгородцы ганзейским коллегам, – «Не хотите брать нас с товаром на свои суда – не надо. Мы сами снарядим корабли и проведем их по морю. Просим у вас только „чистого пути“ по нему». Под «чистым путем» в международном праве того времени понималась гарантия неприкосновенности торговых судов, их команды и грузов.

Главы ганзейских городов выслушивали такую в принципе достаточно скромную просьбу насупившись, покручивая золотые кольца на толстых пальцах, а потом говорили что-нибудь вроде: «Море имеет много углов и много островов, и исстари не было чистым, и

[ганзейские] города совсем не хотят отвечать за море, если они [новгородцы] не могут сами для себя сделать море чистым и свободным»⁷¹. Можно представить себе издевательский тон этой короткой речи, продолжительную паузу, выдержанную после нее, и фразу, завершающую разговор, произнесенную с внешней любезностью и скрытой угрозой: «Так что, добрые господа, торгуйте, торгуйте – но только „urpe ere egene eventure“ – на свой страх и риск!»⁷²

Мы не отказали себе в удовольствии процитировать последние слова не только в силу их замечательной выразительности, но и по той причине, что они в некотором смысле пережили Ганзу и продолжают звучать в эпоху, как говорится, победного шествия прогресса и «глобального мышления», в новом, XXI столетии. Во всяком случае, их отзвук явственно слышится нам при чтении документов Всемирной Торговой организации, на основании не вполне убедительных соображений упорно отказывавшейся до недавних пор принять Россию в состав своих членов. «Торгуйте, торгуйте, добрые наши российские коллеги – но только „urpe ere egene eventure“»...

---

⁷¹ Этот и предыдущий перлы ганзейского красноречия цитированы нами по кн.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. М.-Л., 1975, с.103, 110 (пояснения в квадратных скобках: в первом случае – наше, во втором – Н.А.Казаковой). В нашем рассказе о Ганзе мы будем и далее цитировать документы эпохи по указанной выше обобщающей монографии этого автора, не оговаривая этого специально.

⁷² Приведенное немецкое выражение было употреблено, к примеру, в решениях любекского "ганзатага" 1426 года.

«Колупание» и «наддача»

Закрепив за собой монополию на торговые отношения с Новгородом, озаботилась Ганза и установлением правил товарообмена, представлявших ей наиболее справедливыми. «Колупание» и «наддача» – вот ключевые слова, необходимые для рассказа об этих правилах. Можно биться об заклад, что мало кто из читателей, даже прошедших курс истории экономических учений, помнит эти термины. Между тем в старые времена они определяли процедуру купли-продажи по главным статьям новгородского экспорта.

Под главными статьями мы понимаем, конечно, высококачественный воск, а также пушнину (только значительно позже, к XVI веку, к ним прибавился вывоз зерна). Так вот, «наддача» применялась заморскими гостями при покупке мехов у новгородцев. Перебрав предложенные ему шкурки, ганзейский купец, как правило, заявлял, что товар неплохой, однако частично некондиционный, и, что самое неприятное, есть в нем незаметные, однако явные опытному глазу дефекты, которые наверняка обнаружатся позже, после транспортировки морем и хранения на складе. Поэтому он, ганзейский гость, как человек небогатый и избегающий излишнего торгового риска, взял бы этот товар лишь при условии добавления еще некоторого количества мехов в совершенно бесплатном порядке. Одним словом, нужна маленькая «naddatscha» – или, выражаясь чистым немецким языком, «upgift».

Что же касалось «колупания», то оно происходило при покупке у новгородцев воска. Ганзейский купец, как правило, заявлял, что внешне предложенный ему товар выглядит вполне удовлетворительно, однако нужно еще проверить качество всего массива. Для этого гость вооружался ножом, а иногда и топориком, и принимался колупать («bekloppen») воск до тех пор, пока все нюансы качества русского товара не прояснились для него во всей своей полноте. Нужно ли говорить, что все отколупнутые в ходе такого дознания куски шли в доход ганзейского гостя – разумеется, без всякой оплаты. Отметим, что общий объем «колупания», а также размеры «наддачи» были ограничены лишь голосом совести покупателя, который во время покупки имел обыкновение звучать особенно тихо, а также требованиями обычая – знаменитой «старины» – которая никогда юридически оформлена не была.

«Не колупайте – и не требуйте наддачи!», – точно такими требованиями на новгородском диалекте русского языка, равно как на нижненемецком языке своего времени оглашали стогны родного города поколения новгородских купцов. «Колупали и колупать будем», – злобно отвечали им ганзейские собратия по профессии, копаясь в предложенных им товарах, – «Наддачи же будем требовать неукоснительно».

Как видим, согласно традиции «колупания», новгородские купцы априорно подозревались в нечестности, и это было для них довольно оскорбительно. Что же казалось ганзейских купцов, то их кристальная честность ставилась выше всяких подозрений. Соответственно этому, «старина» прямо запрещала русским купцам взвешивать, измерять, вообще проверять любым способом качество или количество товаров, привезенных ганзейскими купцами, будь то сукна, соль или вина.

Нужно сказать, что в общем и целом Ганза действительно гарантировала высокое качество своих товаров. Вместе с тем, и здесь открывались широкие возможности для изыскания дополнительной прибыли. Ограничимся лишь одним коротким примером, почерпнутым из исторической литературы. В Ревеле ласт соли содержал 15 мешков, в Новгороде – только 12, причем цена ластва в обоих городах была одинакова. Соответственно, загрузив 2–3 корабля солью в таллинской гавани и перегнав их до Новгорода – то есть не приложив особых усилий, как и не подвергаясь великому риску (за исключением разве что мелководья «Маркизовой лужи», невских и волховских порогов, да эпизодических в летнее время штормов на

Ладогe) ревелльский купец получал солидную прибыль в 20 %, чем обеспечивал себе и своему семейству добрый год безбедной жизни⁷³.

К простейшим торговым комбинациям типа описанной выше добавлялись и другие, несколько более замысловатые. Однако в любую эпоху константой ганзейской восточной политики оставалась ориентация на натуральную прибыль, полученную за счет простого использования своего монопольного положения. Менялась и карта мира, и психология покупателей, вырабатывались новые финансовые и торговые технологии – только ганзейцы, закостенев в принципах «старины», стремились остановить время, закрыв своими грузными телами все пути из Новгорода в Европу, и предаваясь «без мыслей и слов» любимому своему, хотя по сути дела, глубоко бесперспективному «колупанию».

«Между пришедшим в движение Западом и менее подвижным Востоком ганзейские общества придерживались простейшего капитализма», – подводит итог своим размышлениям о причинах конечного упадка Ганзы виднейший историк цивилизации Ф.Бродель, – «Их экономика колебалась между натуральным обменом и деньгами; она мало прибегала к кредиту: долгое время единственной допускаемой монетой будет серебряная. А сколько традиций, бывших слабостями даже в рамках тогдашнего капитализма»⁷⁴.

Если же добавить к сказанному, что ганзейские купцы из принципа никогда не продавали русским некоторых товаров – в первую очередь, оружия – то мы легко представим себе, с каким чувством приветствовали «мужи новгородские» очередную партию заморских гостей, прибывших со своими товарами через наше тогдашнее «окно» – точнее будет сказать, «лаз в Европу». Русские, кстати, надолго запомнили оскорбительные для нашего достоинства ганзейские запреты. С еще очень живым чувством обиды их помянул, к примеру, Феофан Прокопович в одной из своих знаменитых речей, произнесенных в самый разгар Северной войны⁷⁵.

---

⁷³ Средняя норма прибыли в торговле на Балтике составляла в период расцвета Ганзы величину около пяти процентов.

⁷⁴ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Пер. с франц. Т.3. М., 1992, с.102. Кстати, согласно выводу К.Маркса, купеческий капитал вообще всегда по своей природе стремится к консервации устаревших обычаев и отношений. Не будем лишать любознательного читателя удовольствия самостоятельно найти более подробные разъяснения этого тезиса в тексте третьего тома "Капитала".

⁷⁵ См.: Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпетербурхе в церкви Живоначалныя Троицы чрез честнейшего отца ректора Прокоповича июня в 27 день 1717 \ \ Панегирическая литература петровского времени \ Изд. В.П.Гребенюк. М., 1979, с.211.

Ганзейский «Санкт-Петербургоф»

На основании сказанного читатель мог бы заключить, что новгородцы были кроткими, незлобивыми людьми, по сути дела – сущими ангелами, подвергавшимися эксплуатации со стороны ганзейских купцов, и не имевшими чем возместить свои убытки. Такой вывод безусловно расходился бы с доступными нам историческими фактами. Не будучи в состоянии изменить до поры до времени правила торговли, новгородцы использовали все представлявшиеся им возможности потрясти ганзейскую кошну.

Первая такая возможность представлялась при входе ганзейских кораблей в новгородские территориальные воды, то есть чаще всего в устье Невы. Здесь их уже с нетерпением поджидали толпы русских лодочников, предлагавших заморским купцам перегрузить свои грузы на русские корабли, с целью их дальнейшей доставки до новгородских вымолов (то есть причалов). Такая практика установилась давно, на том понятном основании, что ганзейские корабли – знаменитые «коггены» или «урки» – хорошо приспособленные для морских перевозок, оказались слишком тяжелы или широки для плавания по нашим рекам и озерам.

Добровольная в самом начале, перегрузка с течением времени вошла в обычай и стала принудительной, что и давало русским лодочникам порядочные барыши. Точно в таком порядке современные таксисты занимают все лучшие места на выходе из «зала прибытия» петербургского аэропорта, что позволяет им перехватывать основной поток иностранных туристов, принуждая несчастных платить за проезд до гостиниц цену, во много раз превышающую уровень, реально сложившийся в городе (о стоимости «услуг таможни», с которой вынуждены иметь дело привозящие свои товары в нашу страну западные коммерсанты, мы даже и не говорим).

Но даже теперешние таксисты пока, кажется, не додумались до требования, периодически выставлявшегося новгородскими лодочниками. Что делать, если ганзейских товаров хватило только на часть новгородских судов, прибывших в устье Невы? – Естественно, оплатить перевозку на заполненных лодках, а кроме того, *возместить дорогу порожняком в оба конца всем тем лодочникам, суда которых остались без груза...*

Услышав последнее требование, произносимое новгородцами без тени смущения, ганзейцы не знали, за что хвататься – за сердце или за кошелек. Однако, услышав, что, в случае отказа, товары будут выгружены на ближайший остров и оставлены там до прибытия лодочников, согласных на какой-либо другой способ расчета, купцы обводили тоскливым взглядом «равнинность низких берегов» невской дельты, осознавали, что им долго придется тут куковать в условиях круговой поруки местного населения, отпускали несколько проклятий – и развязывали кошельки.

По прибытии в Новгород, ганзейским купцам приходилось брать опять-таки местных носильщиков, а с ними и возчиков – и, конечно, снова развязывать кошельки. Пошлины взимались новгородскими властями в самых умеренных (особенно по сравнению с некоторыми западноевропейскими странами) размерах, однако «проезжую пошлину» все-таки приходилось платить. К ней прибавлялось и «весчее», под которым следует понимать отчисления за взвешивание товаров – ну и, конечно, «святое» – то есть периодические подношения местному князю, тысяцкому или другим важным персонам.

Уплатив всем, кто на то имел право претендовать, ганзеец не мог успокоиться. Ведь в соответствии с местным законом, ему было дано право только на оптовую торговлю в пределах земли новгородской. Значит, нужно было заключать договора с новгородскими купцами, державшими местную розничную сеть, оговаривать размер предоплаты, посылать пробные партии – и соглашаться на иной раз не самые выгодные условия, в особенности если речь шла о скоропортящихся товарах.

Только решив эти проблемы, ганзейские купцы могли вздохнуть с облегчением, затворить ворота Санкт-Петергофа, и подсчитать свои прибыли и убытки. Название, упомянутое нами, наверняка остановило на себе взгляд читателя, а может быть, и вызвало его удивление. Тем не менее, принадлежавший Ганзе с давних времен «двор [при церкви] святого Петра» на территории Великого Новгорода, по-немецки носил именно это название – Sankt Peterhof.

Имя этого двора в свое время получило широкую известность, даже гремело по городам и весям Западной, равно как Восточной Европы. С его укреплением, «Новгород сделался еще важнее в купеческой системе Европы Северной: Ганза учредила в нем главную контору, называла ее *матерью* всех иных, старалась угождать россиянам, пресекая злоупотребления, служившие поводом к раздорам; строго подтверждала купцам своим, чтобы товары их имели определенную доброту, и чтобы купля в Новгороде производилась всегда меною вещей без всяких долговых обязательств, из коих выходили споры»... Читатель узнал, разумеется, неподражаемый стиль автора «Истории государства Российского», Николая Михайловича Карамзина (мы привели выше выписку из текста главы VII ее третьего тома).

Уже на закате Ганзы, в конце XVI века, отделявая на одной из главных улиц ганзейского Ревеля дом для своей штаб-квартиры, предводители так называемого Братства Черноголовых велели архитектору установить на фасаде дома щиты с гербами четырех гостиных дворов, исторически игравших ведущую роль в торговле Сообщества. Здание сохранилось до наших дней, теперешний его адрес – улица Пикк, дом 26. Подойдя к дому и всмотревшись в детали фриза, отделяющего первый этаж от второго, читатель и сегодня сможет увидеть эмблемы великих дворов, расположенных в Лондоне, Бергене, Брюгге – а с ними и подворья св. Петра в Новгороде (что, кстати, примерно очерчивало еще и пределы географического пространства, где доминировала Ганза – на западе, севере, юге, востоке). Был такой дом и в Риге.

Здесь нужно заметить, что имена апостолов Петра и Павла искони чтились на берегах как Волхова, так и реки Великой. Напомним, что три Петропавловских церкви маркировали три древнейших конца Великого Новгорода. У Петропавловской церкви «на берегу» – а именно, на пути от Псковского кремля к Снетогорскому монастырю – разворачивается один из ключевых эпизодов Сказания о Довмонте.

Однако немецкой церкви св. Петра и гостиному двору при ней суждено было в средние века фактически стать форпостом западной цивилизации в наших краях – даже если принять во внимание все те ограничения, о которых мы попытались в самом сжатом виде рассказать выше. *Именно в этом качестве она осталась в исторической памяти русского народа, по сути дела послужив одним из источников местной традиции, мощно продолженной через несколько столетий основанием Града св. Петра в устье Невы.*

Психологический облик ганзейца

Требование экстерриториальности своих представительств составляло, так сказать, альфу и омегу в отношениях Ганзы с местными властями. Соответственно этому, новгородская администрация в принципе не имела доступа на территорию «Немецкого двора», как в просторечии нередко именовался у нас Гостиный двор при церкви св. Петра. Не подлежал судебному преследованию по местным законам и персонал представительства, равно как ганзейские купцы в целом. Все, что входило в компетенцию новгородских властей в случае проступка или преступления ганзейца, совершенных в самом Новгороде или на его землях – это схватить виновного и незамедлительно передать его руководству Двора, для отправления дальнейшего судопроизводства в соответствии с буквой и духом ганзейских законов⁷⁶.

Следует еще принять во внимание, что Немецкое подворье располагало автономностью в рамках Ганзы, и это давало ее управляющим – ольдерманам, а позже приказчикам (*hovesknechte*) – почти абсолютную власть над подчиненным им персоналом. Надо ли говорить, какое раздражение встречали в ганзейских центрах даже малейшие осложнения, способные поставить под удар привилегии, выговоренные у местных властей в ходе долгих, мучительных переговоров. Вот почему любой ольдерман, а также и гофескнехт, видел свою первую задачу в поддержании примерной дисциплины и жесточайшего порядка – говоря современным языком, *Ordnung und Zucht* – на вверенной ему территории подворья.

Подворье св. Петра в Новгороде не имело ничего общего с духом снискавшей себе заслуженную известность в позднейшей российской истории Немецкой слободы в Москве. Эта веселая слобода заслужила у русского народа в XVI веке насмешливое прозвание «Налеек», в соответствии с поразившей добропорядочных москвичей, вовсе не склонных в те годы к чрезмерному употреблению спиртного, склонностью ее немецких обитателей к наливанью горячительных напитков в свои кружки, их дальнейшему опорожнению, равно как разгульному образу жизни вообще...

О нет! Типичный служащий ганзейского подворья был бледен от постоянного сидения за конторскими книгами. Одет он был скромно, почти бедно – чтобы не вызывать зависти местного населения, и подчинялся почти монастырскому распорядку. Выйти на свежий воздух было для него уже развлечением – однако и в этом случае он проходил по новгородской улице бочком, опустив глаза и за версту обходя ссоры и драки.

Все интересы ганзейца были сосредоточены на его профессиональных обязанностях и пронизаны требованиями устава подворья – знаменитой «скры». Вот почему, общаясь с ним, новгородец с огорчением обнаруживал психологическую отстраненность, на манер внутренней стены, раз и навсегда отделившую от местной жизни немецких тружеников прилавка.

---

⁷⁶ В некоторых случаях, торговые тяжбы новгородских купцов с ганзейскими все же подлежали разбору у тысяцкого.

О лестнице и печи

В общении с новгородцами ганзейские купцы были дотошны и неуступчивы. Все нарушения правил торговли протоколировались ими и докладывались властям Немецкого двора. Те свою очередь предъявляли претензии – и, если они своевременно не удовлетворялись, то имена провинившихся русских купцов вносились в особый список. В соответствии с фразеологией современного русского языка, его можно бы было назвать «черным». Купец той эпохи скорее сказал бы что-нибудь вроде «лестничный список».

Дело состояло в том, что на подворье св. Петра была некая лестница, к которой и прикреплялись меморандумы всякого рода, включая и списки провинившихся русских купцов, сношения с которыми были прерваны до урегулирования взаимных претензий, именовавшимся в просторечии «снятием с лестницы». «Попасть на лестницу» было событием весьма неприятным, и новгородцы имели обыкновение морщиться при одном упоминании о ней.

История русско-ганзейских отношений содержит не один пример обсуждения «лестничных списков» даже на уровне официальных переговоров. Так, Н.А.Казакова цитирует один новгородско-ганзейский договор 1436 года, в котором особо записано решение высоких договаривающихся сторон, сформулированное с прямо-таки античной лаконичностью: «А кто из русских у немцев записан на лестнице, тех с лестницы снять и торговать с ними по старине»...

Можно представить себе, какой вздох облегчения издали торговцы, «записанные на лестнице», которым удалось провести это решение на высшем уровне... Здесь нужно оговориться, что новгородские купцы тоже не были расположены прощать обидчиков и отпускать долги должникам своим. Умели они и соблюдать свою выгоду, и жульничать, и в нужных случаях доводить дело до суда. Однако дела в общем велись в гораздо более свободной манере, чем у немцев. До протоколирования своих претензий в такой несомненно обидной для торговых партнеров манере, как «помещение на лестницу», у нас все же не додумались – а узнав, не стали принимать ее к исполнению.

Так обстояли дела с лестницей. Что же касалось печи, то на Немецком дворе таковая имелась в наличии – и, скорее всего, не одна. «Что же в том удивительного», – может заметить читатель, недостаточно знакомый с нравами и традициями описываемой эпохи, – «Зимы у нас длинные и холодные, поэтому без печи не обойтись». Услышав такое высказывание, купец средневекового Новгорода испустил бы еще один вздох, а ганзейский купчина потупил бы глаза и поджал губы. Действительно, кому не обойтись, а кому и перезимовать меж холодных стен, без всякой печки – или, как издавна говорили в наших краях, гусь свинье не товарищ.

Поспешим объяснить. Посмотрев на привольную деятельность подворья св. Петра – а кстати, и Готского двора, который ганзейцы приобрели в самом начале XV века, с упадком благосостояния готландских купцов и их влияния в Ганзе – новгородцы пришли к выводу, что совсем не худо было бы завести собственные купеческие подворья, хотя бы и небольшие, в ближайших ганзейских городах Ливонии – хотя бы в Дерпте, Ревеле, Риге. Православные церкви во всех этих городах тогда уже были построены и действовали, что было немало важно, поскольку купцы того времени имели обычай обстраивать свою церковь подсобными помещениями, в которых они хранили свои товары, устраивали конторы, да обычно и жили тут же.

Такая идея была принята ганзейцами холодно – во всех смыслах этого слова. К примеру, в Ревеле была русская церковь св. Николая, при которой очень удобно было бы устроить купеческий двор. Для начала достаточно было бы построить хотя бы одну печь, поскольку даже в самой церкви таковой не было – и, по возможности, «до белых мух». Раз-

бежавшись, как говорится, с такой просьбой к местным властям, новгородские купцы встретили удивленные лица – и получили ответ, гласящий, что все надо делать в соответствии со сложившимися традициями и уложениями, одним словом, «по старине». Поскольку же никакого русского купеческого двора в Ревеле исстари не было, то и не надо его заводить. По той же причине следует воздержаться и от кладки печи.

Тут уже русская сторона пошла на принцип, и начала посылать в Ревель одно официальное ходатайство за другим. Немцы на каждое отвечали в своей фирменной прохладной, но крайне корректной манере, и все тянули с решением. Более десяти лет (1493–1503) тянулась бумажная волокита, холодно улыбались ревельские ратманы, потирали руки ганзейские гофескнехты – а русские гости коротали одну ревельскую зиму за другой, обогреваясь по постоянным дворам и соседям, мечтая о хорошо протопленной поутру собственной печи⁷⁷... Примерно в таком духе проходило решение вопросов об организации русских подворий и в других ганзейских городах Ливонии.

Каким бы добросердечным, покладистым человеком ни был ганзеец дома, он умел отложить все личное при входе в контору, и отстаивать свои интересы до последнего ефимка – или, если уж быть точным, «четверетцы». При ведении дел с русскими купцами, эта деловая хватка могла легко переходить пределы приличного и допустимого в православном мире, иногда оборачиваясь жестокостью. *Мы рассказали «о лестнице и печи» именно потому, что эти артефакты опосредовали – или, говоря языком семиотики, «означивали» – весьма характерные признаки, присущие коммуникативному стилю ганзейских купцов.*

---

⁷⁷ Разрешения сложить печь в итоге так и не было получено.

Негоции на Неве

Образ «ганзейского гостя», конспективно намеченный в предыдущем изложении, нуждается, говоря языком театральной критики, «в некотором утеплении». Поспешим сделать это, отметив, что ганзейский негодичант – как, впрочем, и большинство его собратьев по профессии в любых обстоятельствах – готов был при известных обстоятельствах отложить формальности и пуститься в то, что можно мягко назвать не вполне легальными негодичиями – разумеется, если того требовали интересы дела, а впереди маячила солидная прибыль.

Обстоятельства такого рода возникали нередко, и связаны были с конфликтами, периодически омрачавшими отношения Новгорода и его западных соседей. «Все синьоры Новгорода Великого владеют сорока тысячами конницы и бесчисленную пехоту. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграла много больших сражений», – писал благородный рыцарь Гильблер де Ланнуа, побывавший в наших краях в начале XV столетия и отметивший то, что вызвало его наибольший интерес и сочувствие. Лифляндские рыцари не оставались в долгу, случалось им подвергать Новгород настоящей торговой блокаде.

В этих условиях, купцы противной стороны были первейшим объектом для грабежа. К сказанному нужно добавить и то, что во время конфликтов цены на заморские товары, естественно, повышались, что сулило их продавцам большие прибыли, чем обычно. Одним словом, во время войн, несмотря на все запреты своих властей и неизбежные опасности, торговать с противником хотелось особенно сильно.

Нужно сказать, что правовое сознание эпохи вовремя отразило эти стремления – скорее всего, по той простой причине, что как в новгородские, так в ганзейские «прайс-листы» входил ряд товаров широкого потребления. В новгородско-ганзейском договоре 1392 года – знаменитом «Нибуровом мире», названном так по имени И.Нибура, ведшего переговоры со стороны Ганзы – было специально оговорено, что в случае не только конфликтов, но даже и войн, более того – даже в случае войн между новгородским князем и рижским архиепископом, от чего спаси, Господи – торговля продолжает вестись без всякого перерыва или ущерба.

Причины столь радикального решения можно было бы долго перечислять, но, в соответствии с нравами эпохи, в русском тексте сказано просто – «*а то купцам не надобе*». Иначе говоря, пусть те, кому надо, воюют – это никак не должно ставить преграды в торговле тем, кто ею занимается...

Здесь автор поневоле должен отложить в сторону перо и сказать: «Помилуй Бог, как хорошо!» Действительно, как далеко ушло наше общество от этой простой, человеческой логики в наш век тотальных войн – и как хотелось бы вместе с добрым любекским купцом Иоганном Нибуром и его новгородскими коллегами сказать: «Ведите свои войны, господа, занимайтесь, если это так нужно, бомбежками и зачистками – „*а то купцам не надобе*“». В общем, оставьте в покое торговцев – а вместе с ними и всех мирных людей...

Нужно оговориться, что это соломоново – или, если уж на то пошло, нибурово – решение выполнялось далеко не всегда. Ганзейские власти все-таки устанавливали периодические запреты на торговлю с Новгородом – и купцы должны были им формально подчиняться. Но зачем же тогда на новгородской границе стояла ливонская Нарва? Ее купцы не были членами Ганзы, и терпели в связи с этим постоянные убытки. Торговый запрет позволял им несколько подзаработать.

Необходимо же было всего-то перевалить товары ганзейских купцов на нарвские когти, доставить в заранее оговоренное укромное место, там тихо перегрузить их на новгородские ушки – и можно было подсчитывать прибыль с перепродажи. Нужно ли говорить, что нов-

городские товары, несмотря ни на какие войны, продолжали достигать запада точно таким же манером, разве что цена поднималась: за риск приходилось платить.

Иногда такая полуполезальная торговля велась прямо в Нарве (так было, к примеру, во время торговой блокады Новгорода 1416–1417 годов). Но чаще нарвские корабли приходили прямо к «морским воротам» Новгородской Руси – в устье Невы, и встречались со своими торговыми партнерами в одной из укромных протоков, которыми изобиловала невяская дельта. Не боясь преувеличения, можно сказать, что *на всех пригодных для этого островах устья Невы, равно как и на ее протяженных берегах, в течение всего средневековья велась большая или меньшая по охвату, но никогда не затихавшая взаимовыгодная торговля, не отягощенная налогами либо отчислениями в пользу бюджета ни союза Ганзейского, ни земли новгородской.*

Отметим, что в непосредственной близости от наших «морских ворот» располагался еще один большой город, купцы которого также не получили доступа в Ганзу. Речь идет, разумеется, о шведском Выборге. Как догадался читатель, выборгские купцы ожидали осложнений в новгородско-ганзейских отношениях с не меньшим нетерпением, чем их нарвские собратья по цеху. Дело было поставлено на широкую ногу. В иные времена выборгские коммерсанты выпускали на просторы Финского залива целый флот из небольших судов, ведомых молчаливыми карельскими рыбаками. Скупленные у ганзейских купцов грузы так же тихо и аккуратно доставлялись на невяские берега – и так же быстро перегружались на новгородские корабли.

Любопытно, что когда, во время одной из русско-ливонских войн, морская стража ливонцев перехватила в устье Невы одну из таких карельских торговых флотилий и помешала торговле, это вызвало самый энергичный протест на официальном уровне, подписанный наместником шведского короля в Выборге. Оскорбленный в лучших своих чувствах (не исключено, что лишенный своей доли прибыли), Эрик Турссон прямо писал, что во время недавней русско-шведской войны шведы не ставили ливонским купцам никаких препон в их торговых операциях на востоке. «Теперь воюете с русскими вы – так дайте и нам заработать», – читался подтекст послания обиженного шведа⁷⁸...

Поддержание регулярных торговых сношений как в их регулярной, так и «теневой» форме, потребовало минимальной инфраструктуры, и она была своевременно создана в устье Невы. Это была более или менее плотная сеть деревень и отдельных дворов, жители которых занимались судовым промыслом, обеспечивали «речной ход», принимали купцов. Судя по материалам переписных книг, на XV век наиболее населенным был «Фомин остров на Неве у моря» – теперешняя Петроградская сторона. К началу XVI столетия, произошло и активное освоение берегов более близкого к заливу Васильева острова (известного нам, как Васильевский)⁷⁹.

В течение XVI века стоявшее на стрелке Охты сельцо, населенное «непашенными людьми» выросло на обслуживании купцов в небольшой торговый город, получивший название Невского Устья. С приходом шведов в начале следующего, XVII столетия он был преобразован в город Ниен, также активно обеспечивавший заморскую торговлю. Вот почему, когда первые торговые корабли из Европы стали бросать якоря в устье Невы в виду новооснованной крепости Санкт-Петербурх и предлагать русским свои товары, не дожидаясь конца Северной войны или известия об официальном переходе приневских земель к России – они продолжали традицию, насчитывавшую к тому времени не одну сотню лет.

---

⁷⁸ Упомянутый инцидент произошел осенью 1501 года. Оговоримся, что к этому времени обстановка в наших краях несколько изменилась, в силу формального закрытия подворья св. Петра осенью 1494 года.

⁷⁹ Подробнее см.: Мавродин В.В. Основание Петербурга. Л., 1978, с. 66–68.

Вот почему и благодарному потомству, озабоченному подысканием аргументов в пользу устройства в Санкт-Петербурге XXI века «свободной экономической зоны», прямой смысл был бы обращать взор свой не только к блестящему настоящему Гонконга, но и к порядком уже потускневшему в памяти прошлому родного приневского края.

Архитектурный текст Новгорода

Впрочем, сколько же можно говорить о товарах и о конторах. Каким бы узким ни было наше средневековое «окно в Европу», через него веяли и идейные ветры – иной раз достаточно сильные. Прежде всего, новгородцы и псковичи знакомились и вступали в повседневное общение с людьми совсем иного образа мыслей, учились находить с ними общий язык. Немцы строили у нас свои храмы. Мы уже не раз упоминали знаменитую церковь, или, говоря на старинный лад, «ропату святого Петра», поставленную ганзейскими купцами в Новгороде не позднее 1184 года. Были и другие, менее значимые – к примеру, церковь св. Николая в Ладогe, также принадлежавшая ганзейцам. Соответственно, местные жители прислушивались к звучанию католической литургии, а мастера брали на заметку приемы немецкой культовой архитектуры.

Далее, иностранные зодчие приглашались для сооружения построек, в том числе и самых престижных. Обычно это происходило при посредстве либо участия ганзейцев. Только на территории новгородского кремля в первой половине XV века были возведены такие необычные для наших мест здания, как Грановитая палата и Евфимиева часозвоня. Обе они сохранились до настоящего времени, так что, приехав на экскурсию в Новгород, читатель легко сможет осмотреть типично готическую⁸⁰ по своему внутреннему решению Грановитую палату, с ее крестовыми сводами, опирающимися на мощный центральный столп – а затем подивиться на стройную Часозвоню, верно следовавшую по своему общему решению типу ратушной башни, каких много строилось в ту эпоху в немецких городах.

Грановитая палата сохранила свой древний облик до наших дней. Кстати, составитель I Новгородской летописи отметил особо, что ее строили «*мастеры ... немецкыи, из Заморья, с новгородскыи масторы*». Значит, работали вместе, общались на равных. Последнее подчеркнуто в цитированном сообщении отнесением и к тем, и к другим одного и того же выделенного нами слова «мастер»⁸¹. Что же касалось первоначальной Часозвони, то она, к сожалению жителей Новгорода, обрушилась примерно через двести лет после возведения, и была после того отстроена заново, с большей или меньшей степенью верности оригиналу.

По своему назначению оба здания также принадлежали новым формам общественной жизни. Так, Грановитая палата является безусловно одной из старейших дошедших до наших дней гражданских построек. Во времена оны в ней заседал боярский «Совет господ», устраивались официальные приемы.

Что до Евфимиевой часозвони, то она представляла собой исходно так называемую «сторожную» (то есть дозорную башню), а позже составила образец высокой колокольни, какие с того времени начали ставить в центре наших городов. Через известное время, на ней установили куранты, оглашавшие своим боем полгорода, что воспринималось тогда как модная новинка западноевропейского происхождения. В культурологии давно установлено, что башни с курантами существенно изменили представления горожан позднего средневековья о времени, создав условия для пунктуальности – но в то же время и обострив «временной стресс».

---

⁸⁰ Отметим, что при внешней схожести с Грановитой палатой московского Кремля, построенной немного позднее, но в ту же эпоху, новгородская Грановитая имеет с ней мало общего. Первую ставили нервные итальянцы, постаравшиеся вдохнуть в свое детище дух расцветающего Ренессанса. Что же касалось второй, то ее строили спокойные немцы, следовавшие канонам давно пережившего свой расцвет, по сути же вышедшего из моды искусства готики.

⁸¹ Исходно латинский, этот важнейший термин пришел в русский язык через посредство греческого, как следствие непосредственного общения с византийскими зодчими, что было позже поддержано влиянием древневерхнемецкого *meister* – и, повидимому, средневерхнемецкого *meister* (в том же значении).

В более широком контексте, сооружение обеих построек отразило нараставшее беспокойство новгородских верхов по поводу экспансионизма Москвы. На берегах Волхова все чаще задумывались над тем, как можно отстоять свою независимость от опасного восточного соседа, на глазах наливавшегося силой. *Все больше бояр и церковных иерархов обращало свои взоры на запад, мысленно оставляя становившийся все менее привлекательным «русский мир» – и, как это часто бывает, архитектурный текст города выразил некоторые доминанты их психологии.*

«Новгородское предвозрождение»

Восстанавливая еще более широкий контекст новых вкусов в архитектуре, мы не должны пройти и мимо того мощного общекультурного движения, которое зародилось в начале XIV века в Италии и Византии, быстро распространилось на славянские земли, и уже к середине столетия нашло себе выражение в совершенно особом явлении, получившем в науке название «новгородского предвозрождения». Психологический строй человека предренессансного типа определялся свободным отношением к религиозным догмам и внешней обрядности, углублением в собственные переживания и мысли, вообще разрастанием индивидуальности.

Спору нет – для Новгорода, как и всей Руси, ведущим было влияние византийской культуры, а в ее рамках – нового религиозного стиля, выработанного трудами св. Григория Паламы и получившего название исихазма. Однако, *в силу специфики своего географического положения и известной отделенности от других русских земель, Новгород испытал и заметное влияние типологически сходных или сравнимых течений, идущих из Северной Европы, и не в последнюю очередь – из немецких земель.*

«Эти новые настроения на Западе поддерживают вновь образованные нищенствующие монашеские ордена *доминиканцев* и *францисканцев*, внесших в религию психологическую сентиментальную струю и усиленно культивировавших уединенное молитвенное самоуглубление. В Византии предвозрожденческие идеи с особенною силою сказались в движении *исихастов*», – особо отметил Д.С.Лихачев в статье, специально посвященной рассмотрению характерных черт «новгородского предвозрождения» (курсив наш)⁸².

Между тем, оба названных католических ордена активно действовали тут же, за недалеком ливонским рубежом. Доминиканцы так те вообще выстроили на территории нижней («ганзейской») части Ревеля целый комплекс зданий, занимавший в лучшие времена около гектара площади (да и сейчас остатки его охватывают изрядную площадь окрестностей Русской улицы – а именно так переводится эстонское слово Vene). В доминиканском «монастыре-крепости» размещался своего рода «опорный пункт», распространявший влияние ордена далеко за пределы Ревеля, равно как и всей Гаррии⁸³.

Впрочем, любознательному новгородцу совсем не обязательно было ехать до Ревеля или Риги для того, чтобы ознакомиться с основными чертами того нового стиля религиозной жизни, который с течением времени получил на Западе наименование «нового благочестия» (*devotio moderna*). Достаточно было добраться до Дерпта и пообщаться с жителями его «Русского конца». Поездки туда были нередки для новгородцев, более того – постепенно вошли в привычку. Что же касалось обитателей этого квартала, то они не только говорили по-русски, но и вообще были в курсе местных событий, начиная от происходивших на рынках и заканчивая монастырями.

---

⁸² Лихачев Д.С. Предвозрождение в Новгороде \ Земля родная. М., 1983, с.159. Принимая в самом общем виде тезис об общем распространении предренессансного мировосприятия, выработанный нашим замечательным ученым, считаем необходимым напомнить, что медиевистами отмечается и принципиальная противоположность культурно-психологических парадигм, сформулированных византийскими гуманистами с одной стороны, и византийскими исихастами – с другой. Первые сообщили решающий импульс развитию итальянского Возрождения; что же касалось вторых, то они выработали внутренний стержень православного Предвозрождения (подробнее см.: Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 8–13).

⁸³ Такое латинизированное название носила северо-западная часть эстонских земель (немецкое "Hartien"). По-эстонски она по сей день называется "Hartjamaa".

Корсунские врата

И, наконец, обращаясь к наиболее общему контексту духовных контактов с немцами, необходимо упомянуть и об открытости внешним воздействиям, доброжелательной готовности к ним, присущей духу вольнолюбивых новгородцев на всех этапах исторического развития их государства. Указание примеров не составляет труда; мы ограничимся одним из ранних, близким по времени к утверждению политической самостоятельности Новгородской Руси. Речь пойдет о знаменитых «Корсунских вратах», по сей день украшающих обращенный к немецким землям, западный фасад Софийского храма в Новгороде.

Обильно украшенные рядами рельефных пластин, массивные ворота были изготовлены в Магдебурге и представляли собой несомненный шедевр романского искусства. Видимо, поэтому они привлекли внимание оставшегося неизвестным потомству отечественного ценителя искусства, «положившего глаз» на них в одном из военных походов, демонтировавшего их убранство и вывезшего в родной город.

Казалось бы, вот повод поговорить о воинских доблестях «мужей новгородских» – и простоте нравов классического средневековья. Однако трофей война попал в руки местного мастера, который отнесся к нему с величайшими бережностью и уважением. Внимательно изучив технические приемы немецких коллег и вникнув в детали их стиля, он кое-что подправил, заново смонтировал пластины – а потом обратил внимание на автопортреты немецких мастеров, Риквина и Вейсмута, которые были помещены тут же, среди пластин нижнего ряда.

Недолго думая, мастер Аврам сработал собственное изображение, и поместил его в том же нижнем ряду. Вот почему, приблизившись к западному portalу Софийского собора, мы и теперь можем узнать, как выглядел новгородский мастер XIII века. В соответствии с модой эпохи, он был острижен «под горшок», носил небольшую клинообразную бородку. Простое, курносое лицо со сжатыми губами, немного одутловатыми щеками и выпученными глазами – из тех, что XX веке с таким вкусом вырезал Эрнст Барлах – смотрит на зрителя прямо и спокойно. Одежда отделана геометрическими узорами в виде ромбов, на груди – большой крест, в руках мастер держит свои инструменты.

Поместив собственное изображение в том же ряду, что и автопортреты немецких мастеров, новгородский ремесленник показал, что относится к ним, как к равным. Что же касается техники изображения, то она приближается к горельефу, в некоторых деталях напоминая даже о «круглой скульптуре». Надо сказать, что такое направление решительно расходилось с религиозными вкусами новгородцев, и было обязано целиком западному влиянию. Как подчеркивают историки искусства, «новгородцы всегда отдавали предпочтение рельефу перед круглой пластикой и стремились свести округлую форму к плоскому, по возможности, рельефу»⁸⁴.

Тем не менее, *это изображение, немецкое по происхождению, было установлено на входе в сакральный центр Новгородской Руси и осталось там навсегда*. С течением времени, в состав клейм правой створы ворот была добавлена еще фигурка мужчины в женском платье, а потом и рельефное изображение некоего сказочного человекозверя – повидимому, кентавра. Надо ли говорить, что и эти образы далеко отходили от требований, сложившихся в рамках ортодоксального искусства своего времени.

---

⁸⁴ Лазарев В.Н. Живопись и скульптура Новгорода \ История русского искусства. Т.2. М., 1954, с.282. "Автопортрет мастера Аврама" воспроизведен в том же издании, с.137.

Возможность новгородско-ливонского союза

«Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие». Приступая к описанию деяний Иоанна III в своем эпическом стиле, Н.М.Карамзин имел в виду, разумеется, «независимость и величие» государства московского. Что же казалось Руси Новгородской, то ей суждено было на глазах одного поколения утратить как независимость, так и величие.

Любопытно, что коллективная память новгородцев сохранила воспоминание о ряде необъяснимых событий, произошедших тогда в их городе либо его ближайших окрестностях. Неожиданный порыв ветра сорвал крест с кровли собора св. Софии, сами собой стали звонить колокола Хутынского монастыря. Поговаривали и о том, что на могилах славных деятелей прошлого выступала жидкость, похожая на кровь. Приближался конец седьмой тысячи лет от сотворения мира, что также пробуждало в народе самые мрачные апокалиптические ожидания.

Армия Великого князя Московского выступила на Новгород летом 1471 года, и нанесла его войску страшное поражение в битве на реке Шелони. Обстоятельства летней кампании добавили страха жителям Новгорода. Они привыкли, что болота и топи издревле обороняли город, и вообще дружили с водой. Вспомним сказание о Невской битве летом 1240 года, и о Гавриле Олексиче, свергнутом в реку вместе с конем, но тут же выплывшем, чтобы схватиться с самим шведским военачальником.

Теперь дела шли совсем по-другому. От мая до сентября на землю не выпало ни капли дождя, так что войско москвичей не только легко шло, где хотело, но и тянуло свои тяжелые обозы. Что же касалось «дружбы с водой», то идя в атаку утром четырнадцатого июля 1471 года, москвичи все, как один, побросались с конями в воды Шелони – с крутого берега, на глубоком месте – и ни один не утонул. Новгородцы, напротив, вязли в болотной тине и тонули в реке, как дети малые. Положительно, лицо «владыки вод», до того дружелюбно расположенного к жителям Новгорода, теперь отвернулось от них.

В страхе перед Москвой, новгородские бояре готовы были предаться вместе со своим городом не то, что иноземцам или иноверцам, но даже, как говорится, хоть черту в ступе. Как помнит читатель, незадолго до московского нашествия они направили в соседнюю Литву послов с просьбой о протекторате, получили на то полное согласие и подписали формальное соглашение с «честным королем» Казимиром, приняв от него в воеводы князя Михаила Олельковича.

Менее известно то, что летом 1471 года *новгородцы обратились с просьбой о помощи и союзе также к ливонцам, и она встретила вполне доброжелательный прием*. Магистр Ливонского ордена Вольтус фон Герзе писал по этому поводу Великому магистру Ордена:

«Мы думаем, что для блага нашего Ордена и Ливонии не следует оставлять их без помощи, ибо если Новгород будет покорен московским королем и псковичами, и покорен таким образом, что московский король станет, да хранит Бог от этого, неограниченным господином Новгорода, тогда ... господину рижскому архиепископу, господину епископу дерптскому и нашему Ордену в Ливонии воды и земли, которые псковичи у нас отняли во время доброго мира и до сих пор удерживают за собой, не только никогда не возвратит, но нам следует ожидать все больших нападений и притеснений»⁸⁵.

---

⁸⁵ Здесь и ниже продолжаем цитировать ливонские документы по кн.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. М.-Л., 1975, с. 145–146. Под землями, отнятыми у ливонцев "во время доброго мира", следует понимать территории, расположенные на юг от Псковского озера.

Можно предположить, что если бы Орден выступил единым фронтом с Литвой, быстро послал бы на помощь Новгороду свои лучшие силы, выписал из Германии буйных ландскнехтов, наводивших в те годы ужас на Европу⁸⁶ – судьба повернулась бы иначе. Скорее всего, дальние волости Новгорода в любом случае были бы присоединены к Москве. Однако основная территория, пусть даже в усеченном виде – в пределах рек Наровы и Великой на западе, Волхова и Ловати на востоке, и Невы или Вуоксы на севере – имела достаточно большие шансы ускользнуть из московских рук, и пуститься в самостоятельное плавание по водам европейской политики, рука об руку с ливонским соседом, несмотря на большие, однако в конце концов преодолимые различия в языке и вере.

Ливонцы действовали вовсе не так эффективно, но все же направили в Новгород послов с предложением собраться в Нарве в самом начале сентября, и прийти к договоренности по основным проблемам. Однако было уже поздно. Войско Иоанна Васильевича предало новгородскую землю примерному разграблению. Немцам даже никуда не надо было ехать, чтобы посмотреть на расправы, чинимые московскими ратниками. Для этого достаточно было просто выйти на стену нарвского замка св. Германа – и внимательно посмотреть на то, что происходило у русских на другом берегу реки.

Еще до намеченной ливонцами даты переговоров, новгородцы подписали с завоевателями договор, не отменявший вполне старинных вольностей, однако передававший их соблюдение под защиту и покровительство государя московского. «Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и должна исчезнуть по мановению самодержца», – заключил рассказ о крушении новгородской самостоятельности Карамзин.

Соглашаясь с мнением нашего замечательного историка, следует только дополнить, что Новгород все же считался у нас искони колыбелью не «державы народной», то есть демократии, но монархии – так же, как Киев нес славу купели православной веры (Москва же с течением времени приобрела достоинство цитадели общерусского патриотизма – или же, говоря на старинный лад, «отечества»).

---

⁸⁶ "Сам дьявол больше не пускает их в ад" (потому что боится ландскнехтов, устроивших погром и в аду). Так читалась одна из строк писателя XVI века Ганса Сакса, ставшая у немцев пословицей – *Der Teuffel lest keyn Lantzknicht mehr in die Helle faren...* Вероятно, возникшая у читателя ассоциация имени Сакса с героем вагнеровских "Мейстерзингеров" совершенно оправдана.

Семиотика Ивангорода

Новгород уже был поставлен на колени. Но он еще располагал остатками старинных вольностей, на своих местах оставались Двор Ярослава, где по обычаю собиралось народное вече, и Вечевой колокол, созывавший его. Через семь лет после первого похода, московское войско снова пришло на берега Волхова, чтобы на этот раз окончательно упразднить самостоятельность Новгорода и передать всю власть в Новгородской Руси московскому самодержцу.

История крушения Новгорода у всех на слуху. По мнению ряда исследователей, оно было неизбежным и даже необходимым для собирания русских земель. В начале тринадцатого тома «Истории России с древнейших времен», С.М.Соловьев дал удивительно яркий образ противостояния Новгорода и Москвы:

«В одном углу город, вследствие прилива богатств неестественно вздувшийся в государство, но сохранивший всю неразвитость и слабость первоначального вечевого быта с обширными, хотя растянутыми, несплоченными и большею частью пустынными владениями, с язвою разрыва интересов между частями народонаселения внутри, с недостаточностью средств внешней защиты, несмотря на видимое богатство и обширность владений.

В другой половине обширная, населяющаяся страна, населяющаяся при условиях неблагоприятных; города ее – большие села, которым некогда и нет средств подняться, приобрести значение. Страна бедная, малонаселенная, а между тем внутри происходит великий процесс собирания земли, сосредоточения, объединения власти...».

Все, сказанное Соловьевым о недостатках в развитии Новгорода вполне можно было бы отнести и к соседней Ливонии с ее богатыми, «неестественно вздувшимися» ганзейскими городами, недружным народонаселением, нередко пустовавшим хинтерландом и безусловной «недостаточностью средств внешней защиты». Отведя свой тяжелый взгляд от покоренного Новгорода, Иоанн III остановил его на еще сохранявшей свою независимость Ливонии – и наметил следующую цель для нападения на северо-западе.

Следует сразу оговориться, что основной ставкой в начинавшейся игре было не столько завоевание ливонских земель – хотя какой же московский боярин отказался бы получить новое поместье в Ливонии, либо же запустить руку в казну Ордена, тем более ревельских или дерптских купцов – сколько получение широкого выхода на Балтийское море и естественно следующее за тем вхождение в сообщество ведущих европейских держав.

Именно эта последняя задача, поставленная и занявшая заметное место во внешней политике Иоанна III, не была решена им и оставлена потомкам – с тем, чтобы послужить с течением времени непосредственной причиной Северной войны, а в конечном счете – и основания Санкт-Петербурга. Вот почему *сопоставление Ивангорода и Петербурга лежит, так сказать, на поверхности, и заслуживает места в нашем повествовании.*

Прежде всего, Ивангород, как позже и Петербург, был основан на крайнем северо-западе русских земель, в только что присоединенной, хотя и издревле обжитой русскими, суровой и негостеприимной местности. О холодах и наводнениях Петербурга и о предшествовавших ему поселениях читателю можно не напоминать. Что же касалось Ивангорода, то он был поставлен на месте убогой деревушки, где, как с пожатием плеч говорили жители соседней благоустроенной Нарвы, «добрый человек не захотел бы привязать свою лошадь, а остановившийся на ночлег не купил бы хлеба»⁸⁷... Как мы уже отмечали с необходимыми

---

⁸⁷ Цит. по: Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. М., 1980, с.139.

оговорками, оба города получили свое имя каждый в конечном счете в честь русского царя, его основавшего.

Далее, строительство обоих городов началось с закладки центральной цитадели и ее торопливого укрепления. История Петропавловской крепости общеизвестна. Что же касалось Ивангорода, то он начался с первоначального четырехугольного укрепления на Девичьей горе, заложенного в 1492 году, и выстроенного вчерне с большим напряжением сил буквально в течение одного сезона. Историки оборонного зодчества подчеркивают, что Ивангород был первой регулярной в полном смысле этого слова крепостью. С ходом лет, «Русский замок», как его называли ливонцы, все время обстраивался и расширялся, «здесь постоянно воплощались новые инженерные идеи, порой опережавшие свое время»⁸⁸.

Немцы следили за этим строительством с никогда не ослабевавшим вниманием. В ливонских документах отмечались не только детали новых построек, но даже имена фортификаторов, которые удавалось узнать. К примеру, один из документов начала XVI века сохранил имена «мастера Воллендимера Торгкана» (надо думать, что речь шла о некоем Владимире по прозвищу Таракан), а с ним и «Маркуса Грека».

Кроме того, Ивангород был поставлен в устье Наровы с расчетом на то, чтобы стать если не «окном в Европу», то уж, во всяком случае, «торговыми воротами России». Этот первоначальный расчет быстро оправдался. Уже в первом десятилетии XVI века, через Ивангород разворачивается довольно активная торговля Московской Руси, в первую очередь с не допущенными в состав Ганзы купцами из скандинавских стран, а также Ливонии. Заморские купцы охотно приводили свои корабли в устье Наровы, поскольку путь был известен и привычен для них после нескольких столетий торговли с ливонской Нарвой – отсюда и получившее известное распространение у наших соседей именование Ивангорода «Новой Нарвой»⁸⁹.

Заметим, кстати, что разгрузка товаров активно шла не только под непосредственной защитой пушек Ивангорода, но и в близлежащих селах. Среди них довольно скоро выделилось и даже поднялось на заморской торговле село Норовское. Стояло оно недалеко от «Русского замка», у места впадения реки Росоны в устье Наровы, и получило свое имя, естественно, по реке Нарове.

Мы говорим здесь об этом, поскольку расположение села Норовского (под защитой регулярного укрепления, недалеко от впадения большой реки в Финский залив), равно как его имя, данное по этой большой реке, составляют прямую параллель шведскому торговому городу Ниен. Напомним, что он был поставлен через полтора столетия под защитой орудий крепости Ниеншанц, близ впадения большой реки Ниен (Невы) в Финский залив, и получил свое имя по ней.

Не грех будет вспомнить в этом контексте и о предшествовавшем шведскому Ниену русском городке Невское Устье, через который новгородцы достаточно долго поддерживали активные торговые отношения с ближайшими европейскими странами. Он был расположен примерно на том же месте, что Ниен, а именно при впадении Охты в Неву, и получил свое имя также по этой реке. Любопытно, что русские деловые люди не раз сравнивали преимущества расположения торгового порта в устье Невы и Наровы. «Не случайно, в 1615 году, новгородец Иван Боборыкин, будучи в Москве, предлагал „вместо Ивангорода учинити судовые пристани на Невском устье“»⁹⁰.

---

⁸⁸ Кирпичников А.Н. Ивангород \\\ Архитектурное наследие Ленинградской земли. Л., 1983, с.84.

⁸⁹ Что касалось самой "Старой Нарвы", то она была основана датскими крестоносцами на другом берегу реки еще в середине XIII столетия.

⁹⁰ Цит. по: Коваленко Г.М. Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб, 1999, с.71.

Отметим и то, что Ивангород занял свое место в череде крепостей, защищавших северо-западные границы русских земель:

Корела – Орешек – Копорье – Ямгород – Ивангород

Да, за такой цепью, протянутой вдоль своих границ, да еще под присмотром знающих свое дело воевод, можно было чувствовать себя спокойно. *Единственной очевидной брешью было отсутствие крепости, которая держала бы под присмотром устье реки Невы.*

Решимся предположить, что необходимость ее основания была очевидна для многих деятелей той эпохи. К примеру, на известной карте Московии, составленной и выпущенной в свет в середине XVI столетия немецким путешественником Сигизмундом Герберштейном, при устье Невы, на ее правом берегу, помещено условное изображение крепости. Размеры последнего вполне сопоставимы с другими символическими изображениями, представленными на той же карте при Финском заливе. Они помечены подписями "Nerwa", "Iwanowgorod" и "Сорогоіа" (то есть Копорье). При невоской крепости, правда, поставлена подпись "Oreschack". Но это говорит не более чем о том, что наш географ плохо себе представлял положение настоящего Орешка.

Примерно через полвека после издания карты Герберштейна, шведские фортификаторы предприняли попытку заполнить лакуну, зиявшую при устье реки Ниен. Однако решительный шаг в освоении невоской дельты был сделан лишь во времена Петра Великого, когда основание его новой столицы сделало практически ненужным поддержание укреплений всех остальных названных выше крепостей нашего края.

Семиотика Ямгорода

Что же касалось юго-запада Ижорской земли, то здесь исторически прослеживается, как *новгородские фортификаторы шаг за шагом – или, скорее, век за веком – подбирались к ливонской границе*. Сначала было основано Копорье. Как мы уже знаем, это произошло в 1279 году (имеем в виду возведение первоначального деревянного укрепления; уже в следующем году его стали возводить на бело, в камне).

Примерно через сто лет, новгородцы приближаются к ливонской границе еще на один шаг, ставя на высоком правом берегу Луги крепость Ямгород, или просто Ям. Довольно скоро, кстати, в употребление вошло и его именование "Новым Городком", что в свою очередь дало немецкое "Ниенслот". Последнее название получило известность у нас. К примеру, новгородско-ливонская война 1443–1448 года началась с "ниенслотского инцидента". Он состоял в том, что в Ямгороде-Ниенслоте при возвращении домой с переговоров с русскими, при не вполне ясных обстоятельствах был убит переводчик знатного рыцаря Гергарда фон Клеве.

Кстати, в ходе этой войны, в устье Наровы произошло примечательное сражение на воде. Новгородцы легко маневрировали на небольших легких судах, что позволяло им максимально использовать подлинный лабиринт островков, проток и отмелей, которыми тогда изобиловала дельта реки. Более тяжелые корабли немцев были лишены возможности маневра, а потом взяты на абордаж. Экипаж сдался в плен почти поголовно, включая двух военачальников. Все это очень напоминает тактику морского боя, примененную Петром I при взятии двух шведских судов в устье Невы 6 мая 1703 года, сразу после падения Ниеншанца – разве что ордена Андрея Первозванного у тогдашних новгородцев еще не было.

Что же до имени "Ниенслот", то вот, кстати, и еще один возможный источник – или параллель – имени Ниеншанца, основанного, как мы помним, шведами в наших краях, на Неве, в начале XVII века. Отметим, что еще один "Новый Городок" стоял в средние века южнее Чудского озера, недалеко от ливонско-псковской границы. Ливонцы называли его "Ниенгаузен", или "Нейгаузен".

Крепость сыграла довольно значительную роль в обороне края. В первые же сто лет после ее основания, у стен Ямгорода проходили тяжелые бои с немцами. К сожалению, укрепления первоначального Яма были срыты во второй половине XVII по приказу шведского короля. Остатки крепостного вала и стены, которые мы можем видеть близ берега Луги в наши дни, принадлежат крепости Ямбург, выстроенной на месте прежнего Ямгорода по приказу Петра I вскоре после занятия города русской армией в 1703 году, и срытой в конце XVIII столетия по ненадобности. Теперь это город Кингисепп, входящий в состав Ленинградской области.

Во времена Екатерины Великой, российские власти предприняли попытку разместить под Ямбургом немецких переселенцев из Гессена, Швабии и других областей Германии. Однако дело не задалось, и к концу XVIII столетия большинство из них покинуло наши края, образовав в Екатеринославской губернии колонию Ямбург⁹¹.

Еще через сто лет после Ямгорода русские делают последний шаг длиной 23 километра, и располагаются на высоком берегу следующей реки – теперь уже Наровы, прямо под носом у нарвского замка Германа. Пожалуй, нигде в наших местах идея противостояния Востока и Запада не выражена так четко – и так прекрасно. До сих пор сердце путешественника, любящего историю родного края, поневоле начинает биться быстрее, когда комфор-

---

⁹¹ См.: Шрадер Т.А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. \\\ Немцы в России: Люди и судьбы. СПб, 1998, с.84.

табельный автобус компании "Eurolines" делает последний поворот по улочкам Нарвы – и выезжает на длинный спуск, ведущий к мосту через реку.

Посмотрев вбок и назад, он может еще видеть мощный рыцарский замок с его белыми стройными стенами, будто перенесенный сюда некой волшебной силой из иллюстраций к романам Вальтер-Скотта, или из декораций к балету "Раймонда". А впереди справа уже будет подниматься за рекой более архаичный и приземистый, будто выросший за одну ночь из прибрежного песчаника, "Русский замок", с круглыми фланкирующими его башнями, по облику близкий к укреплениям как Копорья, так и Ямгорода⁹² (но, впрочем, также ливонского Везенберга – теперешнего Раквере)⁹³. Противопоставление "европейского" вида одной крепости – "русскому" облику другой было, кстати, проведено у нас достаточно рано, найдя себе великолепное отражение в памятной медали, выбитой в бронзе велением Петра I, в ознаменование взятия Нарвы его войсками в 1704 году⁹⁴.

Петр ведь вполне мог избрать устье не Невы, а Луги – или Наровы для того, чтобы "ногою твердой стать при море". Геополитических выгод такого решения было немало: читатель легко сочтет их самостоятельно. Сейчас нам уже трудно представить, как Пушкин гулял бы по одетым в гранит нарвским набережным, любуясь на силуэт замка Германа, как Чайковский спешил бы на премьеру "Пиковой дамы", рассеянно скользя взглядом по знакомым очертаниям Бояршего вала (впрочем, нет – вал наверняка снесли бы достаточно рано – скажем, по указанию Кваренги), или как Мирозвучие Несказанность манила бы Блока вечерней порой, где-нибудь на пустошах, в стороне от Таллинского шоссе. Другое представить легко. К примеру, не вызывает сомнения, что остзейские карьеристы слетелись бы на разбор теплых мест в департаментах Ивангорода с не меньшей быстротой, нежели в Санкт-Петербург.

---

⁹² Если на улице темно, или видимость по какой-то другой причине плохая, то путешественник сможет освежить в памяти облик двух замков, приблизив к глазам новую эстонскую купюру в 5 крон. Вид на оба взят на ней с юга, примерно с середины фарватера реки Нарвы. На обороте изображен шахматист Пауль Керес, так что оформление банкноты было бы счесть вполне "политически корректным", если б художник не удержался и не изобразил светлое небо над Нарвой, но темную тучу – над Ивангородом.

⁹³ Недурная фотография руин замка Везенберг приведена в работе: Ярв А. История Эстонии \ Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов. Ювяскюля, 1995, с.101.

⁹⁴ Изображение этой стороны медали приведено в альбоме: Корх А.С. Петр I и Северная война 1700–1721. М., 1990, с.37.

Семиотика "Яанилинна"

Мысленные эксперименты такого рода отнюдь не лишены смысла. У Тойнби можно найти их блестящие образцы; есть в этом жанре любопытные пассажи и у отечественных историков. Как бы то ни было, но в наши дни взгляд путешественника, отведенный от замков, скорее всего обратится к нескончаемой череде местных жителей, торопливо свершающих привычный для них путь по мосту через Нарву, от эстонской таможни – к российской, или обратно. А как же иначе – ведь Нарва с Ивангородом, практически слившиеся в одно целое к концу советской эпохи, были отрезаны друг от друга, что называется, "по живому".

Вот и приходится жителям Нарвы выстаивать длинные очереди и получать какие-то временные удостоверения или многократные визы только с той целью, чтоб навещать родственников, оставшихся на другом берегу, буквально в четверти часа ходьбы. Точно так же и жителям Ивангорода нужно терять время и деньги по милости политиканов обеих стран... Однако на этом месте размышления нашего краеведа, перешедшие из исторического в гражданственный жанр, будут скорее всего прерваны пограничной стражей, принудительно высаживающей всех из машины для досмотра багажа и выполнения прочих формальностей.

Автору довелось в последний раз пройти эти мытарства во время поездки в Таллин и обратно весной 2000 года. Живо вспоминается то, как эстонским пограничникам мало было свидетельства о страховании здоровья и жизни, выписанного на весь срок пребывания в их стране солидной петербургской фирмой, которая располагала лицензией на международные операции. О нет! Тут нужна была особая, дополнительная страховка на срок пребывания на гостеприимной эстонской земле – и пока она не появилась, разрешения на въезд нечего было ждать.

В ту же поездку, в книжных магазинах Таллина мне довелось видеть довольно подробную, только что напечатанную карту Эстонии, где линия государственной границы на северо-востоке страны была проведена не по реке Нарве, а несколько восточнее – так, что Ивангород включался в состав Эстонии. Нужно сказать, что исторически такая граница действительно существовала, а именно между двумя мировыми войнами. Она была проведена так на Тартуских переговорах 1920 года, когда к Эстонии отошла небольшая полоса территории Восточного Принаровья, с Ивангородом и десятком деревень ингерманландских финнов.

Кроме них, кстати, к Эстонии была тогда присоединена также и область к югу от Псковского озера, с городами Irboska и Petseri, в которых читатель легко узнает наши Изборск и Печоры. Она получила название провинции Setumaa, по имени искони живших там православных эстонцев-сету (надо ли говорить, что и эта область на привлекшей мое внимание карте тоже была включена в состав Эстонии)⁹⁵.

В ту пору у жителей как Нарвы, так и Ивангорода, слившихся воедино, действительно не было помех для общения. Точнее, последний получил имя "Яанилинн" (Jaaniлинн), формально служившее переводом на эстонский язык русского имени "Ивангород", на деле же прямо соотносившееся с названием "Tallinn". Таким образом, обе крепости-"линна" как бы маркировали северные пределы эстонских земель. Все это не требовало долгих объяснений. Однако какое же отношение имела карта к реалиям сегодняшнего дня?

---

⁹⁵ Как явствует из официальных документов, сету (самоназвание – "seto") рассматривают себя в настоящее время не в качестве самостоятельного этноса, но именно как инорелигиозную группу в рамках эстонского народа, см.: Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов. Дебрецен, 1999, с.47, 225. Читателю, вероятно, доводилось заглядывать в их церковь, расположенную по левую руку, немного не доходя до главного входа в Псково-Печерский монастырь.

При помощи любезного продавца, вскоре выяснилось, что никакого. Оказалось, что составители карты конца XX столетия по простоте душевной, а кроме того, для полноты картины приняли решение указать на ней границы не только сегодняшнего дня, но еще и полувековой давности, что и было оговорено в легенде карты, напечатанной мелким шрифтом где-то внизу⁹⁶. Ну, а то, что старая граница на печати вышла более жирной, чем современная, было, конечно, чистой случайностью. На том все сомнения и разрешились.

Выйдя на улицу, автор задумался не о намерениях составителей карты, в конце концов вполне объяснимых, но еще об одной причине основания Ивангорода. Будучи отстроен и укреплен, он ведь отметил ту точку на географической карте, дальше которой государство российское отступать было не намерено. Фактически город не раз побывал в руках неприятеля – к примеру, у шведов в 1496 году, потом с 1581 по 1590 год, и так далее. Однако ни у кого никогда не возникало сомнения, что рано или поздно россияне оправятся от поражения, накопят сил – и придут брать свое назад. Так оно каждый раз и происходило.

Такие точки на карте принципиально важны для национального самосознания, поскольку определяют границы внутреннего пространства страны – или, говоря языком семиотики, проводят его делимитацию. Ивангород утратил эту функцию лишь с началом "петербургского периода", когда маркированная им граница "русского мира" была продвинута далеко на запад. С началом нового "цикла сжатия" этого мира, ни у кого, кроме наивных издателей привлекшей мое внимание карты, не возникло сомнений, где проводить новую границу между Западом и Востоком. Где, как не встарь, между Ивангородом и Нарвой, "стержнем Норове реке прямо в Солоное море"...

Впрочем, могло ли быть иначе – и действуют ли в истории более сильные факторы, чем еле заметные на первый взгляд семиотические архетипы? В этой связи нам приходит на ум так называемый "фономорфологический принцип", который положен в основу современного русского правописания. При довольно мудреном названии, суть его хорошо известна любому школьнику. "Пиши то, что слышишь под ударением", – вот как определяется правописание гласных, нечетко различимых на слух в безударных слогах.

По аналогии с этим принципом, определяются и опорные признаки семиотики города. Достаточно посмотреть на периоды "торжеств и бед народных", когда назначение города подвергается испытаниям на прочность – ставится, так сказать, под ударение – и особенности его семиосферы выявляются вполне. Заметим, что сказанное представляет собой нечто большее, чем простую метафору. Ведь в рамках семиотической науки "текст города" вполне сопоставим с текстом, написанным на естественном языке. Вот почему с теоретической точки зрения вполне обоснован как поиск неких аналогов "принципам правописания" в семиотике города, так и разработка правил их применения.

Возвращаясь к понятию делимитации, мы полагаем необходимым лишь подчеркнуть в заключение, что *делимитация пространственного распространения "российской цивилизации" входила с момента основания Петербурга в число и его важнейших функций. В этом еще одна черта глубокого сходства и даже родства города на Норове – и города на Неве*, каждый из которых был поставлен на северо-западной границе своей державы мудрым царем московским.

---

⁹⁶ Если быть уж совсем точным, то нужно сказать, что на первых порах политики снова обретшей независимость Эстонии поставили было вопрос о возвращении к границам Тартуского договора. Однако такая претензия вскоре была снята, поскольку Европейский Союз, о вступлении в который эстонцы мечтали, решительно отвергает любые территориальные споры.

Ослабление Ливонии

Присоединение Новгорода, выход московской армии на границы Ливонского ордена, основание Ивангорода представляли собой эпизоды одной стратегической линии, которая должна была завершиться утверждением Московской Руси на берегах Восточной Балтики. Достижение такой цели с большой вероятностью включало если не ликвидацию, то существенное ослабление Ливонской конфедерации, и наши западные соседи поняли это очень быстро. Их беспокойство усугублялось анализом скоротечной русско-ливонской войны 1480–1481 года, в которой нашла себе подтверждение достаточно высокая боеспособность московской армии.

В 1495 году, в городе Вормс, под председательством нового императора "Священной Римской империи германской нации" Максимилиана I собрался рейхстаг. Такое название носил высший законодательный орган, составленный так называемыми "имперскими чинами", то есть князьями, частью имперских рыцарей, а также представителями важнейших имперских городов. Ливонские делегаты прибыли на рейхстаг, и выступили с очень тревожным заявлением. По мнению делегатов, лишь быстрая дипломатическая и военная помощь со стороны имперских властей могла предотвратить завоевание Ливонии "русским колоссом".

Ливонские жалобы пришлись не ко времени. По своей внутренней структуре, Священное Римское "содружество независимых государств" представляло собой рыхлую конфедерацию областей, то враждовавших друг с другом, то заключавших вполне эфемерные союзы против третьих стран. "Границы империи были настолько неопределенны, что их не могли установить даже опытные юристы", – справедливо заметили авторы отечественного учебного пособия по истории средних веков⁹⁷. Ассоциация с состоянием некоторых знакомых читателю современных государств настолько очевидна, что мы даже не будем ее развивать.

Целью рейхстага 1495 года в первую очередь и было укрепить, елико возможно, внутреннее единство Империи, а также создать некий аналог нашего Конституционного суда, решения которого были бы обязательны для субъектов Германского государства – или, если быть точными, для всех "имперских чинов". К этому добавлялась борьба за австрийские земли, почти уже совершившееся отделение швейцарских кантонов, что-то надо было предпринимать против турецкой агрессии... Одним словом, Священной Римской империи было не до Ливонии.

Следует также учесть, что ко времени Вормского рейхстага Священная Римская империя уже вступила в прямые контакты с Великим князем Московским. Начало их было почти случайным. Знатный немецкий рыцарь по имени Николай Поппель явился в Москву в 1486 году, с рекомендательным письмом от своего императора, Фридриха III (отца будущего императора Максимилиана I), имея задачей, как он говорил, единственно ознакомиться с российскими землями, для удовлетворения природной своей любознательности.

Рассказам его у нас не очень поверили, и, кажется, некоторое время подумывали, не удавить ли на всякий случай любознательного странника. Впрочем, в итоге приняли Поппеля честь по чести и выпроводили восвояси без всякого ущерба. Вернувшись в Германию, он был принят своим императором и подробно поведал ему о могучем восточном владычине, государство которого необозримо, а сила весьма велика.

Такое известие весьма заинтересовало германских стратегов. Союз с царем московским мог бы помочь им в решении многих проблем – для начала, хотя бы борьбы с турками. Заметим, что и в Москве, и в Ульме помнили о союзных отношениях, связывавших в старые

---

⁹⁷ Абрамсон М.Л., Кириллова А.А., Колесницкий Н.Ф. и др. История средних веков. М., 1980, с.254.

времена русских и немцев, через голову князей польских и чешских. Вот почему через три года Поппель снова прибыл на Москву, уже в чине императорского посла, с грамотой, подписанной Фридрихом III и его сыном на Рождество 1488 года, где предлагалось подумать об установлении союзных отношений.

В этих условиях ливонцам почти не на что было надеяться. Оговоримся, что приносить их в жертву, впрочем, никто в западном мире не собирался. Участники Вормского рейхстага нашли наиболее уместным обратиться к герцогу Мекленбургскому, а также к властям Данцига взять это дело на себя, и по возможности помочь. Папа римский в следующем году даже издал буллу, в которой разрешил проповедь крестового похода на Русь как в Ливонии, так и в Швеции, и обещал его участникам отпущение грехов как при жизни, так и после смерти в бою... Все это значило, что Европа не собиралась ни тратить денег на ливонцев, ни посылать им солдат, и рекомендовала как-то выходить из затруднений собственными силами.

В августе того же 1496 года, когда была издана булла, шведы молодецким наскоком, без боя взяли Ивангород, разграбили все, что могли (свинтили даже железные петли с ворот), а после того в знак приятельства предложили Ордену ввести свои войска в "Русский замок" и навсегда ликвидировать эту кость, засевающую в ливонском горле. Как бы ответили на такое предложение прежние ливонские рыцари, не стоит и говорить. Сразу по получении предложения, они похватили бы мечи, бросились бы по коням и поскакали бы с воинственными кличами занимать "контр-Нарву".

То, что произошло на этот раз, удивляет историков по сей день. Ливонский магистр... сел думу думать! Да, в таком настроении тягаться силами с москвитями явно не стоило, даже при условии отпущения грехов "при жизни и после смерти". Подождав немного, более чем удивленные шведы бросили замок на произвол судьбы и отступили. А еще через небольшое время, в крепость вступили русские войска, и принялись ее спешно укреплять, чтобы вполне исключить повторение шведского хулиганства. Уже через два года, в Ивангороде стояло около двухсот дворов военных поселенцев, и все время прибывали новые.

В 1500–1503 Московия воевала с Литвою и с Польшей. Решившись искать друзей среди ближайших соседей, ливонский магистр решился – и вступил в войну на стороне литовцев. Тогда московский колосс развернулся, и стряхнул с себя Орден, как докучливое насекомое. В первой же серьезной битве, в 1501 году, ливонские войска потерпели самое плачевное поражение. Следует отметить, что битва произошла не вблизи русской границы, но на внутренней территории Ливонии, у города Гельмед – то есть на северных подступах к Вендену (теперешний Цесис), где со времен первого предстоятеля, Финнольда фон Рорбаха, была ставка магистра Ливонского ордена.

Переговоры о мире велись в Москве, в самой неблагоприятной для ливонцев атмосфере. Впрочем, может ли корректная фразеология наших дней вполне передать колорит той далекой эпохи? Обратившись к Статейному списку посольских сношений, мы находим в своем роде замечательное описание, мимо которого грех было бы пройти стороной. Подробно описывая ход одного из парадных обедов 1503 года при дворе Ивана III, наш официальный хроникер отметил, что царь посылал потчивать посла венгерского, посла польского, а с ними посла литовского, и был с ними приветлив. Что же касалось "немецкого посла", то его "князь великий потчивати не посылал, не потчивал его никто"⁹⁸...

Последняя фраза особенно выразительна. Можно представить себе душно натопленные палаты московского государя, столы, заставленные всяческой снедью, виночерпиев, порхающих по зале, иронически улыбающиеся губы послов сопредельных держав и "открытые, пьяные лица" русских бояр, откровенно глумящихся над бледным ливонским послом,

---

⁹⁸ Цит. по кн.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. М.-Л., 1975, с.236.

едва не падающим в обморок от оскорбления, весьма болезненного по тем временам, а впрочем, по нормам и современной дипломатической практики. Еще бы – посла сопредельной державы подвергают демонстративному унижению на приеме высшего уровня, при всем, как говорится честном народе и на глазах международной общественности, ... Боже, какой позор. Такое запоминается надолго.

Мир все-таки был заключен в 1503 году. Согласно одной из его статей, Орден обязался выплачивать Великому князю Московскому ежегодную дань. Такой договор означал *существенное ослабление положения Ливонии, и первый шаг на пути утраты ею своей независимости*. Ну, а государи соседних держав обратили внимание на то, что в Восточной Прибалтике появился "больной человек", и стали внимательно следить за ходом его агонии, в надежде не упустить своей доли наследства.

Гербы "Великого герцога Московии"

"Есть ли на свете что-либо более устойчивое, чем семиотические архетипы", – таким вопросом задались мы несколько выше, и привели аргументы в пользу отрицательного ответа. К таким весьма сильным структурам и образам всегда относились, как писали у нас в старину, "символы и эмвлемата", в первую очередь государственные. Только на первый взгляд они отбираются волею герольдмейстера и утверждаются государем или урядником⁹⁹. Принятое этими лицами решение обычно лишь начинает работу, основная часть которой приходится на долю "народного духа", принимающего эмблему или отвергающего ее.

Отечественный читатель имел возможность следить за движением этого скрытого механизма в продолжение последнего десятилетия. Как отмечают многие наблюдатели, на настоящий момент остается не вполне ясным, приняло ли массовое сознание россиян государственные флаг и гимн, и в особенности его текст в последней редакции. Что же касается государственного герба, то здесь споры, кажется, улеглись. Да и что можно возразить против двуглавого орла, принятого у нас после женитьбы Ивана III на византийской царевне Софии-Зое в 1472 году, и ознаменовавшего преемственность власти Великого князя Московского по отношению к Византийской империи?

Двуглавый, или, как писали у нас в старину, "пластаный орел с опущенными крыльями и двема коронами над главами", был действительно принят у нас во времена Ивана III в качестве государственной эмблемы набиравшей силу молодой державы московской. Первая из государственных печатей, на которых она появилась в этом качестве, была приложена к грамоте 1497 года. На ее лицевой стороне в красном воске был четко оттиснут старинный герб московских князей, сиречь святой Егорий на коне, колющий поверженного дракона. На оборотной же стороне мы и видим "пластаного орла" о двух головах, с лапами, еще свободными от держания государственных регалий.

Этой эмблеме было суждено славное будущее на российской земле, принята же она была под решающим воздействием государственной геральдики Священной Римской империи германской нации... "Ну вот", – скажет читатель, дочитав до этого места, – "Приехали! Если, ведя рассказ о "греческой" метафизике Петербурга, автор списывал все, что можно, на счет византийских влияний – то теперь, занимаясь разбором немецких влияний, он готов отдать Германии и древнюю нашу византийско-российскую эмблему!"

Нет, так прямолинейно ставить вопрос не имеет смысла. Что же касалось выбора российского герба, то его история была все же более сложной, чем это нам сейчас представляется. Исторически всадник, топчущий дракона конем, или, чаще, поражающий его копьем, был давнишней, известной тодашнему миру, эмблемой московских князей. В этом качестве, а именно, как "герб Великого герцога Московии" (*arma Magni Ducis Moschoviae*), он включался в западноевропейские гербовники XVI столетия, изображался и на портретных изображениях московских князей в европейских книгах.

Напомним, что культ святого Георгия пришел к нам из Византии, во времена еще Киевской Руси. Что же касалось изображения скачущего всадника, то он в ту эпоху ассоциировался с Восточной Европой, поскольку в различных вариантах служил эмблемой литовских князей, встречался на польских печатях, служил и гербом магистра Ливонского ордена. Принимая во внимание все эти обстоятельства, было бы естественным перенести старый московский герб на печати формировавшегося Московского царства.

---

⁹⁹ Мы здесь цитируем выражение из известного послания Василия III славному Бабуру, ставшему основателем династии Великих Моголов на территории современной Индии. Император Бабур предложил московскому князю установить дипломатические отношения. На это Василий ответил, что надобно еще выяснить, государь ли Бабур, либо же "государству своему урядник".

Этому помешали сведения о Германской империи, и, в особенности, посольство 1489 года, о котором мы вкратце уже говорили выше. Московские князья ведь ценили лишь древнюю наследственную власть. До того времени, они знали лишь двух великих в полном значении этого слова царей, а именно, византийского василевса и хана монгольского, считая себя единственными законными преемниками обоих. При таком мировосприятии, шведские короли виделись худородными. Что же касалось магистра ливонского, так то была еле заметная мелюзга.

Кстати, отсюда происходит одна удивлявшая некоторое время историков закономерность. Вступая в официальные отношения с королем шведским, и заключая венчавшие их, в общем, важные для Руси договоры, русские цари поручали подписывать их ... своему новгородскому наместнику. Так было в 1524, 1535, 1537 годах, случалось и позже. Формально цари имели на то право, поскольку заключенные договоры продолжали традицию более старых новгородско-шведских договоров. На самом же деле, эта формальная зацепка позволяла унижить шведского короля, указав ему место на уровне наместника одной из провинций Московского царства. Совершенно аналогично, и договоры с Ливонией продолжал подписывать новгородский наместник¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰ Подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. М., 1980, с. 167–168.

Две империи

Теперь, наконец, перед ликом московского князя предстал посланец равного ему по величию государя, главы Священной Римской империи, помазанника Божия, возводившего свою власть и достоинство к римским кесарям. На место "однополярного мира" с православной Московией в центре, наследующей все величие, какое было накоплено на земле, встала идея о "двуполярном мире", в западной части которого доминирует германский император, в восточной же – русский царь. В подтверждение высказанного предположения приведем два коротких примера.

Первый пример касается приватной аудиенции, которую Николай Поппель испросил у Иоанна Васильевича во время своего первого официального визита в Москву в качестве официального посла Священной Римской империи в 1489 году. Получив эту аудиенцию, посол предложил московскому государю от имени своего императора титул короля. При этом он добавил, что переговоры об этом нужно вести тайно.

Ведь, после коронавания, новый король Московии станет в глазах Европы на равную ногу с королем Польши, а это в свою очередь даст ему полное право претендовать на древние русские земли, удерживавшиеся до того времени поляками. Интересно, что Иоанн Васильевич без колебаний отказался от такого коронавания, поручив своим приближенным (скорее всего, дипломату – а кроме того, любителю "тайных наук" – Ф.В.Курицыну) передать послу, что он-де унаследовал свою державу от предков, а поставление на престол получил-де прямо от Бога – и другого поставления "как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим"¹⁰¹.

Иными словами, германский император предложил московскому князю войти в сферу влияния Священной Римской империи, намекнув на возможность если не раздела Польши, то усиления России за ее счет. На это Иоанн III ответил, что он *не планирует в будущем* стать на равную ногу с королем польским, но *является в настоящее время* ровней, и не то, что ему, но самому императору. Первая точка зрения представляет однополярное видение христианского мира, вторая – двуполярного.

Второй наш пример связан с миром, завершившим русско-ливонскую войну 1501–1503 года. Мир этот, естественно, был заключен между Россией и Ливонией, однако в Москве его рассматривали на правах договора со Священной Римской империей в целом. Иными словами, в Москве предпочитали общаться не с вассалом, но с сюзереном – и были готовы отказаться от плана завоевания Ливонии, если это помогло бы установлению союзных отношений с германским императором.

В свою очередь, Максимилиан I замкнул свой слух для жалоб ливонского магистра по поводу обременительных условий договора 1503 года и нарастающей агрессивности московита. В ответ он сухо благодарил Орден за то, что тот уладил свои дела собственными силами, и рекомендовал в дальнейшем в меру возможности не обременять Империю своими трудностями. Как видим, *и московский государь, и император германский* *выказали принципиальную готовность принести ливонские интересы в жертву более широким геополитическим планам.*

---

¹⁰¹ Цит. по: Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Л., 1988, с.125.

"Имперский" двуглавый орел

Надо ли говорить, с каким вниманием в Москве разбирали титулатуру императоров Священной Римской империи германской нации и фразеологию их грамот, с каким интересом рассматривали форму булл (привесных печатей) и даже фасон платья посла. Не составляла исключения и эмблема власти германского императора, а ею служил двуглавый орел.

В ответ на вопросы русских бояр, немцы ответили, что принята она была не так давно, всего около полувека назад, то есть вскоре после восхождения на имперский трон династии Габсбургов. Что же касалось ее происхождения, то здесь основную роль сыграла не традиция, а, так сказать, логика. Дело состояло в том, что эмблемой королевской власти во многих землях Германии издревле служил одноглавый орел. Соответственно, власти императора – "короля королей" – естественно было поставить в соответствие орла о двух головах, и это было сделано¹⁰².

Выслушав эти соображения, москвичи задумались, и пришли к весьма плодотворной идее. Конечно, двуглавый орел никогда не использовался в качестве эмблемы византийских императоров. Зато это изображение было широко известно у византийцев – и, что было самым важным, использовалось в гербе морейских деспотов, последний их коих, по имени Фома, и был отцом принцессы Софии, будущей супруги великого князя Иоанна III.

Таким образом, русский царь имел неоспоримое право на изображение двуглавого орла в своем гербе. С одной стороны, это согласовывалось с общей линией на преемственность его власти по отношению к Византийской империи. С другой стороны, та же эмблема прямо соотносилась с двуглавым орлом германского императора, что наглядно передавало идею равночестности царской власти на Руси, и императорской – в Западной Европе¹⁰³. Последнее сопоставление укреплялось тем, что обе эмблемы были приняты по меркам того времени практически одновременно, так что никто не чувствовал себя ущемленным – равно как и тем, что оба монарха возводили свое родословное древо к императорам Древнего Рима.

Итак, мы имеем основание заключить, что *начальный импульс к принятию эмблемы двуглавого орла был немецким, точнее – имперско-германским*. Ну, а далее началось длительное, вполне уже самостоятельное развитие на Руси его иконографии – помещения на орлиной груди изображения св. Георгия, на крыльях – эмблем русских земель и княжеств, вложения в лапы скипетра и державы, и так далее, вплоть до освобождения орла от всех символов, включая короны, на монетах Временного правительства, и его отмены властью восставших масс.

В геральдике наших дней двуглавый орел получил новую жизнь. Практически утратив смысловую связь со старой Российской империей, его изображение, однако восстановило исторически первичную – и в этом качестве связанную с имперско-германским прообразом – ассоциацию с "великодержавной идеей". На очереди ее преобразование в "новую евразийскую идею" и сплочение на этой основе людей определенного психологического типа, чаще всего называющих себя в настоящее время "государственниками". Какой же символ сможет выразить фундаментальное для нее положение о двуединой природе евразийской цивилизации лучше, чем двуглавый орел?

¹⁰² К этому можно добавить и композиционные соображения. Орлы на гербах германских королевств смотрели одни в правую сторону, другие же в левую. При их совмещении воедино, в рамках одного поля, очертания крыльев или лап примерно совпадали, но голову приходилось раздваивать.

¹⁰³ Подробнее см.: Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. М., 1985, с. 16–22; Хорошкевич А.Л. Европейские традиции в оформлении русской государственной символики XV–XVII вв. // Древняя Русь и Запад. М., 1996, с. 127–129.

Ну, а для петербуржца существенным будет и то, что эмблема, принятая в качестве государственной царями Московской Руси, нашла свое место и на гербе столицы Российской империи. Как мы помним, со времен графа Санти в центре герба Санкт-Петербурга, поверх двух серебряных якорей, помещен золотой скипетр, увенчанный нашим традиционным "государственным двуглавым орлом".

Психологический тип новгородского купца

Новгород до последней возможности оберегал привилегии Ганзы. Переходя, под страхом оккупации московскими войсками, под руку короля польского, бояре древней северной республики настояли на включении в договор особой статьи, читавшейся так: "Двор немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его" (цитируем в карамзинской версии). С угаданием новгородской вольности, неизбежной стала и отмена ганзейских привилегий.

Насельники подворья св. Петра пережили оба московских похода на Новгород с величайшим волнением и дурными предчувствиями. Несмотря на это, поначалу ничего страшного с ними не произошло. Приехав принимать капитуляцию Новгорода зимой 1478 года, Иоанн III нашел время принять представителей Ганзы и успокоил бледных от страха купцов, выдав им грамоту, где подтверждал большинство их старинных привилегий. В 1487 году, был заключен первый полномасштабный русско-ганзейский договор. Внимание московской политической элиты тогда было направлено на литовские и татарские дела. Что делать с Ганзой, в Москве еще окончательно не решили. Вот почему и этот трактат сохранил основные черты "режима наибольшего благоприятствования" по отношению к ганзейской торговле.

Сама атмосфера переговоров изменилась довольно сильно. Историки уже обратили внимание, что это отразилось даже во вводной формуле к тексту соглашения. К примеру, старые договоры начинались примерно так: "Приехали немецкие послы в Великий Новгород ... и руку взяли у посадника новгородского". Теперь же преамбула звучала совсем по-другому: "Приехали немецкие послы ... и били челом"¹⁰⁴. Первое указывало на равноправные отношения, в последней проведено верховенство московской стороны. Разница была, и более чем существенная.

Во время работы над условиями договора, Москва еще нуждалась в опыте и советах новгородских экспертов. После его заключения, их услуги стали совершенно излишними. Сразу же вслед за подписанием договора, в Москве было принято решение о выселении из Новгорода всех мало-мальски известных купцов. В течение одного 1487 года, город вынуждено было навсегда оставить около полусотни наиболее именитых купеческих семей, за ними последовали менее важные. А ведь они поколениями налаживали отношения с ганзейцами, изучали балтийский рынок. На место несчастных прибыли московские купцы, обосновались и быстро взялись за дело. Вот тут-то ганзейцы и познали на собственном опыте всю разницу между новгородскими и московскими купцами, как по психологическому типу, так и приемам ведения дел.

Новгородцы были ориентированы на немецкий рынок, раз навсегда согласились с торговой монополией Ганзы и были вполне удовлетворены собственной ролью ее факторов на обширных пространствах северных волостей Новгорода. Если добавить к этому присущее полноправному гражданину вечевого демократии умение постоянно искать компромиссы и находить их, сызмала выработанное у него уважение к органам власти своего государства и доверие к ним, то *доминанты культурно-психологического облика новгородского купца* станут нам в общих чертах ясны.

Что касается метафизической составляющей этого облика, то она может быть легко прослежена хотя бы по тексту былины о Садко. Разные ее варианты рассказывают об оборотистом, энергичном человеке, не сомневавшемся, что надо делать, получив в руки шальные деньги:

"А й записался Садке в купци да в новгородский ..."

¹⁰⁴ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. М.-Л., 1975, с.193.

А й как стал ездить Садке торговать
да по всем местам,
А й по прочим городам да он по дальним
А й как стал получать барыши да он великие".

В поисках своего счастья купцу довелось попадать в опасные положения. Тогда он не обинивался обращаться за помощью к потусторонним силам – причем, прибегая к терминам современной этнологии, к божествам как верхнего, так и нижнего мира. К примеру, в одной ситуации Садко обратился к царю Морскому (а это – чисто языческий персонаж), в другой попросил о помощи святого Николу Можайского (христианского покровителя мореплавателей) – и оба ему помогли, хотя и не без оговорок (сводившихся в каждом случае к "искупительной жертве").

Оговоримся, что сложение опорных структур мифа о Садко ученые относят к достаточно раннему времени, а именно к XII столетию. Прослеживается в нем и более древний пласт, типологически соотносящийся со средиземноморскими мифами о схождении героя в преисподнюю и возвращении оттуда – от античного певца Орфея до библейского пророка Ионы. И все же, приняв во внимание все эти обстоятельства, мы не должны забывать, что былина о Садко стала излюбленной у сказителей новгородского средневековья, превратившись, по выражению В.Г.Белинского, в подлинную "поэтическую апофеозу Новгорода".

Продолжали ее сказывать и позднее, едва ли не до нашего времени (выше была процитирована сумозерская запись А.Ф.Гильфердинга 1871 года). Ну, а такая популярность могла быть в свою очередь порождена лишь глубоким соответствием предания о Садко мировосприятию купцов, а в большой степени – и всех обитателей средневекового Новгорода.

Психологический тип московского купца

Московские купцы исторически и психологически принадлежали к совсем другому миру. Выйдя в начале XIV столетия под покровительством монгольских властей на рынки Крыма, северной Персии, Поволжья, они пропитались духом Востока до мозга костей, усвоили его привычки и обычаи. Не случайно такие базовые для средневекового торгового лексикона слова, как "деньги", "товар", "пай", "базар" были заимствованы нами с Востока, чаще всего из тюркских языков, или при их посредстве.

"Деловая психология русского купца сохраняла глубокий левантийский отпечаток. Здесь мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. На покупателя и на продавца смотрят как на соперников, озабоченных тем, как бы перехитрить другого; всякая сделка – это отдельное состязание, в котором каждая сторона рвется взять верх и забрать себе все призы"¹⁰⁵.

Нужно оговориться, что гарвардский советолог сильно сгустил краски в приведенной цитате. Стремление перехитрить партнера, как мы в этом убедились выше, было присуще немецким купцам ничуть не в меньшей степени, чем их персидским собратьям. Что же до честности, то твердое слово порядочного человека ценилось в те времена – как, впрочем, и в наши дни – на Востоке ничуть не менее, чем на Западе. Однако в том, что московские купцы принадлежали совершенно определенному, в основе своей ближне – и средневосточному культурно-психологическому типу, не приходится сомневаться.

Одной из доминант татаро-монгольской цивилизации была крепкая государственность, причем весьма своеобразного типа. С одной стороны, власть обеспечивала примерный порядок на рынках и постоянных дворах, на городских улицах и торговых путях. Всюду стояли гарнизоны, сновали конные разъезды. В принципе все улусы были охвачены курьерской службой. Достаточно рано на ее основе была организована регулярная перевозка людей и товаров, приобретшая в русской истории известность под именем "ямской гоньбы"¹⁰⁶. Неукоснительно взимались налоги, включая торговую пошлину¹⁰⁷.

С другой стороны, власть неуклонно стемилась ободрать тяглое население как липку, и ей была решительно чужда даже тень заботы о благосостоянии общества в целом. Вопрос об этом в принципе не мог быть поднят, поскольку любая попытка диалога между обществом и властью, не говоря уже об отдельном человеке, пресекалась незамедлительно и с примерной жестокостью, да никому не могла и прийти в голову.

Вот почему московский купец научился бить челом любой власти и выказывать ей все мыслимые знаки покорности – с тем, чтобы в другое время обходить начальство за три версты, пряча от его очей свои накопления пуще, чем от разбойников, не ожидая от него особой помощи, да и не надеясь на нее. Надо ли говорить и о том, что, вдоволь натерпевшись от власть предержащих, тот же купец совсем не прочь был упереть руки в боки, встретившись с более слабым партнером, и отыграться на нем за все свои обиды и унижения. Если же мы добавим к сказанному, что московские купцы впитали весь этот суровый, но вполне жизнеспособный строй общественной жизни с молоком матери, прикипели к нему душами, не

¹⁰⁵ Пайпс Р. Россия при старом режиме \ Пер. с англ. М., 1993, с.271.

¹⁰⁶ Отметим, что "ям", в значении "почтовая станция" (или "почтовые лошади") – также тюркское слово, отсюда и наше "ямщик". От этой "ямской гоньбы" произошла по прямой линии и наша позднейшая "ямская служба", связывавшая воедино российские губернии еще во времена Пушкина. Вообще, фактически все важнейшие ордынские институции без больших изменений перешли от монгольских ханов – к московским царям.

¹⁰⁷ Факт ее уплаты подтверждался особой печатью, носившей у татаро-монголов наименование "тамга". Отсюда и современное русское слово "таможня", а кроме того, скорее всего и "деньги" (хотя этимология последнего слова отнюдь не так прозрачна, как может показаться на первый взгляд).

знали, да и не хотели знать никакого другого, то *доминирующие черты их культурно-психологического облика* приобретут для нас известную определенность.

Первоначальное понятие о метафизической стороне этого облика мы можем составить по путевым запискам тверского купца Афанасия Никитина, совершившего свое знаменитое путешествие в 70-х годах XV столетия. Следует сразу оговориться, что Тверская земля была формально присоединена к Москве лишь в 1485 году. Однако тверское купечество вошло в орбиту московского мира значительно раньше указанной даты. Как явствует из текста Хожения за три моря, часть своего пути наш герой прошел с караваном московского посла – и тосковал на чужбине по земле, которую называл уже просто Русской. На основании наблюдений такого рода, в литературоведении прошлого сложилась даже тенденция взгляда на Афанасия как на "торгового разведчика" Иоанна III, которая, впрочем, в современной науке не получила поддержки.

Чистота православия "рабища Божия Афанасия", как он сам себя называл, довольно сомнительна. Судя по тексту Хожения, суть "правой веры" сводилась для купца к исповеданию одного, единого для всех Бога, а также к чистоте помыслов. Такая вероисповедная установка весьма облегчала контакты с неверными – в первую очередь, мусульманами, придерживающимися, как известно, единобожия, но далеко выходила за рамки того, о чем учила православная – а впрочем, любая христианская церковь той эпохи.

Надо думать, что собратья тверского купца были все же более тверды в вере. Впрочем, нельзя забывать и о том, что так называемая "ересь жидовствующих" была тогда уже при дверях, а ставший ее приверженцем посольский дьяк Федор Курицын пользовался величайшим доверием своего господина, Великого князя Московского Ивана III Васильевича. Как мы помним, вероучение еретиков сводилось в первую очередь к отходу от ортодоксального учения о св. Троице в сторону строгого монотеизма ветхозаветного типа.

"Русская земля да будет Богом хранима!" – восклицает Никитин, и продолжает: "На этом свете нет страны, такой, как она, хотя князья Русской земли – не братья друг другу. Пусть же устроится Русская земля устроенной, хотя правды мало в ней!"

В этой прославленной здравнице как в капле воды отразились и тяга к "сильной руке", и надежда на собирание Русской земли, и болезненное убеждение в несправедливости ее социальной организации. Все эти черты были в высшей степени присущи мировосприятию русских людей той эпохи, не исключая, конечно, московских купцов. Не случайно текст Хожения был самым заботливым образом сохранен книжниками того времени, включен в состав II Софийской летописи (под 1475 годом), и донесен через все исторические бури до потомства.

Ну, а нам остается добавить к сказанному только то, что последняя цитата из текста Хожения за три моря была приведена выше в новейшем переводе А.Д.Желтякова. Да-да, в переводе – ведь, хорошо зная своих земляков, купец зашифровал в рукописи эти слова, равно как и ряд других ключевых для него мыслей, пользуясь тюркскими и персидскими словами. Как справедливо отметил в этой связи современный комментатор, "в конце XV века эти рассуждения, как и утверждение, что в Русской земле "правды мало", а также религиозные взгляды А[фанасия] Н[икитина], если бы он стал их проповедовать, могли принести ему серьезные неприятности"¹⁰⁸.

---

¹⁰⁸ Лурье Я.С. Афанасий Никитин \ \ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч.1. Л., 1988, с.87.

Конец "колупания"

Заголовок, предпосланный этому разделу, не вполне точен. Мы собираемся рассказать об исторической катастрофе торговой деятельности Ганзейского сообщества в Новгороде. Вот почему более корректно звучало бы заглавие "Закрытие подворья св. Петра", или что-нибудь вроде этого. Однако столетия "колупания" положительно переполнили чашу терпения новгородских купцов. Вот почему, доведись кому-либо из них прочесть эту страницу, он безусловно одобрил бы наш заголовок, и даже предложил бы как-нибудь украсить его – например, заключить в рамку.

Как мы помним, "колупание" относилось к числу торговых обычаев, безусловно убыточных для новгородских купцов. Оно состояло в изъятии части восковых "баб", выставленных русскими купцами на продажу, в пользу немецкой стороны, под предлогом проверки их качества. О другом обычае из этого ряда – печально известной "наддаче" мы также уже рассказали выше. Нужно учесть и то, что неуклонное проведение этих обычаев, несмотря на постоянные жалобы и протесты новгородцев, имело и психологическое значение. Оно каждый раз подтверждало верховенство немецкой стороны в торговых сношениях Великого Новгорода и Ганзы.

С приездом московских купцов настал конец всему этому наследию прошлого. Придя одним, как говорится, прекрасным утром в торговый ряд, ганзейцы с удивлением увидели, что московские купцы, сопя, возятся с весами, налаживая их. Сдерживая улыбку, ганзейцы объяснили новичкам, что в Новгороде ганзейских товаров никто никогда не взвешивал, поскольку сомневаться в немецкой точности никакой необходимости нет. В ответ московские купцы спокойно ответили, что без взвешивания они никаких ганзейских товаров покупать не будут.

Задохнувшись на минуту от гнева, ганзейцы стали осматриваться в поисках более сговорчивых купцов. Но со всех сторон на них смотрели все те же спокойные москвичи, никто из которых не собирался придерживаться каких-то дурацких древних обычаев. Жалоба Ганзы полетела в Москву. В прежние, новгородские времена отступники от "старины" были бы незамедлительно наказаны. Но теперь ганзейский посланец предстал перед государем, который недавно истоптал ханскую басму и сломал хребет Золотой Орде¹⁰⁹. Что ему были ганзейские ссылки на старые договоры!

Великий князь даже нашел уместным немного поиздеваться над немцами. Он им сказал, что ганзейцам, конечно, приказать ничего не может, зато русским купцам приказывает не покупать товаров без взвешивания. Если же Ганза найдет в Новгороде еще каких-то купцов, которые будут покупать ее товары без взвешивания, против приказа царя – то, как говорится, в добрый час. Он, Иван Васильевич, даже, пожалуй, с интересом посмотрел бы на такого купца... Получив этот ответ, ганзейцам оставалось отвесить прощальный поклон, вернуться на двор св. Петра и бросить свои товары на русские весы.

Вскоре настал черед и заветного "колупания". Отнюдь не заботясь о разнообразии своей аргументации, московские купцы снова послали ганзейцев куда подальше. Точнее, они заявили, что Великий князь Московский запретил им, природным москвитянам, представлять свой воск для "колупания". Если же немцы найдут себе на Руси каких-то других купцов, которые это позволят, то пусть себе колупают до изнеможения. *Так, одной царской шуткой, и завершилась древняя новгородско-ганзейская традиция "колупания"*.

---

¹⁰⁹ Строго говоря, Ахмат был ханом так называемой Большой Орды, однако формально сидел-то он на троне золотоордынских владык.

Ослабление Ганзы

Летом 1494 года, несколько десятков ганзейских купцов приехали в Москву, просили восстановить "колупание" с прочими привилегиями – и получили отказ. Впрочем, их допустили до стола великого князя и выпроводили восвояси с богатыми подарками и всяческими обещаниями. На обратном пути, в Новгороде, купцов задержали и бросили в тюрьму, к тому же отняли товаров на огромную сумму почти в сто тысяч марок. Вскорости после этого было закрыто и торговое представительство Ганзейской конфедерации в Новгороде, знаменитый Двор святого Петра.

Поводом к такой жесткой расправе послужила казнь, которой были подвергнуты в Ревеле двое подданных московского государя. Одного из них заподозрили в чеканке фальшивой монеты, за что он был живьем сварен в котле. Второй предавался "содомскому греху", почему и был приговорен к сожжению на костре. Дело было бесспорное. По нормам международного права того времени, преступление, совершенное на территории города, подлежало юрисдикции его суда. Что же до приговоров, то они были вынесены в соответствии с так называемым "любекским правом", действовавшим тогда на территории Ревеля, поскольку он был ганзейским городом.

Историки до сих пор удивляются, на каком основании Москва могла не то что задерживать невинных немецких коммерсантов, но даже выказывать недовольство. Н.М.Карамзин сохранил в своей Истории предание о неких опрометчивых словах, сказанных одним легкомысленным ревельцем при сожжении в адрес самого Иоанна Васильевича¹¹⁰. Что касается более глубоких причин, то мнения современных историков относительно них сильно расходятся.

Так, Г.Козак высказал мнение, что арест был московским демаршем против властей Ревеля. Э.Денель, напротив, считал, что скорей уж такой шаг был направлен против Новгорода, поскольку окончательно уничтожал его торговую репутацию на Западе. Согласно предположению К.В.Базилевич, более вероятным было желание московских властей одним махом покончить с торговой монополией всей Ганзы, и это разумно, поскольку за ревельцев пошли в тюрьму добропорядочные граждане Любека, Гамбурга, Мюнстера, Дортмунда и ряда других ганзейских городов.

Предположения историков на том не исчерпываются и подлежат еще самому внимательному разбору. Для нас же существеннее то, что московский слон входил в посудную лавку Восточной Прибалтики, не сбавляя хода, и не обращая внимания на протесты продавцов и звон разбиваемой посуды.

Агрессивное поведение Москвы произвело в Ганзе изрядную панику. После длительного увещевания со стороны представителей семидесяти немецких городов, подкрепленного ходатайством магистра Ливонского ордена, которое в Москве упорно предпочитали именовать "челобитьем", купцов отпустили – за исключением бедолаг, окончивших жизнь за решеткой в течение трех с лишним лет заключения. Товаров, естественно, не вернули. По всей очевидности, это тоже входило в "новый московский стиль" деловых отношений. Что же касалось торгового представительства Ганзы в Новгороде, то оно опустело – на этот раз, навсегда.

Надо сказать, что *"новгородская катастрофа" составила в свою очередь лишь эпизод в череде несчастий, постигших Ганзу*. На Западе в ту эпоху возрождались или же возникали

---

¹¹⁰ "Мы сожгли бы и вашего князя, если бы он сделал у нас то же" (см. шестую главу тома VI "Истории государства Российского"). Напомним, что речь шла об обвинении в гомосексуализме, что для Великого князя Московского было, несомненно, довольно обидно... Вот, кстати, сюжет, обойденный вниманием позднейшего петербургского краеведения в лице К.Ротикова.

сильные государства, вроде Англии или Нидерландов, которым не было никакого расчета поддерживать ганзейскую монополию в ущерб собственным купцам.

Кроме того, в продолжение всего XV столетия, в западноевропейских странах укреплялось промышленное производство, и цены на его продукцию проявляли тенденцию к росту. В то же время, цены на большинство товаров русского сырьевого экспорта, прежде всего на пушнину, стояли на месте, или даже падали. Так на пути ганзейской торговли встало явление, которое получило у экономистов образное название "ножницы цен". С течением времени, раскрытие этих "ножниц" разорвало Ганзу буквально на куски. Формальный роспуск Конфедерации произошел, впрочем, достаточно поздно, в 1669 году. После указанной даты, гордое имя ганзейского города сохранили за собой Гамбург, Бремен и Любек.

"Атлантиды" – нижненемецкая и новгородская

Деловым языком Ганзы был, как мы уже говорили выше, был нижненемецкий. Впрочем, не только деловым языком, и не одной Ганзы. "Nedderdüdisch", он же "neddersassisch" (нижнесаксонский), или просто "sassisch" (саксонский) был подлинным "языком-посредником", "лингва франка" циркумбалтийской цивилизации средних веков. Тот, кто намеревался совершить путешествие по странам Балтики, должен был хотя бы немного знать нижненемецкий, чтобы объясняться с капитанами кораблей и жителями портов. Если же он намеревался торговать, то знание нижненемецкого становилось жизненной необходимостью. В эпоху расцвета Ганзы, то был язык власти и богатства – богатый и гибкий, свободно вбиравший в себя лексемы и фразеологию множества языков, от латыни до эстонского или русского.

Утрата политической и хозяйственной обособленности северогерманских городов открыла дорогу на север многочисленным и энергичным носителям верхненемецкого – языка германского юга. Так началась длительная агония нижненемецкого языка, обозначаемая в современной науке нейтральным термином "оверхненемечивание" (Verhochdeutschung). В течение XVI столетия, городские канцелярии северных немецких городов, начиная с Берлина и Магдебурга, одна за другой переходят на верхненемецкий. Книгопечатание на нижненемецком языке постепенно угасает. Драматурги все чаще используют его для речевой характеристики персонажей-простолюдинов.

Сейчас этот язык сведен до положения устного диалекта. Само его современное название – "Plattdeutsch"¹¹¹ – означает не только "нижненемецкий", но также и "низкий", в смысле "простонародный". Если, приехав в Любек или в Гамбург, вы захотите услышать живое звучание этого диалекта – лучше всего пойдите в простую кнайпу, возьмите кружку пива и послушайте, с каким смаком будут рассказывать друг другу свои истории и анекдоты ваши соседи по лавке на старом добром "пладойче"... А ведь было время, когда он имел все шансы занять место литературного языка самостоятельной северогерманской нации. Почему бы и нет – ведь смог же близко ему родственный голландский язык уцелеть в исторических схватках с языками своих более сильных соседей!

Мы нашли целесообразным уделить некоторое внимание исторической катастрофе нижненемецкой нации и ее языка по той причине, что в наших краях в ту эпоху произошло примерно то же самое. Как мы помним, политическая самостоятельность Новгорода весьма способствовала обособлению новгородского диалекта, у которого было достаточно много шансов вырасти в литературный язык особой, севернорусской нации.

В свое время, новгородская речь служила подлинным языком-посредником на просторах русского Севера. Кстати, известно, что ганзейские и ливонские купцы посылали своих сотрудников в Новгород, с целью ее изучения. Вообще, нижненемецкий язык Ганзы как бы находил себе продолжение на землях за ливонской границей в другом "лингва франка" – новгородском наречии. Присоединение к Московской Руси прервало эти процессы и постепенно свело новгородский на положение обычного диалекта. Да, ганзейцы могли ссориться со своими новгородскими партнерами, бороться с ними и даже воевать. Однако чувство взаимозависимости и взаимной связи никогда не угасало вполне ни у одной из сторон. Падение Новгорода поставило на повестку дня не только пресечение торговой монополии Ганзы на Востоке, но и существенное ее ослабление на Балтике в целом¹¹².

¹¹¹ Произносится примерно как "пладойч".

¹¹² Оговоримся, что формально нижненемецкая языковая зона занимала не только прибалтийские земли, распространяясь на север от так называемой "линии Бенрата" (проведенной немецкими диалектологами примерно от Дюссельдорфа

Нижненемецкая и новгородская цивилизации, на протяжении нескольких веков определявшие развитие материальной и духовной культуры на обширных пространствах Северной Европы, ушли в пучину исторического процесса почти одновременно. Их катастрофа оставила после себя пустоту и бредила души потомков, почти как платонова Атлантида. Возникновение и возвышение "петербургской империи" на востоке этого геополитического пространства и Прусского королевства на его юге также произошло практически одновременно – и может рассматриваться, помимо всего прочего, еще и как реванш Севера за его историческое поражение.

"Геннадиев" перевод Библии

Сочувствуя Новгороду в его исторической катастрофе, читатель вправе предположить, что и культура его не скоро оправилась от нанесенных ударов. С этим нельзя не согласиться; вообще, население города было изрядно невротизировано. И все же конец XV столетия был ознаменован впечатляющими успехами в развитии культуры, не исключая и ее метафизических аспектов.

Мы говорим о деятельности кружка архиепископа новгородского и псковского Геннадия, а именно об издании им первого в истории полного славянского текста Священного Писания, о расчете церковного календаря на новое тысячелетие и переводе на русский язык ряда западных сочинений, воплощавших новомодные религиозные веяния, *devotionem modernam*. Все эти достижения – в особенности, два первых – оказали неизгладимое воздействие на культуру России. Для нас же особенно интересно, что в каждом из названных случаев, влияние немецкой культуры оказалось если не решающим, то вполне заметным. Впрочем, рассмотрим все по порядку.

Как это ни трудно себе представить, но русское средневековье вполне обходилось без полного текста библейских книг. Отечество наше прожило почти половину тысячелетия, довольствуясь устным чтением во время богослужения отрывков из текста Писания, которые полагались необходимыми для памятования в данный день. При этом народная вера была куда как крепка, святость отнюдь не скудела и никакие татары ее не колебали... Вот, кстати, еще один исторический урок. Духовная жадность, стремление сей же момент сорвать "покрывало Изида" и сделать прикровенное – явным отнюдь не всегда способствует углублению внутренней жизни: чаще всего следует ее быстрое обмеление.

Впрочем, то было требование эпохи, и требование властное. Православное духовенство нужно было вооружать для духовной брани с расплодившимися еретиками, как правило, назубок знавшими тексты Писания. Католическое духовенство внимательно изучало свою Вульгату. Ну, а в Германии уже родился и выучил свои первые латинские молитвы мальчик по имени Мартин Лютер.

Работа по сверке имевшихся текстов и переводу недостающих превышала, конечно, силы одного человека – и архиепископ привлек к делу ряд блестяще по требованиям того времени образованных людей. История сохранила их имена. Из русских это – дьякон Герасим Поповка и его брат Дмитрий Герасимов, более известный у нас под именем Митя Малый, а также и опытный дипломат по имени Влас Игнатов. С ними активно сотрудничали ученые греки, приехавшие на Русь в свите Софии Палеолог.

Если последние лучше ориентировались в мире византийской и итальянской книжных культур, то русские были более знакомы с культурой соседних, немецких и польских земель. В частности, можно с уверенностью утверждать, что Митя Малый прошел в юности курс обучения в одном из ливонских городов, порядочно изучил немецкий, а также латинский язык, и поддерживал обширные знакомства в немецкой среде. Влас Игнатов по долгу службы много общался с представителями балтийских стран, включая Ливонию и Ганзу, сам ездил в Европу, и, безусловно, хорошо владел немецкой речью.

Второй заботой епископа Геннадия было собрать старые русские рукописи (по их богатству Новгород не знал равных на тогдашней Руси), привлечь греческие источники, латинскую и немецкую Библию. Если недостававшие книги Ветхого Завета брались прежде всего из латинской Вульгаты, то короткие предисловия, предпосланные в "Геннадиевой Библии" каждой из книг Священного Писания, переводились скорее всего с немецкого текста (а именно, издания 1500 года). Так же работали и над текстом пояснительных статей, приложенных к каждой библейской книге. Во всяком случае, современные исследователи пола-

гают твердо установленным, что надписания псалмов были переписаны из немецкой Псалтири без изменений, переводили же их Влас Игнатов да Митя Малый¹¹³.

Выработка и издание полного текста Писания на общепонятном языке всегда представляют собой исключительно важный шаг в духовном развитии нации. Напомним, что большая "книжная справа", предпринятая во времена царя Алексея Михайловича, ввергла страну в великий раскол, и подвела ее вплотную к петровским реформам. Что же касалось издания полного ("синодального") перевода библейских книг на современный русский язык, то он был завершен к середине семидесятых годов XIX века, предшествуя таким образом эпохе революций в России, и этот факт не случаен.

Нужно оговориться, что "Геннадиев" перевод был переписан в ограниченном количестве экземпляров. Но тут уж дело было за технологией – и она не заставила себя ждать. *Взявшись через восемьдесят лет за издание церковнославянской Библии, первопечатник Иван Федоров принял в качестве образца и первоисточника именно перевод, выработанный ученым кружком архиепископа Геннадия.*

---

¹¹³ Подробнее см. статьи под этими именами в "Словаре книжников и книжности Древней Руси". Вып.2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч.1. Л., 1988, с. 140–141, 195–196.

Славянский первопечатник Швайпольт Фиоль

Действительно, "Геннадиев" перевод должен был подождать известное время, чтобы быть преданным печатному станку. Вместе с тем не будет излишним напомнить, что первые наши книги на церковнославянском языке ко времени завершения этого перевода были уже напечатаны. Мы говорим об издании Осмогласника, Часослова, Постной Триоди и прочих богослужебных книг, предпринятом в 1491 году в Кракове славянским первопечатником Швайпольтом Фиолем.

Отметив это факт, мы, разумеется, никакой Америки не открываем. Имя Фиоля включено в университетские курсы истории русского языка и литературы и, несомненно, известно читателю-слависту. Вместе с тем, для широкой публики более близким и родным остается образ диакона Ивана Федорова, напечатавшего в 1564 году, вместе Петром Мстиславцем, в первой русской государственной типографии первую нашу точно датированную книгу – Апостол, открываемый превосходно выполненным ксилографическим изображением апостола Луки. В общем, тут не с чем спорить: Иван Федоров открывал магистральную традицию. Но справедливость требует помнить, что начал ее краковский первопечатник за семьдесят лет до того.

Фиоль не был не только русским, но даже поляком или литовцем. Сомнений в том никаких не остается после прочтения записи, внесенной в конец одной из напечатанных им книг самим первопечатником. В ней он указывает, что печатание было завершено "при державе великого короля полскаго Казимира. И докончана быс мещанином краковьскимъ Шваипотомь, Феоль, из немецъ немецкого роду, Франкь"¹¹⁴. Действительно – уж если "из немецъ немецкого роду", то какие ж тут могут быть сомнения... Не был издатель и православным.

Несмотря на все это, никакого морального убытка деятелям русской культуры того времени во всем этом не было. Как выяснили исследователи (прежде всего, Е.Л.Немировский), "поднаборные рукописи" были присланы издателю из Московской Руси, туда же был отправлен и основной объем выпущенного тиража. Сам же издатель в том же 1491 году попал в застенки католической инквизиции, и выпутался из неприятностей только весной следующего года, заплатив штраф и принеся покаяние. *Выходит, что краковский книгоиздатель работал по русскому заказу и на российский рынок – примерно так же, как это делали какие-нибудь голландские печатники во времена Петра I, до тех пор, пока в новооснованном Петербурге не были развернуты необходимые цехи.*

Читатель со склонностью к юмору может даже представить себе сценку того, как русские заказчики объясняют издателю свои требования, вносят предоплату, упоминают и о том, что краковянину предстоит первым предать печати книгу, написанную кирилловским шрифтом¹¹⁵. Выслушав это, Швайпольт сердечно улыбается, кивает головой, и, пробормотав что-нибудь вроде "Яволь, мейне геррен!", начинает историю русского книгопечатания.

Одним словом, памятник Ивану Федорову поставлен в Москве по праву, заслуженно установлен и барельеф с его портретным изображением на стене нижнего вестибюля станции петербургского метро "Технологический институт". И все же было бы совсем неплохо, если бы на противоположной стене ему соответствовал барельеф и другого нашего первопечатника – "немца немецкого роду", исполнительного и неудачливого Швайпольта Фиоля.

---

¹¹⁴ Цит. по: Гаврюшин Н.К. "Начаша изыскивати мастерства печатных книг..." \ Прометей. Историко-биографический альманах серии "Жизнь замечательных людей". Том 16: Тысячелетие русской книжности. М., 1990, с.241.

¹¹⁵ Первая известная науке печатная славянская книга была выпущена в Хорватии, притом не кириллицей, а глаголическим шрифтом, в начале 80-х годов XV века.

Календарная мистика

Вторым важным делом кружка новгородского архиепископа был, как мы помним, *расчет церковного календаря на новое тысячелетие*. Дело в том, что в 1492 году завершалась седьмая тысяча лет от сотворения мира – по счету, которого придерживалась русская православная церковь. Естественно, что в народе возникло ожидание "конца света" и страшного суда. Дело усугублялось тем, что византийские компутисты рассчитали свои пасхалии, то есть таблицы наступления праздника Пасхи, от которой отсчитывались другие важнейшие даты церковного года, лишь до конца седьмой тысячи лет, и никакими другими расчетами наши церковники не располагали. Не было их и у греков.

Что же касалось исходных расчетов, результаты которых были утверждены Никейским собором 325 года, то в них вкрались чисто арифметические противоречия, не допускавшие однозначной экстраполяции старых пасхалий. В довершение всего, Византия пала под ударами турок в середине того же, пятнадцатого столетия от Рождества Христова, греческие астрологи и математики разъехались кто куда, так что и посоветоваться толком было не с кем.

Вот почему в этом важнейшем вопросе нельзя было обратиться к авторитету ни церковного предания, ни ведущих византийских ученых, а надобно было обойтись собственным умом, "минуя подводные камни високосных годов, рифы эмболисмических месяцев и учитывая неизбежность накопления ошибок"¹¹⁶. Взявшись за эту задачу, члены кружка архиепископа Геннадия почти воочию видели пропасть, зияющую за очередным поворотом "Великого миротворного круга", и страстно желали продолжить его вращение.

В церковной литературе распространено убеждение, что новгородский владыка, не мудрствуя лукаво, написал в Рим – и получил оттуда ответ с расчетом новой пасхалии¹¹⁷. Нужно сказать, что дело решилось совсем не так просто. Геннадий привлек к делу своих русских сотрудников, получил письменную консультацию от ученых греков, ознакомился с летосчислением ряда восточных народов – вплоть до халдеев и персов. Помимо того, он выписал из Германии астролога Николая Булева, назначил ему солидное вознаграждение за консультации и получил их.

---

¹¹⁶ Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988, с.52.

¹¹⁷ См., например: Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991, с. 16–17 (репринт парижского издания 1937 года).

Николай Булев

Упомянув это имя, мы должны коротко рассказать о его носителе. Николаус Бюлов, прозванный у нас для простоты "Николаем Булевым"¹¹⁸, был человеком большой учености. Уроженец ганзейского Любека, он получил обширное образование в Ростокском университете, и приобрел с течением времени авторитет европейского масштаба. Достаточно сказать, что, закончив работать на епископа Геннадия, Бюлов уехал прямо к папе римскому Юлию II – и был немедленно принят на его службу.

По своей основной специальности, Булев был медиком, что и позволило ему четыремя годами позднее, вернувшись в Россию, занять пост придворного врача Великого князя Московского Василия III. Что же касалось душевной склонности, то "Николай Немчин", как его тоже могли называть, был знатоком астрологии и не только ее поклонником, но и горячим пропагандистом. Последнее для нас наиболее интересно, поскольку, только ступив на русскую землю, Немчин принялся рассказывать о предмете своей страсти встречным и поперечным на довольно быстро им освоенном русском языке, совершенно не опасаясь доноса и не заботясь о последствиях.

Надо сказать, что немецкий врач рисковал отнюдь не так сильно, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что во врачебной науке того времени астрологические выкладки были не только общепринятыми, но и практически обязательными. К примеру, они применялись для определения оптимального времени проведения медицинских процедур, или при подборе диеты. Поэтому Булев всегда мог сослаться на авторитет медицинских светил Европы – и свой профессиональный долг.

С другой стороны, астрология в ее полном виде безусловно занимала почетное место в комплексе "тайных наук", сложившемся к тому времени в западноевропейской культуре. Углубленное ее изучение заставляло прилежного адепта обращаться за справками сначала к герметическому кодексу, затем – к алхимическим трактатам, и, наконец, приводило его к оперативной магии, а то и демонологии. Примеров такой эволюции несть числа – и у нас есть все основания думать, что Булев также прошел этот путь.

---

¹¹⁸ По мере дальнейшего упрощения, эта фамилия могла выговариваться и писаться русскими как "Люев" и даже "Луев". Иронического оттенка в последнем прозвании, повидимому, не было. Были же "Луевы горы", через которые Гришка Отрепьев бежал в свое время в Литву. Они, кстати, упомянуты в знаменитой сцене "Корчма на Литовской границе", у Пушкина в "Борисе Годунове" (а в текст этой драмы перешли, скорее всего, из карамзинской Истории).

Булев и теория "Москва – третий Рим"

В Европе того времени пользовался большой популярностью астрологический альманах, выпущенный в свет И.Штефлером и Я.Пфлауме в первые годы XVI века, и несколько раз оперативно переизданного. Изучая расположение небесных светил на будущее, немецкие астрологи установили, что в 1524 году их конstellация станет особенно опасной, что повлечет за собой некое – как мы сказали бы сейчас, глобальное – "преобразование". Что надо было под этим понимать – дело темное, но европейская общественность предпочла увидеть свидетельство о грядущем всемирном потопе и светопреставлении. К двадцатым годам, панические слухи достигли пределов России, а списки русского перевода избранных глав "Нового Альманаха" получили у нас известность.

Тут-то к распространению слухов и подключился наш "странствующий архиятер". По мнению Булева, выкладки германских авторитетов были безупречны, а сам потоп – скорее всего, неотвратим. Впрочем, в предвидении его надлежало не унывать, но рассчитывать на милость Божию. Наиболее же верным путем для снискания таковой было, по рекомендации лукавого Немчина, вступление православной церкви в унию с католической и участие в подготавливавшемся тогда крестовом походе против Османской империи. Не подвергая сомнению чистоты астрологических убеждений Булева, современные ученые полагают, что его церковно-политические прожекты были оплачены папскими деньгами, и это скорее всего близко к истине.

В поисках сторонников, Немчин пошел на беспрецедентный шаг. Он изложил эти мысли в ряде посланий и направил их нескольким крупным политическим и церковным деятелям Московской Руси. Справившись о мнении, сложившемся при дворе, и узнав, что немца никто не собирался сажать на кол, адресаты его эпистол поняли, что придется отвечать. А ведь к таким дискуссиям у нас люди были в ту пору решительно непривычны. Достаточно вспомнить, что через полтора столетия после Булева, за предсказания похожего типа (включая призыв к разрушению Османской империи) московские власти без долгих церемоний отправили на костер другого немецкого мистического проповедника, по имени Квиринус Кульман.

Ответы, полученные Булевым, были все в своем роде замечательны. Жаль, что тема нашего рассказа не позволяет рассмотреть их в должных подробностях. Нас заинтересует история лишь одного из булевских посланий, направленного на имя псковского великокняжеского дьяка Мисюря Мунехина. После некоторого размышления, дьяк передал письмо старцу Елеазарова монастыря, по имени Филофей. Полагаем, что, прочитав это имя, читатель уже понял, к чему мы клоним. Впрочем, расскажем все по порядку.

Изыски астрологической мысли не привлекли внимания псковского монаха. Пробежав их накоротке, старец ограничил свое неприятие презрительной ремаркой "Сия вся кощунны суть и басни". Что же касалось историософских выкладок, то здесь рассуждение Филофея, оформленное в виде ответа Мисюрю Мунехину, было более пространное. "По его мысли, ни о каком новом "пременении", преобразовании и "преиначении" не может быть речи, поскольку уже произошло изменение всемирного характера (в рамках христианского мира): оно состоит в переходе к России со столицей – Москвой, единственной православной державе, сохранившей политическую независимость, функции неразрушимого "Ромейского царства", истинного христианского царства, "третьего Рима". Но это – особая тема"¹¹⁹.

---

¹¹⁹ Сеницына Н.В. Гиперборец из Эллады, или Одиссея Максима Грека \ Прометей. Историко-биографический альманах серии "Жизнь замечательных людей". Том 16: Тысячелетие русской книжности. М., 1990, с. 230–231.

Действительно, генезис *теории Москвы как "третьего Рима"*, и ее последующее многовековое развитие на отечественной почве – предмет совершенно особого разговора. Тем не менее представляется весьма показательным, что у *ее колыбели стоял не только восхваляемый одними и хулимый по сей день другими псковский старец с его сторонниками и противниками, но и полузабытый немецкий астролог.*

Вот в этом-то и нужно видеть наиболее значительный вклад, который Николаю Булеву довелось сделать в сокровищницу российской культуры. Что же касалось предсказания о потопе, поднявшего волну массового страха, то с ним произошло то же самое, что всегда происходит с торопливыми прогнозами. Пришел 1524 год, за ним наступил – 1525, и ничего особенно страшного не произошло. Народ успокоился до следующего предсказания, ну, а причастные к нему астрологи на некоторое время потеряли кредит доверия.

Доброе имя Николая Булева после указанного года также изрядно пострадало. Что именно произошло, сказать трудно, но современники злорадно писали, что "миру убо представление предвозвещати спешил еси, о Николае, повинувся звездам, внезапное же жития твоего раззорение предреши не возмогл еси"¹²⁰. Впрочем, речь шла не более чем об опале. Позднейшие историки заверяют нас, что Булев, по всей вероятности, умер в своей постели. Имуущество же немецкого "прелестника и звездочетца", накопленное, кстати, за долгие годы честных врачебных трудов, было, также по российской традиции, без колебаний и объяснений с наследниками отписано в казну.

В заключение нашего разговора о предсказании Штеффлера и Пфлауме нужно подчеркнуть, что звезды указали немецким астрологам только на предстоявшее "всеобщее преобразование". Все остальное было не более чем попыткой интерпретации. Между тем, в двадцатые годы XVI века в мире – причем очень недалеко от тех мест, где жили и работали оба звездочета – действительно произошло событие колоссального значения, последствия которого мир ощущает до наших дней.

В 1517 году, Мартин Лютер выступил со своими знаменитыми "виттенбергскими тезисами". В 1526, великим религиозным реформатором был завершён и издан в свет текст новой "Немецкой мессы и последования богослужения". В том же 1526 году, часть германских князей провела в своих владениях реформу церкви по лютеранскому образцу и получила на то согласие имперских властей. К 1530 году, завершена разработка базового текста новой конфессии – знаменитого "Аугсбургского вероисповедания". Ну, а вслед за этим тронулась подлинная лавина, перекроившая политическую и духовную карту Европы. Формально, она принесла в мир евангелическо-лютеранское вероисповедание, фактически – "протестантскую этику", составившую вместе с наукой и технологией фундамент великой индустриальной цивилизации, которая знаменовала самое настоящее "всеобщее преобразование", – в масштабах, сравнимых разве что с "неолитической революцией"¹²¹.

В свою очередь, основание Петербурга стало ответом "русского мира" на вызов этой цивилизации, начавшей формироваться в Европе шестнадцатого столетия¹²². Что же касалось теории о Москве как о "третьем Риме", то она – правда, в изрядно переосмысленном виде – также нашла свое место в метафизике новой столицы. Одним словом, "De te fabula

---

¹²⁰ Цит. по: Буланин Д.М. Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч.1. Л., 1988, с.103.

¹²¹ Отметим, что в современной западной историографии концепция М.Вебера, разработанная на материале протестантского (и уже – кальвинистского) менталитета, продолжает, при всех коррективах, рассматриваться как содержательная (в частности, при выделении констант менталитета российского), более того – с некоторыми оговорками распространяется на традицию "западного христианства" в целом (подробнее см.: Yaney G. The systematization of Russian government. Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana – Chicago – London, 1973, p.395).

¹²² Мы говорим здесь о ней в широком смысле, включая и фазу так называемой преиндустриальной (раннекапиталистической) цивилизации (подробнее см.: Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1997, с. 158–165).

paratur"¹²³, – могли бы сказать петербуржцу немецкие астрологи XVI века, и, в общем, были бы правы.

---

¹²³ "Речь идет о тебе" (лат.).

"Петербургское летосчисление"

Впрочем, рассказ о деятельности Николая Бюлова сначала в Новгороде, а потом на Москве, отвлек нас от основного русла повествования. Соединенными усилиями, все затруднения были преодолены, пасхалии – рассчитаны, и "Миротворный круг" продолжил свои плавные обороты. Сама собой спала и волна апокалиптической паники, спровоцированная концом седьмого тысячелетия от сотворения мира. Все были уверены, что у русских людей впереди еще много времени, чтобы духовно подготовиться к концу наступившего тысячелетия.

Вот почему Петр I совершил с точки зрения своих традиционно мыслящих подданных величайшую "календарную бестактность", прервав плавное движение привычного им летосчисления на 7208 году, и буквально втолкнув их в тысяча семисотый год по счету от Рождества Христова – в общем знакомому им, однако ассоциировавшемуся скорее с западноевропейским календарем.

Формально новое летосчисление было введено в Москве: Петербурга пока просто не существовало нигде, кроме, быть может, подсознания Петра. В "первопрестольной столице" был обнародован царский указ о переходе на новое летосчисление. Там была произнесена и похвальная – скорее же, всепокорнейшая – проповедь Стефана Яворского, там были проведены и торжественный смотр войскам на Ивановской площади, и пышный бал с дамами, одетыми уже в немецкие платья. Там чернь украсила стогны ельником и пила из бочонков, выставленных прямо на улице, у наскоро сколоченных триумфальных ворот с эмблемой нового века.

Все это так. Но, несмотря на это, воплощением нового "столетнего века" стала, конечно же, новая, "петербургская империя". Московский пролог лишь высветлил, откуда шли некоторые из ее корней. Не будет ошибкой сказать, что *если "московский период" отечественной истории был открыт поновлением летосчисления, предпринятым во времена архиепископа Геннадия, то прологом "петербургского периода" послужила календарная реформа 1700 года.*

Ну, а на долю нашего поколения выпало пережить новую волну апокалиптических ожиданий, связанную с окончанием тысячелетия, в которое Россию ввел Петр – и двинуться к трехсотлетию его Города, осеняющему первые годы нового "миллениума". Как видим, вполне нейтральные на первый взгляд реформы календаря приобретают у нас привкус историсофии, оказывая заметное воздействие на "психологию масс".

"Прение живота со смертью"

Диалоги, неизменно озаглавленные как-нибудь вроде "Прение живота со смертью" и посвященные свободному обсуждению конечных ценностей человеческого существования, постепенно стали привычными для средневекового русского читателя, утратили элемент новизны. Между тем, при первом знакомстве с их темой, она поразила воображение ведущих интеллектуалов эпохи. В отличие от многих других тем и сюжетов, мы можем точно сказать, когда и при каких обстоятельствах произошло это знакомство.

В 1494 году, издатель по имени Бартоломей (точнее, Бартоломеус) Готан приехал в Новгород, привезя с собой экземпляр стихотворного диалога человека со смертью, изданного им незадолго до этого (не позже 1492 года) на нижненемецком языке, в славном ганзейском городе Любеке. Будучи вхож в окружение новгородского архиепископа Геннадия, известный немецкий интеллектуал не вытерпел и поделился с русскими приятелями западноевропейской новинкой.

Диалог действительно представлял тему, занимавшую в то время внимание как духовных лидеров, так и широкой общественности католического мира. "Ни одна эпоха не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие", – подчеркнул один из ведущих западных культурологов XX века, Йохан Хейзинга¹²⁴.

---

¹²⁴ Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах \ Пер. с нидерл. М., 1988, с.149.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.